

Анатолий Иванов

ЗРАТУСТРА ГОВОРИЛ НЕ ТАК

Основы арийского мировоззрения

ТЕМ,

чьи мозги до отказа забиты Адамами и Ноями, Авраамами и Исааками, Иисусами и Павлами;

ТЕМ,

кто подобно верному псу, берущему корм только из рук хозяина, принимает духовную пищу только из рук «богоизбранного» еврейского народа;

ТЕМ,

кто не знает и не хочет знать Бога, иначе как в еврейской аранжировке, читать эту книгу незачем.

Бессмысленно спорить с этими людьми и тратить на них время и нервы. После столь же бесплодных споров, правда, по другому поводу, А.Герцен в свое время с горечью понял, «как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться». А как быть с теми, у кого нет не только логики, но и элементарного чувства расового достоинства, нет вообще ничего, кроме полной придавленности чужеродной идеей, неизлечимой духовной импотенции да тупо повторяемой фразы «Это вера наших предков...»

Вера наших предков... Вот уже несколько поколений русских людей живет без этой веры. До того, как наши предки в силу прискорбного стечения исторических обстоятельств вляпались в эту веру, они несколько тысячелетий жили в совершенно ином духовном мире. А ведь именно тогда закладывались основы национального характера, как у отдельного человека главные черты характера, по утверждению психологов, формируются до четырехлетнего возраста. Именно тогда, в незапамятной древности, когда иудаизмом и христианством в мире еще и не воняло, мы стали тем, чем в основном остаемся до сих пор. Судьбу же наших предков можно изобразить так: когда-то сильный враг оттеснил их в гнилые болота. Приспособились, выжили и в них. Но вот врага не стало, можно вернуться в более благодатные места. Однако любители малярии и трахомы вопят: «Не пойдем! Здесь жили наши предки!» Да, жили, но

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Арийцы.....	2
Часть 2. Боги арийцев.....	17
Часть 3. Индуизм	45
Часть 4. Буддизм	64
Часть 5. Маздеизм.....	77
Не эпилог	102
Приложение.....	103

Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней свиньи лишь могут.
А.К.Толстой

Кое-кто, будучи введен в заблуждение названием знаменитой книги Ф.Ницше, потерял ориентацию и перестал соображать, кому какая мысль принадлежит. Например, В.Скурлатов в книге «Молодежь и прогресс» (М.,1980) пишет: «“Человек должен становиться лучше и злее!” – призывал древнеиранский пророк Заратустра, разрекламированный ... Ф.Ницше» (стр.137). Далее он утверждает, будто в книге Ницше «абсолютизирован и мифологизирован дуализм» (там же, стр.140). Похоже, В.Скурлатов если и читал Ницше, то не понял, а с учением подлинного Заратустры незнаком вообще. Прочитированные слова принадлежат самому Ницше, а не «древнеиранскому пророку». Воспользовавшись именем Заратустры, Ницше отнюдь не собирался ни рекламировать его, ни прятаться за чужой авторитет, ни сбивать кого-либо с толку. Он сам так объяснял выбор имени: поскольку Заратустра был первым человеком, открывшим диаметрально противоположность добра и зла, он же должен первым понять и их относительность. Как видим, выбор был чисто символическим, и отвергался именно дуализм. Но я не собираюсь сейчас ни полемизировать с Ницше, ни толковать его.

Не следует искать в заглавии «Заратустра говорил не так» антиницшеанский выпад. Речь пойдет о другом: об арийцах, об их исторических судьбах, о развитии арийской религиозной мысли, о том, каких высот она достигла без еврейской подсказки. Обрубив корни своей духовной традиции, мы оскопили сами себя. И сегодня уже немислимимым и фантастичным кажется возвращение к истокам реки – нет, не иссякшей, но загнанной в какие-то трубы, реки, которую заставили крутить жернова чужих мельниц и турбины чужих электростанций. Как могла бы течь эта река по естественному руслу? В какое бы море она влилась?

Увы! История не имеет вариантов, и мир таков, каков он есть. Но, глядя на сегодняшний пакостный мир, катящийся не то в пропасть, не то просто в помойную яму, как не подумать: что-то здесь не так!

Часть 1. Арийцы

Уже одно это слова настораживает и отпугивает. Слишком скомпрометировали его германские национал-социалисты, склоняя все и не по назначению. Но смею уверить, в самом слове ничего криминального нет. Оно употребляется просто как другое название народов индоевропейской языковой семьи – в таком смысле его можно встретить, например, у Ф.М.Достоевского и А.А.Потебни. Ряд людей сугубо ученых оспаривает применение термина «арийцы» ко всей этой семье и считает, что право на него имеют лишь народы индо-иранской ветви. Может быть, с формальной точки зрения, это и верно, но согласитесь, что «индоевропейцы» – слишком длинно и звучит как-то по канцелярски, зато «арийцы» – коротко и красиво. И я буду говорить об арийцах в широком смысле слова, что же касается индо-иранцев, то почему бы и не назвать всю семью по ее духовному авангарду, по народам, которые дальше всех пошли в развитии арийской мысли по самостоятельному пути и до сих пор одни, хотя и не все без исключения, сохранили эту самостоятельность? Ведь называют же целые страны со смешанным населением по господствующим

народам, а в прошлом целые народы называли по их вождям, т.е. по отдельным лицам. Почему бы и в случае с арийцами не применить тот же прием?

Люди вполне культурные, но не имеющие специального языкового образования, по моим наблюдениям, не очень твердо знают, какие именно народы входят в арийскую семью. В порядке ликбеза придется сказать, что эта семья насчитывает 12 ветвей, одна из них – славянская. Другие ветви: индийская (большая часть населения Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала и Цейлона), иранская (персы, афганцы, таджики, осетины), балтийская (литовцы и латыши), германская (немцы, англичане, голландцы, скандинавы), романская (итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны, молдаване), кельтская (ирландцы, шотландцы, уэльсцы, бретонцы). Особняком стоят в семье греки, албанцы и армяне. И, наконец, две ветви вымерли: хетты – древнейшее население Малой Азии, и тохары, жившие в Синьцзяне.

Еще одна путаница, от которой необходимо предостеречь – смешение понятий, относящихся к расе и к языку. Арийцы – термин лингвистический, никакого арийского или индоевропейского антропологического типа нет в природе, он попадает только в некоторых научно безграмотных сочинениях. С легкой руки тех же германских националистов и их идейных предтеч многие до сих пор считают отличительными признаками «арийца» светлые волосы и голубые глаза. Но именно так выглядят на древнеегипетских изображениях ливийцы – народ, принадлежащий не к арийской, а к семито-хамитской семье. Тот же тип можно встретить и у самых что ни на есть первобытных племен Европы, ныне говорящих на языке финской группы: саами (лопари) имеют белую кожу, рыжие волосы и голубые глаза [К.Г.Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр.27.]. Трудно поверить, но монголы когда-то были светловолосыми и голубоглазыми [Л.Н.Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970, стр.99.], равно как и енисейские киргизы и половцы [Там же, стр.95.], которых перекрашивают только в опере «Князь Игорь».

Ганс Ф. К. Гюнтер четко различал антропологическую и лингвистическую классификации, но считал, что первоначально раса и язык были едины, а именно: создателем индоевропейских языков была нордическая раса. Такую же точку зрения отстаивает сегодня во Франции известный специалист по индоевропейцам Жан Орди. Но Гюнтер ошибочно выводил нордическую расу из Тюрингии (своя германская рубашка ближе к телу), заимствовав эту идею из капитального труда К. Шухардта о древней Европе (Carl Schuchhardt. *Altteuropä, die Entwicklung seiner Kulturen und Volker*), первое издание которого вышло в 1918 году.

При сегодняшнем уровне науки можно лишь очень приблизительно сказать, когда и где арийцы выделялись в обособленную группу и как эта группа потом распалась, но никто не знает, где, когда и как появились предки арийцев. Этот вопрос тесно связан с проблемой происхождения человека вообще, которая пока решена лишь теоретически, но каким именно путем шло развитие, остается неясным. Мне пришлось однажды услышать курьезную фразу: «Я верю в Бога, а не в то, что человек произошел от обезьяны». Эта фраза курьезна сразу в нескольких отношениях. Во-первых, никто и никогда не утверждал, что человек произошел от обезьяны. Согласно теории Дарвина, человек и обезьяна всего лишь имеют общих предков, т.е. являются, так сказать, дальними родственниками, не более. Любопытно, что за тысячу лет до Дарвина эта же мысль нашла свое выражение в зороастрийской религиозной литературе, а именно в книге «Бундахишн», где обезьяны названы одной из десяти разновидностей рода человеческого [S. Hartman. *Gayomart*. Uppsala. 1953, стр.53.].

Я уж не говорю о том, что обезьяны и их отважный вождь Хануман воспеты в индийском эпосе «Рамаяна» и что изображение Ханумана развевалось на знамени, под которым шел на решающую битву Арджуна, герой другого индийского эпоса – «Махабхараты». Так что уважение к обезьяне – в арийских традициях, и не стоит так уж открещиваться от нее.

Во-вторых, что за нелепая альтернатива – либо Дарвин, либо религия? Не слишком ли много чести для Дарвина, теория которого имеет очень ограниченное значение и отнюдь не исчерпывает проблему эволюции даже в пределах биологии? Нет, у наших предков вера была крепче, и от одного вида Дарвина не падала. Замечательный русский поэт А.К.Толстой был, несомненно, человеком верующим, но когда он прослышал, будто его друг, М.Н.Лонгинов, начальник главного управления по делам печати, собирается запретить книгу Дарвина, он обратился к нему с таким полушуточным, полусерьезным посланием:

Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседаньи
Запретить и Галилея...
Отчего б не понемногу
Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приемы?
Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати, -
Знать не может председатель
Комитета о печати...
Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

Не мешал Дарвин и Тейяру де Шардену. Оставаясь католическим аббатом, он занимался изучением синантропа, а в своих трудах просто по-особому истолковывал эволюцию. Ведь когда об эволюции говорят материалисты, у них, по сути, все строится на двух словах «случайно» и «постепенно». Случайно возникли такие-то и такие-то особенности, постепенно они утвердились. Да разве это наука? Это пародия на науку. Дарвин исходил из таких факторов, как борьба за существование, приспособляемость, естественный отбор, но разве можно объяснить с дарвиновской точки зрения поступательный, прогрессивный характер эволюции? Никоим образом! Существенную поправку внес выдающийся русский биолог А.Н.Северцов. Он обратил внимание на тот факт, что «общее регрессивное направление эволюции часто ведет в конечном итоге к биологическому... прогрессу вида». В качестве одной из причин общей дегенерации А.Н.Северцов называл «переход от самостоятельного образа жизни к паразитизму», но меланхолично заключил: «Мы можем считать достоверно установленным, что многие... дегенерировавшие формы принадлежат к числу наиболее цветущих групп животного мира» [А.Н.Северцов. Морфологические закономерности эволюции. 1939, стр.316-320.]. Просто прелесть, до чего четко описал А.Н.Северцов биологическими терминами положение еврейства в современном человечестве! Ясней не скажешь: не принимайте внешнее преуспевание этого паразитического народа за признак его необыкновенно высокого развития!

Но вот за счет чего утверждают себя в жизни действительно высшие формы, этого ни Дарвин, ни Северцов объяснить не могли, зато Тейяр де Шарден ненавязчиво, но очень убедительно подводит читателя к мысли о направленном характере эволюции, а о каком Направляющем идет речь – поймет каждый.

И понятно, надеюсь, каков мой собственный взгляд на проблему происхождения человека. Если кому-то нравится происходить от еврея Адама – пусть происходит. Я лично предпочитаю «обезьяну» (символическую, разумеется). Созданный Богом человек есть и в арийских религиях. В зороастризме, например, он называется Гайомартом, но кто знает это имя? У всех на устах Адам да Адам. Да пропади он пропадом этот Адам, оставим его евреям, вспомним, наконец, нашу собственную родословную!

Так или иначе, человек современного типа появился в позднем палеолите, примерно 40 тысяч лет назад, и довольно быстро освоил огромные пространства от Атлантики до Байкала, на которых прослеживается однородная культура. При этом мы сразу же встречаем все три основные расы, которые живут бок о бок на одних и тех же территориях. Европеоиды-кроманьонцы живут вперемежку с негроидами-гримальдийцами в Северной Африке и в Западной Европе, от Франции до Чехословакии, а у нас в России негроиды жили на уровне Воронежа. Во всей этой мешанине нас больше всего интересуют кроманьонцы.

Как-то недавно мне довелось, то помирая со смеху, то хватаясь на голову, читатьopus одного неизвестного любителя о кроманьонцах и неандертальцах, в котором были нагромождены эвересты невообразимой чуши. Ясно было, что автор ни уха ни рыла не смыслит ни в неандертальцах, ни в кроманьонцах, тем не менее он обнаглел до того, что создал целый миф, в котором возвел к вражде между этими двумя палеолитическими видами... нынешнюю борьбу между евреями и арийцами. Чтобы серьезные проблемы не снижались до уровня глупого анекдота, поясним в чем дело.

Неандертальцы – промежуточная форма, существовавшая до появления человека современного типа и, похоже, тупиковая. В еженедельнике «За рубежом» (1981, № 11) была помещена статья «На заре человеческого рода», в которой излагаются взгляды французских антропологов. В этой статье говорится: «Почти все специалисты склоняются к тому, что нынешний человек не мог произойти от классического неандертальца». Речь, стало быть, идет о современном человеке вообще. Может быть, неведомый автор докажет нам, что еврей – не человек? Ведь не докажет, во всяком случае, не сможет этого сделать, опираясь только на антропологический материал, которого он, кстати, не знает. В частности, непонятно, почему он считает неандертальцев «брахикефалами». Классик антропологии И.Деникер дает для них величину черепного указателя порядка 70-75. У кроманьонцев долихоцефалия была еще более ярко выражена, но неандертальцы идут на уровне максимальной долихоцефалии в современной Европе (74-76). Если же брать не один черепной указатель, а общую совокупность признаков, то окажется, что наиболее близки к неандертальцам не какие-нибудь там негры или монголы, а вся европеоидная раса в целом [Я.Я.Рогинский. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. Изд.МГУ, стр. 62-63.]. Понятно? Вся, а не одни только евреи. Мало того. Среди кроманьонцев выделяется т.н. брюннский тип (по немецкому названию чешского города Брно), отличающийся более покатым лбом и развитыми надбровными дугами, т.е. как раз неандерталоидными признаками [Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. М., 1951, стр. 417, 436.]. А ведь именно к этому типу принадлежали носители древнеямной культуры в наших южных степях, о которой еще пойдет речь, несомненные арийцы. Вывод из всего этого один: осторожней с историей и антропологией: Не знаешь – не лезь!

Вернемся к реальным, а не к выдуманым кроманьонцам. Называть их «современным» типом не совсем верно – тип этот имел весьма своеобразное сочетание черт, ныне редко встречающееся: высокий рост, резкая долихоцефалия и очень широкое лицо. В какой-то степени это и наши предки, но не только наши. Среди современных типов к ним ближе всего особо выделяемая Гансом Ф. К. Гюнтером фальская или дальская раса.

Если все три расы появляются сразу, то о языковых семьях того же сказать нельзя. Они – позднейшее образование, и до того, как они начали существовать самостоятельно, была какая-то другая, более широкая общность. Еще в начале нашего века выдающийся лингвист Х.Педерсен выступил с гипотезой, согласно которой индоевропейская, семито-хамитская, уральская, алтайская, картвельская и дравидская языковые семьи в глубокой древности составляли единую семью языков, которую он условно назвал ностратической, и даже имели общий ностратический праязык. В журнале «Вопросы языкознания» № 2 за 1964 была опубликована статья А.Б.Долгопольского «Гипотеза древнейшего родства языковых семей Евразии с вероятностной точки зрения». Автор этой статьи использовал для подтверждения гипотезы Педерсена теорию вероятностей и пришел к выводу, что вероятность, например, случайного совпадения индоевропейских, семито-хамитских и уральских морфем равна 0,005. Но самый большой вклад в развитие этой идеи внес рано умерший советский языковед В.М.Иллич-Свитыч, составивший первый в мире сравнительный словарь ностратических языков (М. 1971, 1976).

Ностратическую гипотезу можно считать доказанной, но как бы с ней не повторилась та же ошибка, в которую впали лингвисты сразу же после открытия индоевропейской языковой общности, как бы снова не всплыла теория «праязыка». Чтобы этого не случилось, нужно уяснить вопрос, каким образом могли установиться связи между народами, рассеянными на таких огромных территориях. Вряд ли эти связи могли быть особенно прочными – дело-то происходило в эпоху палеолита! Необходимо определить и длительность этих связей, хронологические рамки ностратической общности, проследить процесс ее распада.

Советский археолог В.Н.Даниленко считает, что «окончание ностратической этноисторической эпохи более или менее точно совпадало с завершением эпохи мезолита и таким образом датируется примерно X тысячелетием до н.э.» [В.Н.Даниленко. Энеолит Украины. Киев. 1974, стр.130-131.] С ним не согласен другой советский историк А.Г.Кифишин, который в своей неопубликованной работе «Миф и история» относит распад ностратической общности еще дальше – в XIV тысячелетие. Кто же из них прав?

Я провел подробный анализ словаря Иллича-Свитыча. Методика анализа была такова. На каждую лексическую единицу, представленную в словаре, приходится определенное число совпадений и несовпадений. Я регистрировал, в каких языках данная единица совпадает, а какие языки отсутствуют в ряду совпадений. Всего в словаре 353 слова. В 52 случаях из шести семей отсутствует только одна, в 13 случаях это картвельская семья (т.е. грузинский и родственные ему языки). В 79 случаях отсутствуют две семьи, в том числе 45 раз картвельская. В комбинациях по три картвельская семья отсутствует 71 раз. В итоге получается любопытная картина:

картвельская семья: $18 + 45 + 71 = 134$

дравидская семья: $8 + 33 + 62 = 103$

уральская семья: $9 + 29 + 54 = 32$

алтайская семья: $7 + 21 + 42 = 70$

индо-европейская семья: $7 + 16 + 32 = 55$

семито-хамитская семья: $5 + 16 + 33 = 54$

Чем же эта картина любопытна? А тем, что она наглядно показывает процесс распада ностратической общности. Первыми от нее отделяются картвелы, затем дравиды (современное население Южной Индии), еще позже – уральская семья (угро-финны), вслед за ней – алтайская (тюрки, монголы, маньчжуры, эвенки, корейцы) и, наконец, последними расстаются друг с другом семито-хамиты и индо-европейцы. Вот, видать, друзья были – водой не разольешь! Кстати, и по числу схождения индо-европейцы и семито-хамиты держат рекорд – 145.

Для того чтобы уточнить, как и когда это происходило на практике, придется обратиться к данным археологии.

В.Н.Даниленко снабдил свою книгу «Энеолит Украины» рядом карт, на которых хорошо показана смена археологических культур на протяжении нескольких тысячелетий. За этим внешне сухим материалом – панорама грандиозных перемещений народов, в какой-то мере даже прообраз будущего.

В теперешних пустынях когда-то была жизнь. Именно эти зоны были эпицентрами мощных этнических взрывов на исторической памяти человечества: так из аравийского зародыша образовался огромный халифат, а центральная Азия периодически заливала континенты то гуннской, то тюркской, то монгольской волнами. А самая большая из пустынь, Сахара? Эта область тоже знала чередование дождливых и засушливых периодов, т.е. и здесь действовал тот природный механизм, который по Л.Н.Гумилеву вызывает переселение народов. Первый из дождливых периодов в Сахаре приходится на эпоху раннего палеолита, второй – на эпоху неолита [Анри Лот. В поисках фресок Тассили. М., 1962, стр.4 (предисловие Д.А.Ольдерогге)], между ними соответственно – длительный аридный период и, как его следствие, – глобальный этнический сдвиг.

В позднем палеолите на Европу с юга начинает распространяться т.н. капсийская культура (давнее ей имя место ныне расположено в Тунисе и называется Габес), отличающаяся поразительным сходством локальных проявлений [В.Н.Даниленко, цит.соч. стр.143.]. Сначала она захватывает южное Средиземноморье, Кавказ и Крым, и потом наступает все дальше, оттесняя на север и северо-восток Европы и в Западную Сибирь коренное палео-европейское население. Рис.70 на стр.144 книги В.Даниленко показывает ситуацию в период перехода от палеолита к мезолиту, т.е. во XII тысячелетии до н.э. Западная ветвь капсийцев уже захватила целиком Испанию, Италию, Францию, проникла в Англию, ведет борьбу за центральную Европу. Палеоевропейское население отступает к нам, в европейскую Россию. Восточная ветвь капсийцев занимает Балканы, а через Кавказ и в обход Каспийского моря с обеих сторон – наши южные степи от Днепра до Урала. На востоке эта волна заливает Аравию, Иран, Среднюю Азию. Со столь широким распространением однородной культуры только и могло быть связано образование ностратического единства, единства не исходного, не единства групп, связанных кровным родством, а единства благоприобретенного. Аналогичным образом распространялись позже греческая, римская и арабская культуры, оставляя свои следы и в языке. Лингвистика уже не раз садилась в лужу, когда группы, которые она принимала по началу за исконно родственные, оказывались при более внимательном изучении разного происхождения, а сходство элементов их языков – результатом позднейшего длительного сосуществования. И теперь снова В.Даниленко впадает в ту же ошибку и изображает на рис.78 на стр.156 схему деления некогда не существовавшего исходного ностратического единства, помещая его опять-таки в Египет и Палестину, т.е. льет воду на мельницу гнусной библейской традиции, производящей все человечество от евреев.

Кто же отступал в эти незапамятные времена и кто наступал? Отступали, судя по всему, предки арийцев. Мы уже говорили о сходстве протоевропейского типа с типом, представленным среди населения, оставившего самые древние курганы в наших южных степях от Днепра до Волги, курганы т.н. древнеямной культуры, уже несомненно арийской. Значит, отступление коренного палеоевропейского населения в наши места, о котором говорит В.Даниленко, было отступлением наших предков.

Под чьим натиском им приходилось отступать? В.Даниленко считает, что лишь в материалах капсийского ареала может найти обоснование гипотеза о родстве басков, хамитосемитов и протокартвелов [В.Н.Даниленко, цит. соч., стр. 157.], что главным для решения вопроса об этнокультурной принадлежности ностратического единства является присутствие в нем в качестве важных, возможно близких к прототипу, составных частей формирующихся хамитской, семитской и кавказской (картвельской) диалектных групп [Там же, стр.131.]. Баски, по его мнению, единственный реликт этого периода в Западной Европе: их корни уходят в хамитоберберскую этноглобтогоническую среду [Там же, стр.147.]. В этом он недалек от истины. Конец палеолита – эпоха первой гигантской битвы арийцев с хамито-семитами и казалось бы полной победы последних.

Я не хочу разбирать здесь вопрос об Атлантиде, по которому есть огромная специальная литература. Всяких фантазий вокруг Атлантиды накручено немало, но если в том, что касается ее местонахождения и времени гибели следовать за Платоном, то они как раз совпадут с эпицентром и эпохой экспансии капсийской культуры. Отсюда вывод, что Атлантида была, скорее всего, хамитской цивилизацией (семиты обособились в отдельную группу позже), как и ее наследница – древнеегипетская. Все области Северной Африки, где теперь господствует арабский язык, когда-то занимали предки берберов Марокко и Алжира и египтяне.

С семито-хамитами и пришлось иметь дело Западной Европе. Зоной усиленной инфильтрации отделившихся от них семитов стал уже в неолите Балканский полуостров. Хочу кстати указать на различия между семитами и евреями. Семиты – тоже термин лингвистический. Их лучшим антропологическим эквивалентом Б.Грозный считал восточный вариант средиземноморской расы, к которой принадлежит и часть арийцев. Этот тип лучше всего представлен у современных арабов и древних вавилонян. Современный же еврейский тип возник в результате смешения семитов с туземной переднеазиатской расой (хурриты, урарты, хетты), признаки которой – брахикефалия и характерный нос (Б.Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. «Вестник Древней истории», 1940, № 3-4). Эту расу называют то ассириодной, то арменоидной, поскольку, кроме евреев, она представлена среди ассирийцев и армян. Ее происхождение покрыто мраком неизвестности. Во всяком случае, ее нельзя считать исконной для всей Передней Азии, древнейшее население которой принадлежит к средиземноморской расе. «Арменоидный» тип появляется в Анатолии лишь в I тысячелетии до н.э. (О.Р.Герни. Хетты. М., «Наука», 1987, стр. 188.) Зоной первоначального обитания еврейско-армянской (назовем ее так) расы была северная Месопотамия и горные области Малой Азии, откуда народы этой расы начали экспансию во II тысячелетии до н.э. Ближе всего к ней стоит динарская раса, распространенная среди древних фракийцев и современных южных славян. Появление еврейско-армянской расы объясняют явлениями скорее биологического порядка, а именно постепенной регенерацией ряда признаков древнего автохтонного типа, измененных и усиленных метисацией, внутри уже ранее образовавшихся языково-племенных групп (хурриты, субарейцы, протохетты, часть семитов). В этом процессе ряд характерных признаков, в частности, форма носа, получил оформление, завися от вторичной долихокефальной среды [Б.А.Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр.126-127.]. Таким образом,

еврей-семиты, а армяне-арийцы лишь по языку, в расовом же отношении они принадлежат к одному типу и первоначальные носители этого типа говорили не на арийском и не на семитском языке, а на языке, близком к современным кавказским.

Почему я сказал раньше, что карты палеолита – прообраз будущего? Дело в том, что существует некая связь, которую нельзя назвать иначе, как мистической, потому что рационального объяснения ей пока не найдено, между ареалами древних культур и позднейшим распространением на тех же территориях определенных идеологий. Почему, например, католицизм так цепко держит в своих руках не только романцев и кельтов, но и литовцев, поляков, хорватов, венгров? Что общего между этими народами? Ничего, кроме того, что они жили и живут на землях, некогда занимавшихся древнеевропейской общностью в лице т.н. культуры полей погребальных урн (см. рис.5 на стр.45 книги В.В.Седова «Происхождение и ранняя история славян», М., 1979). И теперешнее распространение таких семитских идеологий, как христианство и мусульманство, совпадает с ареалом капсийской культуры, т.е. исторически детерминированы и последующие события.

Период перехода от мезолита к неолиту (X тысячелетие до нашей эры) – время полного господства капсийцев в Западной Европе. Зато на базе гонцовской позднепалеолитической культуры на северо-востоке Украины возникает новый культурный ареал, еще не очистившийся от капсийских влияний, но уже в известной степени самобытный и активный – он распространяется на Кавказ и восточное побережье Каспийского моря, где, как и в самом Причерноморье, он сталкивается со встречной экспансией культуры без геометрических форм из района к северу от Аральского моря, т.е. из зоны обитания народов еще не разделившейся урало-алтайской группы (см. рис.71 на стр.145 книги В.Даниленко). Таким образом, контакты внутри ностратической общности еще не нарушены, но уже начинается арийское сопротивление семитскому засилью.

Следующий этап при переходе от архаического к раннему керамическому неолиту (VII тысячелетие до нашей эры) я бы назвал периодом реконкисты по аналогии с отвоеванием Испании у арабов, только в неолите это событие имело общеевропейский масштаб. Центр сопротивления семитизму возник на территории нашей страны (да вдохновит потомков пример предков!), но основной контрудар в неолите был нацелен на центральную и северо-западную Европу, на отвоевание своих бывших земель. Зато в наших южных степях, в связи с отливом арийцев на Запад, снова усиливается капсийское влияние (см. рис.72 на стр.146 книги В.Даниленко).

Наконец, только в период перехода к развитому неолиту, т.е. в V тысячелетии до н.э., мы впервые встречаем обособленный культурный ареал в Закавказье. А поскольку анализ словаря Иллича-Свитыча наводит на мысль, что первой отделилась от ностратической общности именно картвельская группа, значит, распад этой общности произошел только между VII и V тысячелетиями. Одновременно средне-азиатская кельтеминарская культура распространяется на северо-запад: это отделяются угро-финны, отправшие третьими по данным того же анализа. Индия на картах В.Даниленко не показана, но где-то в это же время должны были по идее выделиться и дравиды.

Но самый неожиданный вывод еще предстоит сделать. Получается так, что распад ностратической и индоевропейской общностей происходили одновременно. И здесь нам необходимо остановиться и сравнить разные существующие точки зрения на проблемы прародины индоевропейцев и распада индоевропейской языковой общности.

В начале прошлого века, на заре языкознания, когда только было установлено родство европейских языков с санскритом, взоры устремились на Восток, и колыбелью индоевропейцев стали считать в порядке очень распространенной и модной тогда гипотезы Среднюю Азию.

... И где, как пишут, жили наши предки.

На уровне тогдашней науки и находился тот остряк-самоучка, который составил фальшивку, известную под названием «Влесовой книги», обслонявленную и поднятую в наши дни на щит профанами, разбирающимися в древней истории не лучше того автора, который писал о кроманьонцах и неандертальцах. Но оставим в стороне анекдоты, перейдем к серьезным вещам.

Наиболее распространенной до сих пор является концепция южнорусской прикаспийской степной прародины индоевропейцев. А.Неринг обосновывал эту точку зрения следующим образом. Колыбель искомого народа могла находиться только в районе, откуда многие народы, говорившие на индоевропейских языках, могли двигаться во всех направлениях – на Балканы, к Балтийскому морю, к Гиндукушу. Такое место не могло быть слишком удалено от Урала и Западной Сибири, а с другой стороны, должно было соприкасаться с Кавказом. Местом, отвечающим всем этим условиям, могли быть только низорья Волги. [G.Herm. Die Kelten. Dusseldorf-Wien. 1975. стр. 122.]

Развила идеи Неринга, но сдвинула прародину индоевропейцев на Восток Мария Гимбутас. Она отождествила прародину индоевропейцев с первоначальным ареалом распространения древнеямной культуры в степях между нижней Волгой, Каспийским и Аральским морями и верховьями Енисея. [Там же, стр. 126.]

В противоположную сторону, в нижнее течение Дуная, тянул прародину индоевропейцев Г.Хирт. [В.Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр.56.] Известный болгарский лингвист В.Георгиев категорически утверждает: прародину индоевропейцев надо искать в Европе, имея в виду области восточной и центральной Европы от Дона до Рейна, к югу от Балтийского и Северного морей. [Б.В.Горнунг. Из предистории образования общеславянского единства. М., 1963, стр.11.] Советский языковед Б.Горнунг считает основным очагом образования индоевропейской языковой общности Северные Балканы и нижний Дунай и отвергнет все варианты средне-европейской и тем более северной индоевропейской прародины, равно как и прикаспийские степи. [В.Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр.279.] Наконец, Ф.Филин предлагает промежуточное решение: «Прародина индоевропейцев... по всей видимости находилась где-то между прикаспийской областью и районами Центральной Европы». Ее «вероятнее предположить в южно-русской степной или лесостепной полосе». [Ф.П.Филин. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962, стр.92.] Не меньший разброс, чем в пространстве, получается и во времени. По Б.Горнунгу, образование индоевропейской языковой общности относится к V-IV тысячелетию, а выделение обособленных групп началось в III тысячелетии. [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.10.] В.Даниленко представляет себе картину следующим образом: архаический неолит (X-VII тысячелетия) – период возникновения индоевропейского этноязычного диалектного единства «на пограничьи Европы и Азии», в развитом неолите (VII-V тысячелетия) происходит смещение индоевропейской ойкумены к Западу, в энеолите (IV-III тысячелетия) – поляризация земледельческих и пастушеских (скотоводческих) племен, и на рубеже III и II тысячелетий – распад диалектного единства. [В.Д.Даниленко, цит.соч., стр.131, 118.] Исходя из отсутствия в индо-иранских языках европейских сельскохозяйственных терминов, Ф.П.Филин приходит к выводу, что в V-III тысячелетии индоевропейцы земледелия еще не знали. Индоевропейскую общность он целиком относит к эпохе неолита, а ее распад – к концу неолита. [Ф.П.Филин, цит.соч., стр.95-98.] Аналогичного мнения придерживается В.Н.Даниленко: индоевропейцы на самых ранних этапах своей истории прежде всего были скотоводами, пастухами. Они принесли миру овладение крупным рогатым скотом и конем. [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.153.]

Резко противопоставляет себя большинству исследователей В.Георгиев. По его мнению, распад индоевропейского языка – основы начался за много тысяч лет до конца неолита, а в VI-IV тысячелетиях уже оформились 4 главные группы языков: в одну из них входили славяне, балты и германцы, в другую – кельты, италийцы и венеты, в третью – греки, албанцы, армяне и индо-иранцы, и в четвертую – хетты. [В.Георгиев, цит.соч., стр.276-282.]

Пора и нам определять свою позицию. Возьмем опять-таки за основу карты В.Даниленко. Как уже говорилось, где-то в VII тысячелетии происходит реконкиста Европы и сдвиг арийцев на запад. Этот сдвиг неизбежно должен был повлечь за собой разрыв связей. И в самом деле: к V тысячелетию мы имеем уже несколько обособленных культур, принадлежащих разным группам индоевропейских племен, на пространстве от Франции до Урала. Значит, прав Б.Георгиев, и индоевропейская общность стала распадаться именно в тот период, на который он указывает. Прародину же индоевропейцев можно с достаточной уверенностью уложить в рамки между Уралом и Днестром. Та прародина, о которой говорит М.Гимбутас, является прародиной арийцев в узком смысле слова, т.е. индо-иранцев. В.Георгиев же, притягивая прародину индоевропейцев поближе к Дунаю, просто идет на поводу у своего болгарского патриотизма.

Эпицентром распада явился западный край индоевропейского ареала, район буго-днестровской культуры, от которой веером потянулись нити на запад. Самым обширным и устойчивым ее отпочкованием была область линейно-ленточной керамики. На этнокультурное родство этих двух зон указывает В.Даниленко. [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.135.] Исследователи довольно единодушно видят в носителях культуры линейно-ленточной керамики предков кельтов и италийцев, добавляя к ним венетов (Георгиев, стр.279) или иллирийцев (В.Даниленко, стр.149).

Кельты, по-видимому, шли в авангарде битвы за Европу, оттесняя капсийцев, а частично смешиваясь с ними и подвергаясь встречному влиянию. О.Покорный считает особый порядок слов в кельтских языках результатом влияния семито-хамитского субстрата, ссылаясь на то, что в арабском наблюдается такой же порядок слов. В.Ярцева раздраженно отвергла теорию «неведомо откуда взявшегося» семито-хамитского субстрата, но теперь-то ясно, откуда он взялся. [Г.Льюис и Х.Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр.10-11 (предисловие В.Ярцевой).]

Раньше считалось, что исконными обитателями севера Европы были германцы. Однако в вышедшей в Америке книге «Кельты и викинги» Чарльз Сихольм блестяще доказал, что кельты британской ветви пришли в Данию и южную Швецию за пять тысяч лет до нашей эры и непрерывно властвовали там тысячи лет. [Ch. N. Seaholm. The Kelts and the Vikings. New York. 1974. стр. 12-13.] Косвенным указанием на связь со Скандинавией, конкретно с Данией, может служить и древнее самоназвание ирландцев Туата-де-Дананн (народ богини Дану), и тот факт, что Ютландия в прошлом называлась Кимврским полуостровом. Германцы появились в этих местах гораздо позже. На картах В.Даниленко северную Германию, Данию и Прибалтику занимает особая культура скотоводческих племен, ведущая свое начало не от буго-днестровской культуры, а от самих уже обособившихся между Днепром и Уралом скотоводов-арийцев в узком смысле слова. Так что, возможно, линейно-ленточная культура принадлежит только романцам, и кельты отличались от них еще в те времена особым образом жизни, хотя и жили рядом. Не зря лингвисты так и не могут понять, была единая кельто-романская группа, или нет.

Из того же буго-днестровского района двинулись на Дунай хетты, впоследствии перешедшие в Малую Азию и там первыми из индоевропейских народов попавшие в анналы письменной истории. (Точнее не хетты, а неситы – хеттами называлось туземное неарийское население – это к сведению тех, кто придумал «хатников»). Дилетанты, любящие рез-

виться на лугах истории, производят этноним «хатты» от слова «хата» и объявляют их, конечно, славянами. Да, у них было типично славянское ласковое обращение «генацвале»). То же направление избрали греки, фракийцы и армяне.

Одна из самых больших загадок индо-европеистики – проблема тохар. Тохарский язык был открыт в начале нашего века в Синьцзяне, где на этом языке говорили до VII в. н.э., хотя основная часть тохар была вытеснена оттуда гуннами во II веке до н.э., слилась с саками-иранцами, а в начале нашей эры саки и тохары создали на территории Индии и Афганистана Кушанскую империю, со времен которой, с 78 г. (эра Шаки), ведет свой счет нынешний индийский календарь.

Тохары спутали карты тем лингвистам, которые привыкли делить индоевропейские языки по их фонетическим особенностям на две условные группы «кентум» и «сатам» (по произношению слова «сто»). В группу кентум входят западные языки – германские, романские, кельтские, венетский, греческий, хеттский, в группу сатам – восточные: славянские, балтийские, индо-иранские, армянский, албанский, и вдруг на крайнем востоке обнаружился язык группы «кентум».

Тохарский язык ближе всего к славянским и балтийским языкам [Б.Георгиев, цит.соч., стр. 55, Б.Горнунг, цит.соч., стр. 25, 80.], значит, предки этих народов когда-то жили рядом. Но когда? И каким образом тохарский язык сохранил столь же архаичную структуру, как хеттский, и фонетический строй типа «кентум» в «сатамной» среде? Б.Горнунг одно время отождествлял тохар с абашевской курганной культурой II тысячелетия на Средней Волге [Б.Горнунг, цит.соч., стр.87, 88.], которую выводил из средне-днепровской культуры боевых топоров. В.Даниленко предлагает другое решение: он приписывает тохарам древнеямную культуру, а в процессе их дальнейшего продвижения на восток – афанасьевскую культуру III тысячелетия на Енисее. [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.137-138.]

В этом вопросе В.Даниленко, конечно, заблуждается. Индо-иранский характер древнеямной культуры доказан довольно убедительно, а тохарский язык не имеет никаких сходений с индо-иранскими. [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.80.] В своем движении на восток тохары прошли через финно-угорскую среду. Но когда они начали свое движение? Скорее всего, его можно связывать с инфильтрацией поздней бугоднестровской культуры на Днепр в IV тысячелетии (см. рис.74 на стр.148 книги В.Даниленко). В своем движении через Западную Сибирь в Синьцзян они должны были идти впереди иранцев.

Одна часть индоевропейских народов уходила со своей прародины, другая еще оставалась. Среди оставшихся в III тысячелетии еще были германцы, балты, славяне и индоиранцы.

Мы уже не раз говорили о древнеямной культуре.

Если признавать территорией формирования индоиранского или арийского единства степь и лесостепь к северу от Черного и Каспийского морей, а его временем – III тысячелетие до н.э. [Н.Р.Гусева. Индуизм. М.,1977, стр.27-28.], то мы попадем как раз в зону древнеямной культуры, которую М.Гимбутас, а вслед за ней и Н.Гусева [Там же, стр.36.] ошибочно считают обще-индоевропейской, хотя индоевропейцы в эту эпоху уже расселились гораздо шире. В.Даниленко допускает другую ошибку, приписывая эту культуру тохарам, но развитие древнеямной культуры он проследил очень подробно. По его схеме, древнеямная культура сложилась в начале IV тысячелетия до н.э. Эпицентр ее находился в зоне степей к северу от Кавказа, между Каспийским и Азовским морями, хотя было и ответвление по восточному берегу Каспия до увлажненных тогда Каракумов. Однако напор из Средней Азии протоугорских кельтеминарских племен вызвал смещение древнеямной культуры на запад, в Поднепровье, в степную и лесостепную Украину, где скотоводческие арийские племена, носители этой культуры, сталкиваются с местной земледельческой

Трипольской культурой, очевидно, принадлежавшей фракийцам, и одерживают верх. [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.40,62.] Однако на рубеже III и II тысячелетий с Кавказа вторгается инородная катакомбная культура неарийского происхождения и прерывает арийскую традицию в наших южных степях [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.39.]. Ю. А. Шилов в своей фундаментальной работе «Прародина ариев» (Киев, 1995) связывает катакомбную культуру с алазано-беденской культурой Закавказья, хурритско-картвельской по своей этнической принадлежности. Зато расселение кельтеминарцев открывает путь на восток, и часть ариев, будущие иранцы, занимает Западную Сибирь [Б.Н.Даниленко, цит.соч., стр.156.] (они вернутся потом в Причерноморье как носители новой, срубной культуры), а другая часть уходит в Индию. Лишь в середине II тысячелетия до н.э. неарийскую кельтеминарскую культуру в Средней Азии сменяет иранская тазабагвябская. [С.П.Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948, стр.76.] Индо-арийцы к тому времени уже в Сирии и самой Индии. Так развеиваются миражи А.П.Чайковского, нафантазировавшего в Средней Азии общеарийскую прародину. [А.П.Чайковский. Родина народов арийской расы. М., 1914, стр.211.]

Спор ведется и о том, по какому пути они шли. Б.Горнунг исходит из того, что распад индоиранского языкового единства произошел еще в Поволжье, и протоиндийцы двинулись прямо на юг через Кавказ и Митанни. [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.131.] Поясним, что под названием Митанни известно сильное царство, существовавшее в Северной Сирии в середине II тысячелетия до н.э. Господствующий слой в этом царстве составляли те же самые арии, которых мы знаем по Ведам. Советский историк И.М.Дьяконов, которого почему-то одно упоминание об ариях приводит в бешенство, опубликовал в «Вестнике древней истории» № 4 за 1970 г. статью: «Арии на Ближнем Востоке: конец мифа». В этой статье он пытался всячески приуменьшить арийское влияние в Митанни, хотя и вынужден был признать, что митаннийские цари носили арийские тронные имена неспроста. В порядке полемики с И.Дьяконовым Т.Елизаренкова во вступительной статье к избранным гимнам Ригведы сочла нужным отметить, что пребывание ариев в Митанни и соседних государствах на территории Сирии и Палестины с 1500 г. до н.э. засвидетельствовано определенно. [Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, стр.8.] Таким образом, тезис И.Дьяконова: «Для человечества одинаково вредно, когда отменяют «нежелательные» племена там, где они были, и когда сочиняют «желательные» племена там, где их не было», – оборачивается против него самого.

Подтверждением версии о кавказском пути является убедительно обоснованная О.Н.Трубачевым (статья «О синдах и их языке». «Вопросы языкознания», 1976, № 4) индийская принадлежность языка синдов, живших еще на памяти классических греков на Таманском полуострове. О.Н.Трубачев заблуждается лишь в том, что принимает слово «синд» за древний этноним. В Ведах оно обозначает лишь реку и стало применяться впоследствии для обозначения жителей речных устьев.

Но, каким бы путем ни шли ведические арии, попали они в Северо-западную Индию в первой половине II тысячелетия до н.э. [В.Георгиев, цит.соч., стр.239. В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.11] Отступившие за Урал, а потом восстановившие господство арийцев в Причерноморье срубники – несомненные иранцы. Такими их видит Н.Гусева [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.41.], к иранцам их причисляет и А.Тереножкин. [А.И.Тереножкин. Киммерийцы. Киев, 1976, стр.20.]

Ошибка Н.Гусевой состоит лишь в том, что она относит к ранне-срубной культуре полтавкинский этап [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.40.] древнеямной культуры [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.79.], с которым и она, и Горнунг связывают индо-иранское единство. А.Тереножкин же ошибается, когда отождествляет срубников с киммерийцами. На самом

деле киммерийцы – не иранское, а кельтское самоназвание. Часть кельтов, очевидно, прорвалась в Причерноморье после падения трипольской культуры, и была снова вытеснена иранцами-срубниками где-то около XIII в. до н.э., но оставила память о себе у греков, в частности, у Гомера.

Почти одновременно с индо-арийцами ушли из наших степей и германцы, только в другую сторону. Их расселение можно проследить по распространению археологической культуры, известной под названием культуры боевых топоров и шнуровой керамики. А.Я.Брюсов называет III тысячелетие до н.э., в котором произошел этот этнический сдвиг, временем первого великого переселения народов. Восточной границей области, захваченной этим процессом, была огромная полоса европейской части России от реки Вятки вдоль верховьев Волги и Клязьмы, Днепра и Припяти до Новгорода и Прибалтики (у нас эта культура называется фатьяновской по деревне близ Ярославля). Далее та же волна накрыла Польшу, юго-западную Финляндию, Швецию, Данию, северную и среднюю Германию. Эпицентр же находился где-то в причерноморских степях. [А.Я.Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н.э. Советская археология. 1961, № 3, стр.14,22.] Б.Горнунг тоже выводит эту культуру из причерноморских степей, из зоны древнеямной и катакомбной культур, правда, добавляя к ним еще средне-днепровскую энеолитическую культуру [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.18,34,46.]. С этим не согласна Р.Денисова. По ее мнению, исходная территория фатьяновцев не могла находиться в степных областях, поскольку фатьяновская культура отличается от древнеямной большей однородностью и генетической преемственности между ними нет. Эта исходная территория могла находиться на южной периферии лесной зоны, там, где не происходило существенных перемещений населения. [Р.Я.Денисова. Антропология древних балтов. Рига, 1975, стр.115-116, 118.]

Бурные споры ведутся вокруг этнической идентификации этой культуры, и тут уже замешаны родственные связи славян. А.Брюсов считает племена культуры боевых топоров еще не разделившимися германо-балтославянами [А.Я.Брюсов, цит.соч., стр.33.], т.е. стоит на тех же позициях, что В.Георгиев, объединяющий, как мы уже знаем, эти три группы в единый комплекс. Известный польский ученый Т.Лер-Сплавинский также укладывает в зону шнуровой керамики именно германский, балтийский и славянский диалектные комплексы, как связанные между собой наибольшей степенью взаимного родства в рамках индоевропейской семьи [Т.Лер-Сплавинский. К современному состоянию проблемы происхождения славян. Вопросы языкознания, 1960, № 4, стр. 27.].

Резким диссонансом сложившимся в языкознании представлениям звучит утверждение Н.Гусевой, будто германо-славянские лексические связи «численно невелики», в то время как в санскрите и в славянских языках она находит «огромное количество сходжений» [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.33, 31.]. Не следовало бы столь откровенно вносить в науку личные симпатии и антипатии и явно извращать фактическое положение вещей. Я допускаю, что Н.Гусева за что-то очень не любит немцев, но зачем же правду ломать? Между славянскими и индо-иранскими языками, действительно, очень много сходжений, но и между славянскими и германскими отнюдь не меньше. Нельзя, как делают некоторые, выхватить какую-нибудь пару слов, вроде говинда-говядина, и козырять ею. Сходные элементы непременно имеются в любых двух индо-европейских языках, взятых наугад, степень взаимного родства определяется не этим, а общим комплексом признаков. А если рассматривать вопрос в совокупности, то, как утверждает В.Георгиев, «общие явления в балто-славянских и германских языках в количественном отношении и по своей значительности превышают данные, свидетельствующие о связи славян с индоиранцами» [В.Георгиев, цит.соч., стр.277.].

Т.Лер-Сплавинский тоже стоит на той точке зрения, что общеславянский диалектный комплекс находился «в ближайшем родстве с комплексом наречий балтийских племен и германцев, связи же этого комплекса с наречиями иранских племен... были во всяком случае намного слабее» [Т.Лер-Сплавинский, цит.соч., стр.25.]. Я нарочно привожу мнения братьев-славян, которых нельзя заподозрить в германофильстве. Наконец, такой наш авторитет, как Ф.Филин, тоже считает, что «нет оснований предполагать, что в эпоху распада общеиндоевропейского единства и начала формирования отдельных индоевропейских языковых групп существовала особая близость между протославянами и индо-иранцами» [Ф.Филин, цит.соч., стр.139.].

Славяне, похоже, занимали промежуточное положение между германцами и балтами с одной стороны и индо-иранцами с другой, попеременно входя в контакт то с теми, то с другими. Лучше всех динамику этого процесса показал Б.Горнунг. Он предполагает, что первоначально индоевропейские языки делились на две древнейшие диалектные зоны – юго-восточную и северо-западную, и в этот период, т.е. в конце IV – первой половине III тысячелетия предки славян и тохар входили в юго-восточную группу, т.е. жили вместе с индо-иранцами. Однако экспансия племен боевых топоров в конце III тысячелетия оторвала славян и тохар от этой группы и связала их с частью северо-западной. Именно этот контакт и отразился в связях германских языков с балтийскими и славянскими, которые В.Георгиев ошибочно считает исконными [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.15-18.]. Славянские и балтийские языки невозможно оторвать ни от индо-иранских, ни от германских, они являются органическим связующим звеном между ними, причем балтийские языки ближе связаны с германскими, а славянские – с индо-иранскими и в особенности с иранскими [А.В.Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л., 1955, стр.155-156.].

Возвращаясь к «боевым топорам», теперь можно сказать, что А.Брюсов слишком расширил этническую основу этой культуры, зато Р.Денисова [Р.Я.Денисова, цит.соч., стр.13.] и Н.Гусева [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.35.] ее слишком сужают, отдавая все на откуп одним балтам (летто-литовцам). Это верно лишь для восточной ветви, для Прибалтики и фатьяновской культуры Поволжья.

А.Арциховский прав, когда критикует немецких археологов-расистов, которые говорили «об экспансии фантастических прагерманцев, колонизировавших якобы в бронзовом веке Верхнюю Волгу» [А.В.Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр.85.], но боевые топоры Западной Европы – несомненно, германцы. Именно тогда они и вытеснили кельтов из Южной Скандинавии. Однако германцев отрезала от балтов и славян во второй половине II тысячелетия до н.э. встречная волна венетов, которые заняли территорию Польши и создали на ней лужицкую культуру, ошибочно приписываемую Т.Лер-Сплавинским славянам [Т.Лер-Сплавинский, цит.соч., стр.27-28.]. Лер-Сплавинским в данном случае движут узко-патриотические соображения и стремление перетащить прародину славян на территорию Польши. На самом деле ни лужицкая культура не была славянской, ни венеты – славянами. Как пишет Ф.Филин, «если бы это были славяне, то контакт между германцами и славянами в бассейне Одера был бы постоянным, что несомненно сказалось бы на языке. Однако языковые данные ... свидетельствуют против наличия такого контакта» [Ф.П.Филин, цит.соч., стр.138.]. С.Бернштейн тоже говорит, что Висла в течение многих веков была устойчивой границей прославянского и венетского языка (до IV-III в. до н.э.) [С.Б.Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр.64.]. Принадлежность венетского языка к кельто-италийской группе бесспорна и вопрос может стоять лишь о том, к какой именно ветви. Ни на каких Гиндукушах никаких

венетов отродясь не бывало. Гиндукуш объявил «перевалом вендов» покойный В. Емельянов в своей «Десионизации».

Мнения о родстве балтов со славянами сильно расходятся. Если В.Георгиев договаривается даже до того, будто «консервативный в области фонетики и морфологии литовский язык (В.Георгиев считает его самым архаическим из существующих индо-европейских языков) может в известной мере заменить незасвидетельствованный праславянский язык» и относит период балтославянской общности к третьему тысячелетию, и ее распад – ко второму [В.Георгиев, цит.соч., стр.221,224,279.], то для Ф.Филина «гипотеза балтославянского праязыка в целом не имеет под собой прочной научной опоры» [Ф.П.Филин, цит.соч., стр.125.]. В роли примирителя точек зрения опять выступает Б.Горнунг. В его изображении все предки балтов и славян имели контакт с носителями южно-русских степных культур, предками индо-иранцев. Этот этап дал изоглоссу сатем. На раннем этапе развития этой изоглоссы еще сохранялись связи северо-западной части ранних праславян с группой прусоязвяжских племен и уже формировалась связь этих последних с леттолитовцами. Не ранее середины II тысячелетия протославяне, утратив контакт с летто-литовцами, превратились в праславян после образования общеполтийской общности, в которую вошли и оторвавшиеся от славян протопруссские племена (прусы, ятвяги, голядь) [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.73,49.]. Все было бы хорошо, но Б.Горнунг портит дело тем, что не признает генетической связи прабалтов с фатьяновцами и не верит, что летто-литовские племена появились в Прибалтике уже в начале II тысячелетия до н.э. [Там же, стр.128-129.] Рубеж III и II тысячелетия как раз и знаменует собой окончательный распад индоевропейской общности, в частности, и разделение на группы кентум и сатем. Следовательно, образование изоглоссы сатем нужно отнести к III тысячелетию, когда индо-арийцы и балты еще не разошлись в разные стороны. Процесс «сатемизации» охватил индо-иранцев, славян, балтов и фракийцев (трипольская культура), но уже не достал германцев и тохар, ушедших в авангарде боевых топоров (тохарам, похоже, принадлежит балановский вариант фатьяновской культуры).

Ну, а сами-то славяне? Как же обстояло дело с ними? А славяне среди всех индоевропейских народов отличались наибольшей привязанностью к родной земле. Как пишет К.Г.Менгес, «балтославяне не участвовали в... великих завоевательных движениях индоевропейских народов, происходивших в начале II тысячелетия до н.э.... Балтославяне и сегодня занимают большую часть той территории, которая, как можно полагать, была первоначальной родиной индо-европейцев. Видимо, балтославяне передвигались меньше всех других индоевропейцев» [К.Г.Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр.27.]. По этой причине К.Г.Менгес считает возможным говорить о большей «чистоте» индо-европейской природы у балтославян [Там же, стр.29.], а Б.В.Горнунг – о большей внутренней спаянности праславянского единства по сравнению с относительным единством многих других ветвей. [Б.В.Горнунг. цит.соч., стр.3.] С Менгесом можно согласиться, если только убрать приставку балто-.

Ф.Филин попытался описать прародину славян, руководствуясь данными языка. Он отметил, что в «отличие от лексики индо-европейской лингвистической общности в словарном составе общеславянского языка богато представлены названия, относящиеся к растительному миру. Носители общеславянского языка были хорошо знакомы с лесом, причем смешанным лесом умеренного пояса. Отсутствуют общеславянские названия специально степных растений, степного ландшафта и степных животных». «В лексике общеславянского языка не было названий для специально морских животных, рыб и растений. Носители общеславянского языка в течение длительного времени, – может быть, все время после обособления от других индоевропейских племен, – жили в стороне от морских побере-

жий». «Бедно в лексике общеславянского языка представлены названия особенностей горного ландшафта», зато налицо «большое разнообразие нарицательных названий озер, болот, лесных и иных урочищ». На основании этого Ф.Филин делает вывод, что прародина славян «находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами» [Ф.П.Филин. цит.соч., стр.112,117,120-122.].

Б.Горнунг привлекает к данным языка археологию. Он отмечает, что «праславянское единство доисторических индо-европейских диалектов обладало большею внутренней спаянностью, чем относительное единство многих других ветвей». Это языковое единство существовало очень долго, с середины II тысячелетия до н.э. до первых веков н.э. Первыми праславянскими культурами были тшинецкая и комаровская культуры бронзового века (1600-1500 г. до н.э.) на территории от бассейна средней Вислы до правобережья среднего Днепра. Если же идти еще дальше вглубь веков, то «языковые предки протославян в составе древней юго-восточной зоны... могли находиться только среди носителей трипольской культуры» [Б.В.Горнунг, цит.соч., стр.3-4, 35.].

Вот так. Пока неразумные, но рьяные поклонники «Влесовой липы» гоняют наших бедных предков от Средней Азии до Карпат через горы и степи, наши более благоразумные предки не спешили без особой нужды трогаться с родных мест. Считать это достоинством или недостатком – зависит от точки зрения, но не следует в угоду этой точке зрения кроить историю вкривь и вкось по собственному произволу и рисовать фантастические картинки для удовлетворения своего национального тщеславия и для раздувания этих же сомнительных качеств в других.

Во времена, когда поиски русских приоритетов дошли до нелепых перегибов, была пущена ехидная фраза «Россия – родина слонов». Я сам не люблю перегибов, но назвать Россию родиной всех арийцев мы имеем полное право и можем свое убеждение твердо обосновать. Не зря иностранный автор, писавший вовсе не о славянах, а о кельтах, задал сам себе риторический вопрос: «Значит, мы все – русские?» [G.Herm. Die Kelten. стр. 132.]

Я нарисовал здесь картину эволюции индоевропейских народов, как я ее себе представляю. Кто-то не согласится с отдельными моими положениями, но в кратком популярном очерке я не могу подробно обосновывать каждый из тезисов. Вполне осознаю и неполноту своих знаний по целому ряду вопросов. Ведь на каждую отдельную тему есть обширная литература, и многие ученые работают всю жизнь, не выходя за рамки узкой специализации. И вдруг приходят дилетанты, которые позволяют себе создавать глобальные исторические концепции, зная не желая, что говорит по тому или иному поводу современная наука. Свои концепции эти люди либо просто высасывают из пальца, либо, в лучшем случае, пользуются какими-нибудь фантастическими домыслами времен очаковских и покоренья Крыма. Я же лишь пытаюсь уяснить для себя и для других, опираясь на доказанные факты, как в действительности шло историческое развитие, а не пишу историю такой, какой мне бы хотелось ее видеть.

Часть 2. Боги арийцев

Языковая общность индоевропейских народов была открыта и осознана в начале прошлого века. Наш век постепенно докапывается до еще более важного открытия. Начиная с 1930 г. крупный французский ученый Жорж Дюмезиль доказывает в своих работах **идеологическую общность** индоевропейских народов. Он создал и упорно отстаивает «теорию трех функций», согласно которой, подобно тому, как арийское общество делилось когда-то

на производителей богатства, воинов и духовенство, арийский пантеон тоже делился на аналогичные ведомства. Для подтверждения своей теории Дюмезиль привлекает огромный мифологический материал.

Иную версию выдвигает советский историк А.Г.Кифишин. В своей работе «Миф и история» он, тоже мобилизовав обширный материал сравнительной мифологии, сгруппировал общие мифологемы в десять блоков, расставил их синхронно и получил в результате десятислойный праиндоевропейский миф, распавшийся в конце IV тысячелетия, когда, по его мнению, было потеряно единство этих народов.

Что можно сказать об этих попытках? Их прицел, безусловно, верен, но исполнение вызывает сомнения. Принципы Дюмезиля являются слишком общими, с ними можно выйти и на ностратический уровень и еще дальше, качественного отличия индо-европейского образа мышления от всех прочих они никоим образом не характеризуют. Что же касается А.Г.Кифишина, то его губит схематизм. Все богатейшее разнообразие арийской мифологии он пытается загнать в свой зоопарк из десяти клеток, а с теми, кто противится, обращается в стиле Прокруста, произвольно запикивая в глубокую древность события, на самом деле относящиеся уже к исторической эпохе. И все же не всех зверей он поймал, некоторые клетки остались пустыми, а другие, хотя в них и сидят слоны, снабжены надписью «буйвол». А.Г.Кифишин тоже из породы собирателей материала, с классификацией у него дело уже обстоит хуже, а общих выводов, которые характеризовали бы индоевропейское мышление в целом, он опять-таки не дает.

Искомая идеологическая общность праиндоевропейцев должна быть всеохватывающей, ни одно звено не должно из нее выпадать. Но та каста священников, о которой говорит Дюмезиль, существовала у индо-арийцев, иранцев и кельтов, в то время как у германцев, славян и греков ее не было. Ян де Фриз поставил законный вопрос: если каста священников существовала еще до разделения индоевропейских народов, то должна быть и общая терминология. И он выделил древнее наследие, к которому относятся именно слова, обозначающие абстрактные религиозные термины, но это наследие является общим только для индо-иранской и кельто-италийской ветвей [Jan de Vries. *Keltische Religion*. Stuttgart. 1961. стр. 212.].

Интересно, что именно эти ветви соединяет вместе и лингвисты, выделяющие особую группу т.н. периферийных языков, отдельные общие черты которых, отсутствующие в других индоевропейских языках, сообщают ценный материал для восстановления исходных форм, поскольку в языках этой группы часто лучше, чем в других, сохраняются остатки наиболее древних форм [Г.Льюис и Х.Педерсен. *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*. М., 1954. Предисловие В.Н.Ярцевой, стр.3-4.].

Как видим, поиски общих корней идеологии все время идут рука об руку с исследованиями в области языка. Вопрос о выделении особой касты служителей культа очень важен, поскольку именно с ее деятельностью связывают унифицирование языка (гипотеза Пизани) [В.В.Горнунг, цит.соч., стр.119.]. Это должно было произойти в глубокой древности, в эпоху европейской реконквисты, когда предки кельтов и италиков двинулись на запад, и разделились периферийные языки, но влияние этой касты распространилось далеко не на всех индоевропейцев.

А если говорить обо всех, то что же их отличает от остальных народов? Расовые особенности? Однако, пользуясь одним лишь антропологическим материалом, невозможно доказать превосходство арийцев над другими, никакие «неандертальские» теории нам здесь не помогут. Зато лингвистика окажется очень ценным союзником.

Как известно, кроме генеалогической классификации языков существует еще и морфологическая, которая делит все языки на следующие группы:

1) Полисинтетические. В этих языках слово еще не выделилось из предложения, образующего неразъемное целое. Вместо фразы «человек увидел оленя» мы имеем в них нечто вроде «человеко-олене-видение». Таковы языки американских индейцев, в Европе аналогичную структуру сохранил язык басков, ее влияние можно проследить и в кельтских языках.

2) Односложные языки, состоящие из неизменных элементов. Таков китайский язык и некоторое языки Западной Африки.

3) Агглютинативные языки (термин от слова «приклеивать»), в которых слово изменяется путем прибавления к нему множества разнообразных частиц. К этой большой группе относятся алтайские, угро-финские, кавказские, дравидские и многие негритянские языки.

4) Флективные языки, отличающиеся более гибкой и тесной связью основы слова с аффиксами, а в ряде случаев – внутренней флексией основы (германские языки). К этому типу относятся индоевропейские и семитские языки, но последние, как мы сейчас увидим, по недоразумению.

Раньше считалось, что внутренняя флексия больше всего распространена именно в семитских языках. [А.С.Чикобава. Введение в языкознание. Ч.1. М., 1953, стр.185.] Однако бывший советский, а ныне уехавший в Израиль лингвист И.А.Мельчук логикой собственных исследований был доведен до признания, что «в семитских языках никакой внутренней флексии нет, а есть нечто другое». «То, что называют «внутренней флексией» в семитских языках, это не что иное, как определенный тип аффиксации» [И.А.Мельчук. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках. Вопросы языкознания, 1963, № 4, стр. 28, 36-37.]. Мельчук попытался спасти положение, изменив определение внутренней флексии, но слово уже было сказано. Стало ясным, что семитские языки строятся столь же механически, как и агглютинативные, только аффиксы в них не присоединяются к корню, а вставляются внутрь. Эти вставные элементы семитологи называют «схемами», но, как признал Мельчук, «схемы оказываются функционально эквивалентными тому, что в других языках повсеместно называют аффиксами» [Там же, стр. 32.].

Довольно рано морфологическую классификацию языков стали истолковывать с исторической точки зрения. Еще в середине прошлого века А.Шлейхер предположил, что корневые, агглютинативные и флективные языки воплощают три ступени развития. Его пытались опровергнуть тем доводом, что древнекитайский язык был не корневым, а агглютинативным, но это лишь меняет порядок ступеней, а не рушит схему. Корневые языки, действительно развиваются из агглютинативных, но это тупиковая ветвь развития, тогда как историческая магистраль ведет в направлении флексии.

Интересно, что к тем же выводам, что и А.Шлейхер, пришел в своей стадийной теории развития языков Н.Я.Марр. Он тоже видел во флективных языках высшую ступень развития, за что его обвиняли в «объективной помощи расизму», хотя советский ученый Марр, конечно, не был расистом, а всего лишь представлял объективную науку. Та же псевдонаука, которая обосновывает равенство и одинаковость всех и вся, столь же далека от истины, как и школа антропологов нацистской Германии, пытавшаяся установить различия между людьми с помощью одного штанген-циркуля.

Сегодня мы можем представить себе стадии развития следующим образом:

- 1) полисинтетические языки (стадия дологического мышления Леви-Брюля);
- 2) агглютинативные языки (стадия механического мышления; сюда же необходимо отнести и семито-хамитские языки);
- 3) односложные языки (тупиковая линия развития, окостенение механического мышления в результате изоляции);
- 4) флективные языки (стадия органического мышления).

Итак, арийцы отличаются ото всех прочих народов тем, что только они перешли от механического мышления к органическому.

Эту грань можно по ее значению сравнить с гранью между живой и неживой природой. Точнее, арийцы вернулись к органическому мышлению. Безусловно, на полисинтетическом уровне мышление было тоже органическим, но еще не индивидуализированным. Индивидуализация элементов языка повлекла за собой сначала их чисто-механическое соединение и лишь потом – органическое на новом, более высоком уровне.

Итак, если мы хотим определить самую сущность арийского образа мышления, мы должны употребить слово «органический». И если мы будем сравнивать этот образ мышления с семитским, то для характеристики последнего лучше всего подойдет слово «механический».

Эта органичность мышления находит свое яркое выражение в арийских религиозных представлениях, которые характеризуются органическими отношениями между Богом, природой и человеком и между людьми.

Начнем с отношений между Богом и природой. Большинству индоевропейских народов чужда идея сотворения мира Богом. Бог мыслится скорее как некое организующее начало в природе, которая существует независимо от него и развитие которой носит циклический характер. Общей темой индоевропейской идеологии Ж.Варенн считает преходящий характер мира, обреченного на разрушение, за которым последует возникновение нового, лучшего мира. Эту мысль он прослеживает и в греческом мифе о четырех веках, и в германских «сумерках богов», и в страхе кельтов перед тем, как бы небо не упало на землю, и в индийских космических циклах. В семитской идеологии возникновение и конец мира однократны, в арийской – цикличны [J. Varenne. Zoroastre. Paris. 1974. стр. 52-53.].

Ю.Грилль отмечает, что арийцы персонифицировали в своих божествах состояния и процессы, имеющие место в природе, тогда как, например, в ассирио-вавилонской религии одушевлялись отдельные тела [J. Grill. Die persische Mysterienreligion im römischen Reich und das Christentum. Tübingen. Leipzig. 1903. стр. 11.]. Арийцы прежде всего ощущали динамику мира, и циклы развития живой природы были для них отражением принципа, лежащего в основе всего мироздания. Семиты же цеплялись за статические элементы и видели свой идеал в обретении миром статического состояния.

Даже там, где в арийской идеологии сотворение мира присутствует, оно является следствием определенной причины, как, например, в зороастризме, о котором мы еще будем подробно говорить. В семитской же религии, к несчастью утвердившейся у нас в форме христианства, сотворение мира – акт абсолютного произвола.

Л.Фейербах называл учение о творении «характерным, основным учением иудейской религии». «Лежащий в основе его принцип есть не столько принцип объективности, сколько принцип эгоизма. Учение о творении в его характерном значении возникает только тогда, когда человек смотрит на природу как на практическое средство удовлетворения своей воли и потребностей и низводит ее в своем представлении на степень простого орудия, простого продукта воли» [Л.Фейербах. Избранные философские произведения. М., 1955, т. II, стр. 143.].

Мы сегодня уже донизводили природу до того, что экологический кризис грозит необратимыми последствиями всему миру. Корень хищнического уничтожения природы – в еврейско-христианском учении о сотворении мира.

Евреи считали, пишет далее Л.Фейербах, что «язычники не возвысились до понятия творца вследствие восхищения своего красотой мира». Я очень не люблю слово «язычники», потому что оно всего лишь славянская калька с еврейского презрительного «гои».

Так евреи называли все прочие народы. Однако, когда христианин обзывает вас язычником, он оскорбляет этим не вас, а самого себя, причисляя себя тем самым к лику евреев. Ответьте этому христианину: «А ты – жид», и тем самым закончите беседу.

Да, для наших предков, язычников, было характерно восхищение красотой мира. Андре Боннар так определяет язычество: это религия, «обретающая радость в общении с природой, которая, согласно античному пониманию, не есть создание бога, но сама в целом божественна» [А.Боннар. Греческая цивилизация. М., 1962, т.3, стр.65.]. А вот, в противовес этому, «вполне православное» определение: «Служение твари, а не творцу – главный признак язычества» [Е.В.Аничков. Язычество и древняя Русь. Сиб., 1914, стр.116-117.].

Как это характерно для христианина – отрывать тварь от творца! Арийское мировоззрение то там, то здесь прорывается сквозь семитскую корку. В мусульманстве, например, пантеистические арийские веяния нес с собой суфизм, благодаря чему ибн аль-Араби смог дать гениальную формулировку «Бытие творений есть сущность бытия творца» [И.П.Петрушевский. Ислам в Иране в VII-XV вв. Л., 1966, стр.336.]. Были проблески и в христианстве. Иоанн Дамаскин в поэме А.К.Толстого благословляет природу, но не знаю, делал ли это прототип, не домыслил ли за него русский поэт. Зато один испанский фанатик без обиняков утверждал: «Единственное, что мы должны любить в природе, это воплощение Христа».

Иначе представляли себе арийцы и отношения людей с Богом. По словам Г.Шнейдера, они искали в нем, прежде всего, сильного друга. Это диаметрально противоположно восточной униженности человека перед богом, которого представляют себе всемогущим властью высоко на небесах [H. Schneider. Die Gotter der Germanen. Tubingen. 1938. стр. 140.]. Знаменитый индийский проповедник Вивекананда говорил: «Ничего не может быть более нелепого для индийского мышления, чем слова «Отче наш, иже еси на небеси». Индус, когда он молится, думает, что Бог внутри него самого» [S. Vivekananda. Complete works. Advaita Ashrama. 1945. стр. 30.]. Вивекананда называл дуалистами христиан и вообще всех, кто «верит в чисто антропоморфного личного Бога, который, подобно какому-нибудь великому властителю в этом мире, доволен одними и недоволен другими. Он произвольно выражает свое довольство отдельными людьми или народами и посылает им свое благословение». Разумеется, дуалисты приходят к выводу, что «Бог имеет любимчиков, и надеются принадлежать к их числу». «Дуалисты приобретают популярность, взывая к тщеславию необразованной массы. Им нравится думать, будто они пользуются исключительными привилегиями. Они считают, что вы не можете быть моральным человеком, если у вас нет бога с розгой в руке, готового наказывать вас» [Там же, стр. 142.]. Вивекананда довольно едко обрисовал христианские представления о Боге и раскрыл психологический секрет влияния христианства на массу. Называть себя «рабами божьими» могут только люди с рабской психологией, начисто утратившие свое арийское достоинство. Эти люди позорят расу, позорят себя и позорят Бога, потому что приписывают ему черты азиатского деспота.

Гармония между Богом и природой, Богом и человеком, природой и человеком – вот сущность арийского миропонимания. Произвол и деспотизм, механическое повиновение навязаны нам извне, но глубоко чужды нашей природе.

Гармоничными должны быть, согласно арийскому идеалу, и отношения внутри человеческого общества. Можно сколько угодно осуждать систему каст, но в основе ее, как поясняют современные индусты, лежит естественное разделение людей на интеллектуалов-теоретиков, организаторов-практиков и простых исполнителей. Однако эти качества по наследству не передаются, и наследственная передача определенных социальных функций есть уже нарушение естественного порядка вещей, нарушение гармонии.

Еще больше нарушил гармонию, конечно, институт рабовладения. В государствах античного мира образовалась огромная масса людей, оторванных от своих корней, лишенных каких-либо традиций. В этой массе и распространилась чужеродная религия, религия рабов. Неестественное состояние общества породило противоестественные духовные явления. Германцы и славяне, пришедшие на историческую арену позже, заразились этими противоестественными пороками от Рима и Византии. Юноши, так и не узнавшие настоящей любви, стали жертвами развратных старцев.

А ведь развитие религиозных представлений тоже мыслилось гармоническим. Не случайно индийские брахманы, уже придя к монотеизму, сохранили ореол священного писания за Ведами – памятником языческого политеизма. Не случайно буддизм, пытавшийся оторваться от породившей его индийской почвы, был снова поглощен ею. Не случайно маги после религиозной реформы Заратустры постарались соединить новое учение с древними арийскими верованиями. Углубление познаний велось параллельно по нескольким направлениям. Странно, что в наши дни лозунг «единство в многообразии» кое-кто умудрился объявить лозунгом сионистов. Да сионистам не нужно никакого многообразия, им нужно, чтобы все плясали под их дудку. Зато Н.Гусева совершенно правильно считает единство в многообразии характерным для индуизма [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.11.], т.е. для арийской религии, в которой мирно сосуществуют несколько богословских школ, расходящихся между собой настолько, что христиане, резавшие друг друга тысячами из-за какой-нибудь буквы «и» или лишнего пальца, при подобных разногласиях давно бы взаимно анигилировались.

Таковы общие черты индоевропейского религиозного сознания. Рассмотрим теперь особенности отдельных групп арийских народов.

Мы имеем очень и очень неравномерные представления о верованиях этих отдельных групп. Лучше всего мы со школьной скамьи и по классической литературе знаем мифы древних греков. Любители имеют кое-какие познания в индийской и германской мифологии. А уж о кельтской и даже своей собственной, славянской, мы, как правило, не знаем почти ничего.

При таком положении лучше всего начать с греков. Кто из нас не помнит грозного громовержца Зевса, охотника до красивых девочек, прекрасную Афродиту, воинственного Ареса, плутоватого Гермеса, несущего веселье Диониса? Они запомнились так хорошо потому, что «греческая мифология при всей сложности и разнообразии входящих в нее элементов имеет одну общую особенность – высокую художественность образов» [С.А.Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр.458.]. Одной из причин расцвета и богатства греческой мифологии было, по мнению В.С.Сергеева, слабое развитие в Греции жреческой касты, стремившейся унифицировать идеологические образы и понятия [В.С.Сергеев. История древней Греции. М., 1948, стр.181.]. Именно за это Анатолий Франс пропел восторженный гимн древним грекам:

«В короткое время они достигли той степени мудрости и красоты, к которой ни один народ ни до них, ни после них не мог приблизиться. Откуда же явилось... это чудо, единственное на земле? Почему священная почва Ионии и Аттики могла взрастить этот несравненный цветок? Потому что там не было ни духовенства, ни догмы, ни откровения и греки не ведали завистливого бога. Из своего гения, из своей собственной красоты творил эллин богов, и когда он обращал взор к небу, он видел в нем лишь свой образ. Ко всему подходил он со своим мерилем и нашел для своих храмов совершенные пропорции: все в них грация, гармония, равновесие и мудрость; все достойно бессмертных, которые там обитали и в своих благозвучных именах и совершенных формах воплощали гений человека» [А.Франс. Восстание ангелов. М., 1958, стр.113.].

А вот мнение нашего знаменитого современника, Дж.Неру: «Греки, как народ, возможно, больше жили настоящим и находили радость и гармонию в красоте, которую они видели вокруг себя или создавали сами». Неру считал, и был прав, что «по своему духу и мировоззрению Индия гораздо ближе к древней Греции, чем современные нации Европы», потому что «древние индусы, подобно грекам, любили красоту и жизнь», а современная Индия сохранила эти древнеарийские традиции, и главное, добавлю от себя, потому что она убереглась от христианской заразы.

Итак, мир прекрасной гармонии? Не слишком ли идеалистический образ для общества рабов и рабовладельцев? Совершенно верно, идеализация здесь налицо, но и самый образ неполон. Под гармонией таилась мрачная бездна. Есть древнее сказание, как царь Мидас поймал в лесу Силена, спутника Диониса, и долго добивался от него, что всего лучше и желательнее для людей? Силен упорно не хотел говорить, но потом ответил: «Жалкий эфемерный род, дитя случая и бедствий, зачем принуждаешь ты меня открыть тебе то, что было бы лучше для тебя никогда не знать? Самое лучшее не достижимо для тебя: это – не родиться, не существовать, быть ничем. Затем, второе наилучшее для тебя – это скорее умереть». Единичный миф? Нет. В драме Софокла «Эдип в Колоне» хор поет то же самое: «Вовсе не родиться – самое лучшее для человека, а если родился – поскорее умереть». Ту же мысль мы находим и у Эврипида. Получается уже прямо лейтмотив.

Эту двойственность сознания древних греков хорошо понял и показал Ф.Ницше. По его словам, «грек знал и чувствовал тоску и ужас существования: чтобы быть в состоянии жить, ему надо было защитить себя ослепительным блеском... олимпийской грезой» [Ф.Ницше. Происхождение трагедии или эллинизм и пессимизм. М., 1902, стр.33.]. Тема неумолимой судьбы, властвующей не только над людьми, но даже над богами, непрерывно звучит в греческих мифах, в эпосе, у классиков греческой литературы.

Греки не питали никаких иллюзий относительно благости божественного управления миром [И.М.Тронский. История античной литературы. Л., 1957, стр.57.]. В знаменитой легенде о поликратовом перстне, изложенной у Геродота (III, 40-43) и широко известной по стихам Ф.Шиллера и В.А.Жуковского, проводится мысль о зависти богов счастью смертных и о расплате за это счастье. Из крушения персидской империи философ Деметрий Фалерский сделал вывод: «Поистине непостоянна наша судьба. Все устраивает она вопреки ожиданию человека и являет свое могущество в чудесном. И теперь, как мне кажется, она лишь затем передала македонянам счастье персов, чтобы показать, что и последним она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока пожелает распорядиться ими иначе» [В.С.Сергеев. цит.соч. стр. 391.].

Все знают и цитируют краденую мудрость прожженного жулика лжеапостола Павла о немудром мире сего, которое господь избрал, чтобы посрамить мудрое, дабы ни одна плоть не хвалилась перед господом, но ведь Деметрий Фалерский очень хорошо показал за 300 лет до Павла ту же закономерность истории на ярком примере, когда «от персов, которым был подвластен почти весь мир, осталось одно имя, а македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, стали владычествовать над миром». Так давайте утвердим приоритет Деметрия Фалерского и установим правило: прежде чем процитировать еврея, поищи, у какого арийца еврей эту мысль украл.

Не ждали греки вознаграждения за земные страдания и в загробной жизни, которая казалась им не жизнью, а каким-то унылым неполноценным существованием. В XI песни «Одиссеи» тень Ахиллеса жалуется Одиссею:

Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

Итак, с одной стороны – олимпийские боги, боги для счастливых, как их не без основания называют христиане (а много ли было счастливых в рабовладельческом мире?), а с другой – полная безысходность?

Отнюдь нет. Такое представление о религии античных греков будет поверхностным. У этой религии была вторая сторона, недостаточно изученная до сих пор.

«Религиозное развитие греческого общества, – говорит итальянский коммунист А.Донини, – характеризуется дуализмом культов «олимпийских» и «народных» богов» [А.Донини. Люди, идолы и боги. М., 1962, стр.127.]. Народными были хтонические боги – Деметра, богиня растительности, и Дионис, бог вина и виноделия. Этим богов выдвигал против олимпийских богов аристократии правивший в Афинах, опираясь на народные массы, тиран Писистрат (560-527 г. до н.э.), построивший храм Деметры в Элевсине и учредивший всенародные празднества Дионисия [В.С.Сергеев, цит.соч., стр.176.], а также тираны других городов – Периандр в Коринфе и Клисфен в Сикионе. Эти культы вносили в верования греков новые элементы. Например, в элевсинском культе мы находим совершенно необычную для греческой религии идею – веру в блаженство за гробом [С.А.Токарев, цит.соч., стр.465.]. Высокомерный итальянский барон Ю. Эвола смотрел на народную религию, разумеется, презрительно, сверху вниз. Он везде находил мифологический фон, сводившийся к «дуализму светлых, небесных божеств политического и героического мира и женских, материнских божеств «естественного» существования, любезных, прежде всего, плебейским слоям». «Символический культ мужественных небесных божеств света и высшего мира» он противопоставлял «темному царству Матерей и хтонических божеств» [J. Evola. Les homes au milieu des ruines. Paris, 1984, p. 34-35.]

Мысли эти Ю. Эвола подробно развивал в своей довоенной работе «Бунт против современного мира». Поясняя свой термин «материнская культура», он подчеркивал, что при высшем божестве женского, а не мужского рода все существа рассматриваются как дети этой богини, не имеющие собственной жизни. Это типично для великих богинь азиатско-средиземноморского региона, таких, как Исида, Астарта, Кибела, Танит и особенно Деметра, центральная фигура «пеласго-минойского цикла». Солнце изображалось как дитя в лоне великой Матери, ночь ставилась выше дня, сильно выражены были фаталистические мотивы и т.п. К этому типу культур «южного происхождения» Ю. Эвола относил и все виды культов, мифов и обрядов, в которых преобладает хтоническая тема, тема «матери сырой земли». Светлым божествам индоевропейцев противостоят, в понимании Ю. Эволы, экстатически-демонические культуры «темных народов юга». К этим «темным народам юга» он, очевидно, относил и славян, потому что говорил о славянском «мире» в одном контексте с «дикими общинами» Африки и Полинезии. [J. Evola. Revolte gegen die moderne Welt. Vilsbiburg, 1993, стр. 255, 257, 261.]

В торжестве греческой демократии Ю. Эвола видел победу Малой Азии или, точнее, Юга над греческими племенами, а в пифагорействе – «возврат духа пеласгов». Учение о перевоплощениях души означало для Ю. Эволы «подчинение хтоническому закону». [Там же, стр. 305-306.] Везде и всюду просматривается у барона стремление воспарить над презренной землей: так, по его мнению, должен выражать себя «арийский дух». Но подлинный арийский дух от земли не отрывался, такой отрыв – признак вырождения духа, а отнюдь не его возвышения.

Особенно интересен культ Диониса.

Этот культ был заимствован из Фракии. В.Георгиев видит в пеласагах, народе, пришедшем в Грецию раньше греков и впоследствии смешавшемся с ними, племена, родственные фракийцам [В.Георгиев, цит.соч., стр.144-145.]. Раньше догреческое население априорно считалось неиндоевропейским. В.Георгиев доказал обратное. Однако В.Георгиев хватил через край, отрицая вообще наличие неиндоевропейского субстрата в Греции. Необходимую поправку внес Л.А.Гиндин, показавший многослойность догреческого субстрата. Первый слой, как выясняется, был все же неиндоевропейским, первый индоевропейский принадлежал не пеласгам, а племенам, родственным хеттам (у В.Георгиева понятная слабость к фракийцам, как к древнейшим обитателям Болгарии), потом пришли пеласги, а потом уже греки [Л.А.Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, стр.79, 169.]. Версия о родстве догреческого населения с фракийцами позволяет объяснить ту популярность, которую приобрел в Греции фракийский культ.

Интересные сведения о фракийцах сообщает Геродот. Он называет их самым многочисленным народом после индийцев и считает, что при единоначалии он был бы неодолим (V, 3). (Позже то же самое будет сказано о славянах). Наиболее мужественным и справедливым из фракийских племен, по его мнению, являются геты, живущие к югу от Дуная (IV, 93). Интересно, что это племенное название совпадает с тем, как китайцы называли синьцзянских тохар-юэчжи (так в китайской транскрипции передается слово «гети») [Ю.Рерих. Тохарская проблема. «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, стр.123.]. С.П.Толстов по этому случаю отнес тохарский язык к восточной, массагетской ветви воображаемой иллиро-фрако-киммерийской семьи [С.П.Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948, стр.140.]. На самом деле такой семьи не было, но Толстов тогда увлекался марризмом и фантазия заносила его слишком далеко: он договорился даже до отождествления Заратустры с Залмоксисом [Там же. стр.88.]. О последнем нужно сказать особо.

Геродот отмечает у гетов такую удивительную с его точки зрения особенность, как вера в бессмертие души. Вера эта, по его словам, состоит в том, что люди после смерти удаляются к божеству Залмоксису. Раз в пять лет к нему отправляют вестника: выбранного для этой цели человека сбрасывают на острия копий (многие могли видеть этот обряд в румынском кинофильме «Даки»). Если проколотый человек умирает, то божество признается милостивым к гетам; если же он не умирает, то геты винят в том самого вестника, считая его человеком порочным, и затем отправляют к божеству другого человека.

Геродот приводит распространенную в греческих кругах версию о том, будто Залмоксис был рабом Пифагора. Он проповедовал среди своих диких соотечественников вечное блаженство после смерти, а потом удалился в подземелье и прожил там три года. Геты скучали и сожалели по нем, как по умершем, но на четвертый год он явился к фракийцам и таким способом внушил доверие к тому, что проповедовал (поневоле напрашивается аналогия с Иисусом, с его трехдневным пребыванием во гробе в пещере и последующим воскресением). Однако Геродот не идет на поводу у греческого патриотизма и высказывает предположение, что Залмоксис жил за много лет до Пифагора (IV, 94-96).

К сожалению, до сих пор не перевелись большие греки, чем сам Геродот, не верящие в способность «варварских» арийских народов к религиозному творчеству. Жаль, что подалась таким настроениям Нора Чедвик, опытный кельтолог, отрицающая самобытность кельтской религии и видящая в ней лишь вульгаризованное пифагорейство. Она приводит мнение одного античного автора, будто друиды приняли учение Пифагора при посредстве его раба Залмоксиса-фракийца [N.K.Chadwick. The Druids. Cardiff. 1966. стр. 59.]. Дешевая цена версии о «рабе Пифагора» понятна, но о религиозных связях фракийцев и кельтов стоит подумать. Я.Розен-Пшеворская относит формирование религиозной организации у

кельтов к III в. до н.э., т.е. к тому периоду, когда кельты доходят до Греции и вступают в контакт с фракийцами [Я.Розен-Пшеворская. К вопросу о кельтоскифских отношениях. Советская археология. 1963, № 3, стр.37.].

Мы имеем полное основание предположить, что Залмоксис был оригинальным религиозным мыслителем. По-видимому, к нему восходит религиозная организация орфиков, называвшая себя по имени легендарного фракийского певца Орфея. От этой организации заимствовали учение о переселении душ кельтские друиды, от них же, а не от египтян, узнал его и Пифагор [E. Bindel. Pythagoras. Stuttgart. 1962. стр. 46, 72.]. Влияние, таким образом, действительно имело место, но шло в противоположном направлении. Орфикам мог принадлежать и пифагорейский афоризм «тело – темница души» (обыгрывалось созвучие слов «сома» и «сема») [E. Bindel, цит. соч., стр. 57, 59.].

Тысячелетняя организация орфиков возникла на почве дионисизма. Дионис трактовался ею как наиболее совершенное и наиболее конкретное явление божества в мире. Приход Диониса орфики изображали, как нисхождение чистой идеальности в мир душевно-телесной делимости [А.Ф.Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр.144,154,155.]. Здесь уже явно просматривается будущий христианский Логос и его воплощение.

Дионис был растерзан титанами. У орфиков это выглядело так: Дионис входил во все бесконечно малые части мироздания, а мироздание приобщалось божественному всеединству... Отныне мир уже не есть мертвая глыба или совокупность мертвых глыб. В его жилах теперь течет единая, все воссоединяющая с единым кровью абсолютных проникновений [Там же, стр.157.]. Здесь уже мы подходим к христианскому толкованию жертвы Христа, как искупления грехов мира.

Мифологию Диониса А.Ф.Лосев называет «самоотрицанием мифологии». «Экстаз и экзальтация поклонников Диониса создавала у греков иллюзию внутреннего единения с божеством и тем уничтожало непроходимую пропасть между богами и людьми. Бог становился имманентным человеку» [Там же, стр.81.].

В мрачных взорах христиан культ Диониса выглядит чем-то демоническим. Геродот упоминает фракийское племя сатров, жившее в горах к югу от Дуная. У них было прорицалище Диониса, а прорицатели назывались бессами (VII, 110-111). Не отсюда ли пошли греческие сатиры и наши бесы?

Тем, кто примитивно понимает культ Диониса, хорошую отповедь дает Андрэ Боннар в своей оригинальной трактовке драмы Эврипида «Вакханки». Дионис сталкивается в этой драме с царем Пенфеем, который отрицательно относится к его культу. Пенфей «уверен, что бог, который проявляется в беспорядке, в душевном волнении, который выражает себя в бессмысленных чудесах, может быть только обманом... Пенфей верит в богов, но иступление и чудеса кажутся ему человеческой глупостью, а не божественной мудростью, не проявлением божества. В общем, он верит в таких богов, которые могли бы управлять миром так же разумно, как, по его искреннему убеждению, он сам управляет городом... Пенфей требует, чтобы и у богов был здравый смысл. Он требует, чтобы боги были такими, как он». Боннар язвительно замечает, что Пенфей, говоря языком христианства, не достоин благодати. Узкий рационализм, рассудочность, формальная логика – вот диагноз болезни Пенфея. Между тем, в культе Диониса бог раскрывает себя «не как бог познания, но как бог природы, сущность мира. Бог в горах, Он проявляет себя там чудесными знаменениями своей свободной созидательной деятельности. Он в сверкании струи источника, в прыжках животных, в сокровенной жизни лесов и гор. Он – это многообразие жизни, которая включает в себя жизнь человека, и в то же время выходит далеко за ее пределы. Он – это поток жизни вселенной, который извлекает человека в своем стремительном беге. И

всякая жизнь, развивающаяся в недрах природы, божественна... Бог – это и есть слияние воедино всех творений... Лишь человек живет, отделившись от природы, и в этом его несчастье».

У греков было два термина для обозначения мудрости – «софон» и «софия». Софон – слово среднего рода, обозначающее человеческую мудрость, подчеркивая ее искусственность. София – слово женского рода, обозначающее живую, плодотворную мудрость, которую человек находит, отбросив свои рассудочные критерии. Афоризм «то софон д’у софия» можно примерно перевести как «рассудок – не разум».

Чему же учит драма Эврипида? «Человеческая мудрость не что иное, как гордыня и безумие. Человек находит для себя успокоение только в самой бесхитростной вере. Горе мудрым и разумным. Этот ликующий хор, столь языческий в своем прославлении страсти, странным образом поет слова, созвучные евангельским. Кажется, что слышишь “господь утаил от мудрых и разумных”, а также “блаженны нищие духом”» [А.Боннар. Греческая цивилизация. Т.3, стр.51-64.].

Боннар не ослышался.

Повторим правило: прежде чем процитировать еврея, поищи, у какого арийца еврей эту мысль украл.

Вклад культа Диониса в мировую культуру огромен. Известно, что от него ведет свое начало греческий и мировой театр, трагедия и комедия. Но для нас фракийская религия интересна с еще одной точки зрения ввиду прослеживаемых особых связей между фракийцами и славянами.

С.П.Толстов выдвинул интересную теорию, которую я бы условно назвал теорией «чернового варианта». Он заметил, что ареал современного распространения романских языков в точности совпадает с ареалом распространения кельто-италийских языков в раннеримский период. В континентальной Европе не сохранилось ни одного кельтского языка: все кельтские языки стали романскими. Эта закономерность не случайна – сделал вывод С.П.Толстов. Она, бесспорно, определяется значительной структурной и материальной близостью кельтских языков и языков италийских. Ту же закономерность он видит и во взаимоотношениях между славянами и фракийцами, поскольку вся раннесредневековая территория расселения славян полностью совпадает с древней территорией фракийцев и иллирийцев, утративших свои языки. С.П.Толстов счел нужным четко оговорить, зная склонность нашей публики к вульгаризаторским выводам, что нельзя ставить знак равенства между фрако-иллирийцами и славянами. Это хотя и близкие к славянским, но не славянские языки [С.П.Толстов. «Нарцы», «волхи» на Дунае. «Советская этнография». 1948, № 2, стр.20,22,35.]. Но если вспомнить слова Б.В.Горнунга, что предки славян могли жить только в области Трипольской культуры, а эта культура считается фракийской, мы вправе будем видеть именно во фракийцах, а не в индо-иранцах и не в германцах наиболее родственную славянам индоевропейскую группу. А если синьцзянские тохары – геты, то и их особая близость славянам тоже понятна. Фракийцы представляли собой как бы «черновой вариант» славян, подобно тому, как кельты были таким же черновым вариантом романцев, а берберо-ливийцы – черновым вариантом семитов. Общая черта всех черновых вариантов, из-за которой я и даю им такое название – их нестойкость.

К одной группе с фракийцами З.Майяни относит и троянцев [З.Майяни. Этруски начинают говорить. М., 1966, стр.314.]. Троя, как известно, выставила против греков весьма разношерстное войско (Илиада II, 803-804, IV, 438), но Гомер прямо упоминает в его составе «фракийцев, мужей высокочубастых» (IV, 532-533), вождями которых были Акамас и Пирос. С Троей наша окологисторическая публика совсем запуталась. То она объявляет славянами союзных с троянцами венетов, то в порыве патриотизма, граничащего с идио-

тизмом, с пеной у рта отстаивает вздорную версию о славянском происхождении Ахиллеса, хотя, что общего между этим истериком и плаксой и образом русского воина, каким мы его привыкли себе представлять? В результате Троянская война начинает походить на междоусобицу славянских князей. Собачья чушь, которую наши обалдевшие патриоты гордо несут, словно боевое знамя, обязана своим происхождением одной старой путанице. Царство мертвых, которое Одиссей посещает в XI песне «Одиссей», было помещено Гомером в «Киммериян печальную область, покрытую вечно влажным туманом и мглой облаков», т.е. в наше Причерноморье. Ахилл был там царем загробного царства, но позже стали представлять дело так, будто Ахилл там похоронен. Позже это, по-видимому, придуманное местными греческими поселенцами, предание воспроизвел Плиний в своей «Естественной истории» (IV, 82,93) [В.В.Латышев. Известия древних писателей о скифии и Кавказе. Ч.2. «Вестник древней истории», 1949, № 2, стр.280, 284.], а еще позже за него же уцепились славяне, хотя во времена Ахилла славян в этих местах не было.

Но хватит о фракийцах. Пора вернуться к грекам, о которых мы совсем забыли. Как отмечает С.А.Токарев, «греческий элемент был более активным в области науки, искусства, литературы, языка, тогда как в области религии, наоборот, именно восточные элементы больше влияли на Грецию» [С.А.Токарев, цит. соч., стр.466.]. Это влияние особенно хорошо прослеживается на примере Пифагора (580-600 г. до н.э.), который учился не только у орфиков: он ездил в Египет и даже сделал там обрезание, чтобы быть посвященным в таинства, а позже добрался до Вавилона и там, похоже, познакомился с зороастризмом [E. Bindel. Pythagoras. стр. 42, 43.]. Вернувшись в Грецию, он создал тайный союз, который не без основания сравнивают со средневековыми рыцарскими орденами и даже прямо с орденом Тамплиеров [Там же, стр. 70, 85.]. Символом ордена была пятиконечная звезда с надписью «гигиейя» – «здоровье». Известно, что Пифагор считал число верховным началом всего сущего и рассматривал всю природу, как комбинацию чисел и величин, в связи с чем высказывается подозрение, не был ли он знаком и с еврейской каббалистикой? [Там же, стр. 125.] Но скорее всего Каббала была украдена евреями в Египте по наущению Моисея вместе с золотом, а Пифагор изучал ее в оригинале. Египтяне почитали восемь божеств – четырех богов и четырех богинь. Под них подставлялся ряд из первых четырех нечетных (мужских) и четных (женских) чисел. Сумма этих чисел, 36, означала сотворение мира (а сумма первых 36 чисел равняется 666). Число 5, как сочетание первого нечетного и первого четного чисел, значилось, как число брака, символизировало неисчерпаемое плодородие и соответствовало одной из сторон треугольника $3^2+4^2=5^2$ (Осирис + Исида = Гор), изображавшего природу Вселенной (евреи сделали из него символ своего Ягве). Числу 4 соответствовал крест – символ душевного равновесия, а число 6 считалось первым законченным числом (сумма составляющих его целых чисел тоже равна шести). В еврейской Каббале 5 – число просвещенной воли и активной власти, 6 – число добра и зла, как двуединого начала мира.

Пифагорейцы пропагандировали и теорию Логоса, понимая под этим гармоничное, пропорциональное соотношение чисел. В этом смысле о Логосе и говорится в начале Евангелия от Иоанна, столь любимом масонами.

Открытие не-логоса, элогона (вроде числа 17) было для пифагорейцев настоящей трагедией познания, горьким разочарованием. Наличие дисгармонии, диспропорций, означало, что в основе мироздания – противоположности. Здесь пифагорейцам и пришлось прибегнуть к помощи зороастризма [Все данные о цифровой символике – из цит. книги Э.Бинделя, стр.99,119,123-125,130-131,139,148,160-162.].

Но восточные увлечения Пифагора можно рассматривать, как своего рода вывих. Невзирая на непредрасположенность греков к религиозному творчеству, греческая мысль не

стояла на месте. Она стремилась преодолеть антропоморфные представления о богах и двигалась в направлении к монотеизму. Основатель элейской философской школы Ксенофан из Колофона писал в VI в. до н.э.:

«Бог есть единый из всех – и богов и людей величайший,
Ни своим видом на смертных, ни духом своим непохожий».

К пантеистическому представлению о божестве приблизился знаменитый трагик Эсхил (525-456). Для него «Зевс – эфир, Зевс – земля, Зевс – это все и то, что выше этого». А не менее знаменитый фиванский поэт Пиндар (522-442) возвысился до философского учения о всеобъемлющем божестве, только носящем традиционное имя Зевса [С.И.Радциг. История древнегреческой литературы. М., 1969, стр. 156, 165, 207.]. Но кто действительно обладал качествами основателя новой религии, это, несомненно, Сократ (469-399 г.).

Афинская «демократия цыкуты» опозорила себя на всю историю, приговорив Сократа к смерти за «безбожие» и подрыв основ государства. Однако Сократ и не думал посягать ни на какие основы. Он говорил: «Кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему суждено уцелеть хоть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен». [Платон. Избранные диалоги. М., 1965, стр.294.] Мало того: Сократ призывал прямо-таки к христианскому непротивлению: «Не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла, даже если бы пришлось и пострадать от кого-нибудь» [Там же, стр. 317.]. Часто приходится слышать нелепое выражение: христианские мотивы у Сократа. Почему же христианские? Сократ жил за 400 лет до Христа. Не правильной ли – сократические у Христа?

Рискуя быть обвиненным в назойливости, все же повторю еще раз свой призыв: прежде чем процитировать еврея, поищи, у какого арийца еврей эту мысль украл.

Не был Сократ, конечно, и безбожником. На обвинения он отвечал: «Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее Бога, чем вас» [Там же, стр. 291.]. Весьма примечательно, что Сократ употребляет слово «Бог» в единственном, а не во множественном числе.

Чуть ли не главное место в проповеди Сократа занимает мысль о загробном существовании. «Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для скверных» [Там же, стр. 401.], – вот послышка его рассуждений. «Никто не знает ни того, что такое смерть, – продолжает он, – ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ» [Там же, стр. 290.]. И Сократ надеялся, что смерть именно благо. У него часто звучат уже знакомые нам пессимистические нотки и такие эпитеты по отношению к телу, как «зло», «зараза», «оковы», «тюрьма» [Там же, стр. 338, 339, 363.]. Присутствует и мысль о переселении душ [Там же, стр.344, 366.]. В этом плане понятны и призывы заботиться о своей душе, а не о деньгах, славе и почестях [Там же, стр. 291.], весьма низкое мнение о человеческой мудрости, которая «стоит немного или вовсе даже ничего» [Там же, стр. 281.], и горькое сознание того, что лишь немногие смогут действительно изменить свою жизнь, руководствуясь новым учением, ибо «много тирсоносцев, да мало вакхантов» [Там же, стр. 343.].

Как видим, эта пословица бытовала задолго до христианского «много званых, да мало избранных». Прежде, чем процитировать еврея, поищи, у какого арийца еврей эту мысль украл.

Сократ – вершина греческой мысли в плане религиозном, Платон и Аристотель – в плане философском. Ф.Ницше отрицательно относился к Сократу и Платону, считая их чужеродными явлениями и разрушителями греческой культуры. Сам Ницше объявлял себя

поклонником Диониса, но странным образом не видел, что Сократ вырос из того же дионисизма. В.Скурлатов справедливо поправляет: «Сократ отнюдь не был чужд ни древним грекам, ни индоевропейцам вообще такими своими качествами, как непосредственное общение с личным внутренним Богом, открытие хаоса (свободы) в своей глубине, парящая над разумом и над бездной сущего ирония, презрение к вещам, спокойное приятие смерти тела ради достоинства души, благожелательное отношение к людям, стремление воспитывать молодежь как самокритических индивидуалистов, осмеяние формальной религиозности и формального следования традиционным нормам» [В.Скурлатов. Молодежь и прогресс, стр.110.]. Зато Платону от В.Скурлатова крепко достается, как «предателю», главным образом, за его социальную утопию. В.Скурлатов выступает в этом случае ярким приверженцем прогресса и противником легенды о золотом веке в прошлом. Однако ему следовало бы прислушаться к предостережениям экологов, высмеивающих религиозную веру в прогресс, которая, при нынешнем его направлении, может привести нас к мировой катастрофе, и прямо призывающих остановить этот «прогресс», что мы можем и должны сделать [Garret Hardin. The Voyage of the Spaceship “Beagle”. стр. 141-144.].

Именно такой «прогресс» переживал и античный мир в эпоху эллинизма, для которой характерны «синкретизм, космополитизм и преобладание естественно-математических и технических дисциплин над гуманитарными», причем всем научным дисциплинам были свойственны богатство фактического материала, его систематизация, солидный научный аппарат при сравнительной бедности оригинальных идей. Из всех отраслей научного знания одно из первых мест занимала военная техника и связанные с ней дисциплины. На военное дело тратились огромные средства, строились гигантские военные корабли и осадные машины. Однако со II в. до н.э. уже почувствовалось ослабление научной и художественной деятельности, что стояло в связи с общим расстройством хозяйственной жизни, ростом деспотизма и упадком общественной и личной инициативы [В.С.Сергеев, цит.соч., стр.453-455.].

Знакомая картина, не правда ли? Таков был мир накануне появления новой религии, которая победила потому, что заговорила не о «прогрессе», а о душа отдельного человека. Как сказал в лучшие свои времена А.Вознесенский, «все прогрессы реакционны, если рушится человек»...

Греческий мир оказался неспособным дать эту религию, которую все ждали, равно как и сменивший его римский мир. Духовный вакуум заполнялся восточной продукцией – фригийским культом Великой матери богов Кибелы, египетским культом Исиды и Сераписа, персидским митраизмом. Хитрые александрийские евреи Аристокл и Филон спаривали идеи Платона и Аристотеля с учением еврейских раввинов, готовя пути будущему явлению христианства.

Э.Гиббон объясняет поражение античного язычества «умеренностью его притязаний», а также тем, что «мифология греков не представляла нераздельной и правильной системы, способной подчинить себе все умственные способности верующего, и состояла из тысячи отдельных и гибких частиц, так что поклонник богов мог по своему произволу определить степень и меру своих религиозных верований» [Э.Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1886, ч.II, стр.532.]. В противоположность этому на Востоке христианские соблазнители «не произвели глубокого впечатления на умы персов, религиозная система которых, благодаря усилиям хорошо дисциплинированного священнического сословия была построена с большим искусством и с большей прочностью, нежели изменчивая мифология греков и римлян» [Там же, стр.82-83.].

Мифология греков и римлян. Мы часто воспринимаем ее, как нечто единое, но допускаем здесь ошибку. Латинская ветвь индоевропейцев по своему психологическому складу сильно отличалась от греков, что неизбежно отразилось на ее религиозных воззрениях.

С.А.Токарев обращает внимание на «национальный характер римского народа, практичный, расчетливый, не склонный ни к эксцессам, ни к полету поэтической фантазии». При таком характере неудивительно, что «мифологическая фантазия римлян была чрезвычайно бедна, антропоморфизация богов весьма слаба» [С.А.Токарев, цит.соч., стр.481,478.]. «Исконная римская религия, – пишет Н.А.Машкин, – далека от антропоморфизма, ей не свойственно было олицетворение природы в виде божеств, наделенных человеческими качествами, и в этом отношении она отлична от греческой религии. Особенно характерными для римского анимизма были представления об особых мистических силах, присущих явлениям природы: эти силы и есть божества (*nomina*), которые могут приносить пользу и вред человеку. С самого рождения человека окружают божества. Было божество первого крика, особые боги учили ребенка пить, есть, спокойно лежать в постели. Четыре богини следили за первыми шагами ребенка. Процессы, происходящие в природе, как, например, произрастание семени или созревание плода, также представлялись римлянам в виде особых божеств. С развитием общественной и политической жизни вошло в обыкновение обожествлять такие понятия, как надежда, честь, согласие и т.п. Римские божества, таким образом, отвлечены и безличны» [Н.А.Машкин. История древнего Рима. М., 1949, стр.116-117.]. Молитвы римлян были многословны, но лишены экстаза. В том, что сверхестественная сила еще не рассматривалась как чисто духовная, вполне освободившаяся от телесности, видят ярко выраженный архаизм римской религии, отличающий ее от религии греков и ведических ариев [А.П.Каждан. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957, стр.232.].

Римляне испытали на себе сильное религиозное влияние других народов, прежде всего этрусков, которые одно время держали Рим в подчинении и которым он обязан своим названием. Кем были этруски, до сих пор не вполне ясно. З.Майяни в переведенной у нас книге «Этруски начинают говорить» относит их к иллиро-фракийской ветви и предлагает дешифровку этрусских надписей с помощью албанского языка (часть албанцев до сих пор называет себя тосками), но другие ученые склоняются к мысли о более тесной связи этрусского языка с хеттским. Так или иначе, все более утверждается мысль об индоевропейской принадлежности этрусков и о зерне истины в римской традиции, связывающей Рим с Троей. Религиозное влияние этрусков было сильнее среди патрициев, чем среди плебеев, – по-видимому, многие патрицианские роды происходили от этрусков.

Сравнивая религию латинских племен и этрусков, А.С.Фаминцын отмечал: «Религия первых отличалась светлым, ясным, в значительной степени рассудочным характером, религия этрусков, напротив того, окрашена была мрачным, фантастическим колоритом, выражавшимся в жестоких обрядах, в таинственных гаданиях и чарах» [А.С.Фаминцын. Божества древних славян. Вып. I. Спб., 1884, стр. 84.]. У этрусков было две троицы богов: к первой принадлежали Тиния, Уни и Менрва (будущие Юпитер, Юнона и Минерва), вторую составляли божества подземного царства. Из этих двух троиц и мог быть составлен символ шестиконечной звезды. Этруски (турша) были в числе «народов моря», которые в конце XIII в. до н.э. атаковали Египет. Вместе с ними шел и другой народ – пулусати (филистимляне, по-видимому, пеласги, т.е. фракийцы), давшие свое имя Палестине. Сильно развита была демонология. Но особенной славой пользовались этрусские прорицатели, умевшие гадать по внутренностям жертвенных животных, по полету птиц, ударам молнии и т.п. Римляне оказались особенно падкими на эту «этрусскую науку», зато греки над ней посмеивались. В «Илиаде» (XII, 237-243) Гектор говорит гадателю Полидамасу:

Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь.
Верить должны мы единому, Зевса великого воле.
Знаменье, лучшее всех – за отечество храбро сражаться!

Только в середине II в. до н.э., после завоевания Римом Греции, возобладали греческое влияние и получил официальное признание олимпийский пантеон. Одновременно распространяются греческие статуи богов, тогда как ранней римской религии антропоморфизм был чужд. М.С.Корелин смотрел на эту эволюцию отрицательно. По его словам, «старая римская религия, несмотря на сухость и формализм, обладала крупным достоинством – могучим и благотворным влиянием на индивидуальную и общественную нравственность». «Римляне не были в состоянии усвоить греческих богов, и пришлые олимпийцы внесли только смуту в местные религиозные представления и развратили культ» [М.С.Корелин. Падение античного мирозерцания. М., 1901, стр.11-13.].

Не были довольны и римские консерваторы. Особенно их беспокоило распространение греческих народных культов. В 186 г. сенат запретил культ Диониса и многие приверженцы этого культа были казнены. Дионис огрызнулся потом, во время восстания фракийца Спартака, возившего с собой фракиянку-пророчицу, посвященную в вакхические мистерии [А.Донини. Люди, идолы и боги, стр.178.].

Как и в Греции, выдающиеся умы Рима отходили от языческого многобожия. Например, у знаменитого философа-стоика Сенеки (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.) мы уже встречаемся со строго выраженным монотеизмом. Однако стоицизм резко отличался от христианства прославлением человеческой воли, тем, что он объявлял мудреца равным Богу [Р.Ю.Виппер. Рим и раннее христианство. М., 1954, стр.55,57.].

В Риме, как и в Греции, не было жреческой касты и религиозных догматов, поэтому христианство не получило должного отпора. Его противники не могли противопоставить ему столь же сильного положительного идеала, хотя своими критическими стрелами часто очень метко поражали цель. Особенно возмущала их идея «богоизбранности» еврейского народа. Цельс в конце II в. писал: «Ведь были другие народы, более достойные внимания бога, боговдохновенные народы халдеев, египтян, персов, индусов, тогда как евреи – жалкий народ, которому предстоит вскоре погибнуть» [А.Б.Ранович. Античные критики христианства. М., 1935, стр.84.]. Ему вторил император Юлиан (361-363), прозванный христианами «отступником» (хотя на самом деле отступниками были они), удивительно яркая и трагическая личность: «Если он бог всех нас и творец всего, почему он на нас не обращал внимания? Поэтому приходится думать, что бог евреев в действительности не творец всего мира и не властвует над вселенной, на что он ограничен... и властью он... обладает ограниченной, наряду с прочими богами» [Там же, стр.192.]. Обращаясь уже к самим христианам, он продолжал: «Не следует ли ненавидеть разумных среди ваших последователей и жалеть глупых за то, что они дошли до такого падения и, отвернувшись от вечных богов, обратились к еврейскому трупу?» «Вы... разрушаете храмы и жертвенники и убивали не только тех из наших, которые остаются верны религии отцов, но и принадлежащих к вашему же заблуждению еретиков, которые оплакивают труп не таким же самым образом, как вы... Чем вам не угодили наши боги, что вы переметнулись к иудеям?» [Там же, стр.201, 203.]

Сегодня христиане, потомки тех, кто когда-то отрекся от религии отцов, любят изображать себя именно защитниками «религии отцов». Нужно сорвать с них этот наряд, обнажить всю их неприглядную еврейскую сущность, ничуть не меняющуюся от их взаимной

ругани с евреями. Эта ругань очень похожа на перебранку между советскими и китайскими коммунистами.

Качественных различий между противниками нет. Христиане бунтуют на коленях и ползут в бой на коленях, взывая к богу Израилеву, богу Авраама, Исаака и Иакова, господу в Сионе. Сим победиши? Сим насмешиши! «Наши боги». Не думайте, что император Юлиан защищал каких-то чужих для нас богов. Он защищал именно наших.

«С трудом можно различить, где кончается русское язычество, и где начинается греко-римское» [В.А.Келтуяла. Курс истории русской литературы. Ч.1, кн.1. Сиб., 1913, стр.373.], – писал В.А.Келтуяла, имея в виду национальные русские празднества. «В основе всех языческих праздников русского народа, – пояснял К.М.Гальковский, – лежало поклонение природе, собственно солнцу, подателю тепла и урожая. Но к солнечному характеру праздников присоединялся еще культ мертвых. Празднуя поворот солнца с зимы на лето или наступление весны, славянин-язычник верил, что вместе с теплом, цветами и травами на землю возвращаются и души умерших. Смерть – это долгая ночь, зима; с возвратом тепла могут возвращаться и мертвые». Близость римских и русских праздников К.М.Гальковский правильно относил к «доисторическому религиозному сродству этих народов» [К.М.Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т.1, Харьков, 1916, стр.85-86, 88.].

«Национальные русские празднества совершаемы были в честь Дажьбога, бога солнца, Волоса, бога покровителя скота, и Перуна, бога грома и молнии. Особенно много праздников было в честь Дажьбога».

«Дажьбог, этот могучий организатор жизни на земле, производитель всякого рода богатств – растительных и животных, бог, от которого зависело и благосостояние человека в области звероловства, скотоводства и земледелия, пользовался особым вниманием русского славянина».

«В годовой деятельности Дажьбога замечалась известная периодичность: Дажьбог то обнаруживает чрезвычайную силу света и тепла (летом)... то переживает необыкновенный упадок своих сил (зимой)... Не зная истинной причины смены времен года, русский славянин-язычник объяснял ее себе анимистически: у Дажь-бога, бога света и тепла есть враг – бог тьмы и холода; между обоими врагами происходит борьба, в которой периодически одерживает верх то один бог, то другой. В этой борьбе особенное внимание русского славянина-язычника привлекали два основных момента: зимнее... и летнее солнцестояние... Зимнее солнцестояние было моментом наивысшего торжества бога мрака, холода, зла. На следующий день, 12 декабря (по нов. ст. 25 декабря), день увеличивался на одну минуту, а ночь сокращалась: это поворот солнца на лето, начало усиления солнечной энергии, признак будущего торжества Дажьбога над богом тьмы. Летнее солнцестояние – это момент наивысшего развития сил Дажьбога, его торжества над богом тьмы. Следующий день, 11 июня (24 июня по новому стилю) – летний солнцеворот, начало упадка сил Дажьбога».

«Около двух моментов в жизни Дажьбога... группировался ряд праздников, сопровождавшихся обрядами, заклинаниями, играми и песнями» [В.А.Келтуяла, цит.соч., стр.371-372.]. Так представлял себе русское язычество В.А.Келтуяла.

У греков и римлян был ряд праздников от 24 ноября до 5 января: 1) Брумалии в честь Диониса (24 ноября – 17 декабря), сопровождавшиеся перереживанием, маскированием и неистовыми плясками, 2) Сатурналии (17-23 декабря), по случаю которых совершалось заклание поросенка, взаимный обмен угощениями и подарками (у нас в это время тоже бьют свиней), 3) Воты (24-31 декабря) с принесением жертв и вознесением обетов и 4) Календы (1-5 января) – праздник всеобщей радости с пиршествами и попойками. Верили, что особенная радость в этот праздник обеспечивает веселую счастливую жизнь на весь год.

Накануне первого дня Календ по домам ходила толпа молодежи с пляской и пением, приветствовала хозяев и получала подарки, а в первый день праздника ходили с этою же целью дети; кроме того, накануне 1 января занимались гаданиями.

Император Юстиниан в VI в. запретил Брумалии и Сатурналии, а Календы продлил до 25 декабря. Так сложились христианские святки.

Римские Календы – это наша Коляда. Она сопровождалась переряживанием и маскированием в образы зверей: этот обряд символизирует неестественное состояние солнца зимою. По фрескам Киевского Софийского собора видно, что святочные игрецы одевались в звериные шкуры и носили маски с рогами на голове. У белоруссов и украинцев парня переряживали козой: надевали вывороченный наизнанку тулуп, на лицо – маску, на голову – рога, сажали верхом на упряжную дугу и дед с песельниками вел этого парня. Рядились также туром или конем.

В некоторых деревнях накануне Рождества возили плуг или вносили его в избу. В Белоруссии и на Украине накануне Рождества хозяин садился за стол, уставленный кучей пирогов и съестных припасов так, что эта куча совсем скрывала хозяина, и спрашивал домашних, видят ли они его. Те отвечали, что не видят. Тогда хозяин выражал пожелание, чтобы из-за стогов, снопов и возов не было видно света. На более высоком уровне этот обряд исполнялся до XII века у балтийских славян в храме Святовита в Арконе на острове Рюген. Во время праздника в честь этого бога священник ставил между собой и народом круглый пирог в рост человека и спрашивал, видно ли его, а после отрицательного ответа выражал пожелание, чтобы его из-за пирога не было видно и в будущем году.

Масленица в языческое время праздновалась после весеннего равноденствия и представляла собой опять-таки смесь культа весны и солнца с культом умерших. Этот праздник сопровождался бурным весельем. В некоторых местах на громадных саях возили наряженного мужика, сидящего на колесе, закрепленном на столбе, в других местах – дерево, увешанное лентами, в третьих – соломенное чучело, которое потом сжигали. Поминая умерших, ели блины.

Во время весенних праздников зажигали костры и прыгали через них. Этот же обряд совершался у римлян на празднике Палилии в день основания Рима – 21 апреля.

23 апреля – «Егорьев день». На Егория были перенесены черты бога покровителя скота Волоса. Теперь возник новый обряд: в этот день поклонники Влесовой книги тайно собираются за городом и с криками «явь, правь, навь!» таскают чучело академика Рыбакова, а потом его торжественно сжигают. Шутка, конечно. Но язычники никак не могли простить покойному Б. А. Рыбакову то, что он не признавал Влесову книгу подлинной.

В мае греки и римляне справляли Розарии – поминки по умершим. Дома при этом украшали зеленью, а на головы надевали венки из роз. У нас им соответствовала «русальная неделя» (русалки – души умерших), приуроченная позже к христианской Троице. Поминовение усопших называли Семиком. В старину Семик встречали на могилах родителей, на которых совершали поминальную трапезу специальными блюдами. В этот же день украшали березы.

Главным летним языческим праздником был праздник летнего солнцестояния. Римляне на праздник Весты (23 июня) окропляли дома водою, а ночью зажигали костры и прыгали через них. Христиане притянули к этому дню Иоанна Крестителя, которого наши предки называли по-русски Купалой. В Белоруссии и на Украине традиция этих празднеств сохранилась лучше, чем в России. Обряды состояли о том, что прыгали через костры, прогоняли через них скот, купались, скатывали с горы в воду горячее колесо, сжигали соломенные чучела. В ночь на Ивана Купалу собирали травы. Верили, что в эту ночь цветет огненным цветом папоротник, и под ним можно найти клад. На этих праздниках происходило сво-

бодное сближение полов. Купанье было основным обрядом, освящавшим вступление в брак.

Наконец, во второй половине июля был праздник в честь бога грома Перуна. Христианская церковь подсунула нам вместо него еврейского пророка Илью.

Но это все обряды, культовая практика, а где же теория? Не говорю – догмы, их не было ни у греков, ни у римлян, а хотя бы мифология? – Увы, приговор неутешителен. Его высказал Е.В.Аничков: «Особенно убого было язычество Руси, жалки ее боги, грубы культ и нравы» [С.А.Токарев, цит.соч., стр.238.]. Ну, Аничкову можно и не поверить, как любому христианину, рассуждающему о язычестве, однако даже такой серьезный ученый, как Л.Нидерле, вынужден был признать: «Я в самом принципе не могу допустить, что славяне – единственный из индоевропейских народов – до такой степени отстали в развитии своего религиозного мировоззрения, что вообще не поднялись до высших понятий и представлений о какой-либо системе богов и не имели соответствующих им храмов и обрядов». Однако, «следует признать, что славяне как и в некоторых других областях культуры, так и главным образом в развитии религиозного мировоззрения сравнительно отстали и не дошли до столь развитой системы богов, какая была у родственных им народов... Таким образом, языческая религия славян, несомненно более бедна, чем греческая, иранская, римская, кельтская или даже германская» [Л.Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр.268-269.].

Что нам вообще известно об этой религии? Весьма мало. Например, византийский историк Прокопий Кесарийский рассказывал о славянах: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им, охваченным ли болезнью или попавшим на войне в опасное положение, вот-вот грозит смерть, то они дают обещание – в случае если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем и при помощи этих жертв производят гадания» [Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр.385.].

Б.Д.Греков выражал сожаление, что «к большому ущербу для науки усердие в истреблении язычества после принятия христианства лишило нас возможности глубже изучать языческие верования наших предков, особенно интересные тем, что это продукт собственного творчества... народа русского» [Там же, стр.388.]. Б.Л.Грекова в этом можно поддержать и заклеймить преступления христианского сброда еще более резкими словами, но жаль, что сам Б.Л.Греков, а вслед за ним и Б.А.Рыбаков, чтобы хоть за что-нибудь зацепиться, принимают на веру отрывок из «Слова о том, како первое погани суще, языци кланялися идолам»: «И ти начаша требы класти Роду и Рожаницам преже Перуна, бога их, а преже того клали требу упирем и берегиням» [Там же, стр.386.], и строить на этой шаткой основе целую концепцию развития славянской религии. Да разве можно верить бредовым домыслам какой-то христианской сволочи о языческой религии? Неужели не ясно, что выдумка о «поклонении упырям», с ехидством повторяемая и современными христианами, – оскорбление памяти наших предков?!

Бог славян, о котором упоминал Прокопий Кесарийский, отождествляется с Перуном. Но еще далек от разрешения вопрос, каким образом Перун стал во главе славянского пантеона и откуда он вообще взялся.

Поэт И.Кобзев написал поэму «Падение Перуна», в которой исходил из того, что Перун издревле был главным богом славян. Однако главенствующее место Перуна в языческом пантеоне князя Владимира никого не должно вводить в заблуждение. Пантеон этот был

составлен наспех, чисто механически, из богов разных народов, и «преследовал цели политического объединения. Перуна не знали в Новгороде, и его культ должен был сплотить юг и север». И неудивительно, что, поскольку это была «религия только официальная, именно она-то и должна была исчезнуть с признанием официальной совсем другой религии» [Е.В.Аничков. Язычество и древняя Русь, стр.262-265.].

Олег и его дружина в договоре 907 г. с византийцами «клятая оружием своим и Перуном богом своим». И Б.Д.Греков и С.А.Токарев дружно называют Перуна «княжеским богом» [Б.Д.Греков, цит.соч., стр.386-387. С.А.Токарев, цит.соч., стр.229.], причем последний добавляет, что неизвестно, почитался ли этот бог крестьянами. Зато известно, что у купцов был другой бог – Волос.

А.Г.Кузьмин также согласен, что культ Перуна, несомненно, насаждался киевскими князьями, и обращает внимание на тот факт, что Перун не упоминается в «Слове о полку Игореве». Он выражает даже надежду, что «более точная локализация Перуна, возможно, дала бы нам указание на происхождение династии киевских князей» [А.Г.Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. Вопросы истории, 1970, № 10, стр.53.]. Взваливая тем самым на хрупкие плечи Перуна весь двухвековой груз жарких баталий вокруг норманнской теории, А.Г.Кузьмин поступает несколько опрометчиво. Действительно, норманны не знали Перуна, но не знал его и столь любезный сердцу А.Г.Кузьмина остров Рюген, откуда С.А.Геденов выводил династию Рюрика именно опираясь на тезис о религиозном первенстве балтийских славян над всеми прочими славянскими племенами [С.А.Геденов. Варяги и Русь. Ч.1, Сиб., 1876, стр.133,135.]. Действительно, балтийские славяне занимали исключительное положение в славянском мире, потому что только у них существовал развитый культ, храмы и каста священнослужителей, но Рюген вовсе не был таким же духовным центром для всех славян, каким был, скажем, Рим для католиков или Дельфы в древней Греции. Династия с Рюгена принесла бы нам Святовита или Радгоста, но пришли не они, а Перун. Так что исключительность острова Рюгена в прямом смысле слова исключает его из славянского мира и связывает с каким-то другим, скорее всего, с кельтским, потому что каста священнослужителей существовала в Западной Европе только у кельтов. Археологи установили, что языческие храмы балтийских славян по внешнему облику и деталям очень похожи на культовые постройки кельтов [В.В.Седов. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, стр.52.]. Многоголовые изображения богов у балтийских славян – тоже черта, очень характерная для кельтского мира. Наконец, само название Аркона можно связать с кельтским корнем «арко» – «умолять».

Где же нам искать Перуна? Кроме Киевской Руси мы встречаем его, как бога, только в Литве (Перкунас). В польском языке его имя сохранилось, как название молнии. Наконец, весьма важное указание дает В.Порциг: Судетские горы раньше назывались Виргунт от Перкунос – бог дуба [В.Порциг. Членение индоевропейской языковой области, стр.180.]. Бог-громовик связывался с дубом и в древней Греции: в Додоне был священный дуб Зевса, по шелесту листьев которого производились гадания и пророчества. Таким образом, как первоначальная область распространения культа Перуна довольно четко выявляется сфера влияния венетов. Одно из венетских племен носило название Кварквени, тоже восходящее к дубу [В.Порциг, цит.соч., стр.144.]. Переход «кв» в «п» – явление, широко распространенное. По этому принципу делятся на две группы кельтские, а также италийские языки. Старую форму мы имеем в греческом «керавн» – «молния».

Я уже посвящал венетскому вопросу специальную работу. Повторю здесь лишь, вкратце, что венеты, народ кельто-италийской группы, заселял территорию современной Польши и ему принадлежит т.н. лужицкая культура. В середине VI в. до н.э. часть венетов, теснимая балтами, ушла на восток. Это и были те невры, о бегстве которых от змей сообщает

Геродот (IV, 105). Б.А.Рыбаков ошибочно относит неуров к славянам на основании данных гидронимии [Б.А.Рыбаков. Геродотова Скифия. М., 1979, стр.189.]. Земли эти, действительно, принадлежали славянам, но, как показал А.И.Тереножкин, там жили две разные этнокультурные группы [А.И.Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правом берегу. Киев, 1961, стр. 240.]. Одна из них была пришлой и ославянилась лишь впоследствии. От нее и вело свое происхождение славянское племя вятичей (вентичей), смутную память об исходе которого «из лях» сохранили русские летописи.

Трудно сказать, почему именно бог венетов и балтов стал богом первых русских князей. Во всяком случае, установить их национальное происхождение Перун нам вряд ли поможет. Единственная мысль, на которую он может натолкнуть, это не было ли в дружине Рюрика много пруссов и не есть ли они та самая рюрикова Русь, которую вот уже более ста лет без особого успеха ищут немного не там? Что же касается самого Рюрика, то трудно не согласиться с М.А.Алпатовым: «Первые князья... династии носили несомненные норманнские имена (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга). Этот факт до сих пор никем не опровергнут» [М.А.Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М., 1973, стр.39]. Попытки ославянить Рюрика, связав его имя со словом «ререг» – «сокол», спотыкаются на начальное «рю», не характерное для славянских языков. А.Г.Кузьмин (очевидно, руководствуясь принципом: кто угодно, лишь бы не немец) хитроумно производит имя Рюрика от кельтского племени раураков, жившего когда-то на Руре. Все бы хорошо, но только это племя уже во времена Цезаря под натиском германцев ушло за Рейн, в современный Эльзас. Каким образом его представитель 900 лет спустя совершил столь славный обратный путь – пусть объяснит нам А.Г.Кузьмин.

Кельтское влияние затронуло лишь периферию славянского мира (встреча произошла, очевидно, в III в. до н.э. на территории Польши). Бога-громовика по имени Перун кельты тоже не знали. Славянские волхвы не были столь хорошо организованы и не имели такого сильного влияния, как кельтские друиды. Да и само имя волхвов наводит многих на мысль об их чужеродном происхождении. Известно, что валахами мы называли румын, а поляки – итальянцев, т.е. термин относился к народам романского происхождения. Точно такое же значение имеет слово *Welsche* в немецком языке, а англичане называют уэльсцами кельтов-кимров. Предполагают, что основой этого этнонима могло служить название кельтского племени вальхов, живших в Северной Чехии и Моравии, т.е. в Судетах, Перуновых горах [С.Б.Бернштейн. Очерки сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр.77.]. Таким образом, волхвы могли быть своего рода миссионерами кельто-романского (и венетского) мира в славянской среде и это еще один возможный путь прихода Перуна в наши края. Так что необязательно связывать Перуна именно с династией – князья могли воспользоваться местным материалом, той его частью, которая показалась им наиболее основательной.

Но были ведь и другие части. Перун – только один из богов пантеона. А остальные? Остальные уведут нас в совсем другую сторону, в сторону связей славян с индо-иранцами. И здесь необходимо будет сделать одно предварительное замечание.

Кое-кому очень нравится идея наших особых связей с Индией. Эта идея многократно подчеркивается, например, в книге Н. Р. Гусевой «Индуизм». Но не следует забывать, что предки индо-арийцев ушли из наших мест за 2000 лет до н.э. Зато контакты с иранцами были очень длительными.

Иранцам принадлежала срубная культура, сформировавшаяся в Нижней Поволжье и заволжских степях в середине II тысячелетия до н.э. Примерно в XIII в. до н.э. срубные племена перекочевали на Украину, и с этого времени мы можем вести историю славяно-иранских связей, не прерывающихся на протяжении добрых двух тысячелетий. Как уже

говорилось, А.И.Тереножкин правильно считает срубников иранцами, но неправильно отождествляет всю срубную культуру с киммерийцами. Киммерийцы – явно кельтский этноним, жители Уэльса до сих пор называют себя кимрами, а в кельтских преданиях сохранилась память о Причерноморье. Необходимую поправку вносит М.И.Артамонов, когда указывает, что киммерийская культура возникла на основе форм, распространившихся из Средней Европы [М.И.Артамонов. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, стр.37.]. Создателями же сабашиновского этапа срубной культуры были не киммерийцы, а скифы [Там же, стр.85.]. Скифы, таким образом, появились в причерноморских степях не в VIII веке до н.э., а на 500 лет раньше. Скифы сами утверждали, что жили в этих местах еще за 1000 лет до Геродота [Б.Н.Граков. Скифы, стр.15.]. Лишь во II веке до н.э. скифов сменили сарматы, по Геродоту – смесь скифов с амазонками, говорившими на другом языке (IV, 110-117). Возможно, что амазонки – искаженное название азаматов, одного из меотских племен в Приазовье. Меотов же связывают с киммерийцами и считают сарматов смесью скифов с меотами [К.Ф.Смирнов. Савраматы, стр.193.]. Любопытно, что этноним меотов мы встречаем среди шотландских пиктов вместе с легендой об их скифском происхождении [The Problem of the Picts. N.York. 1956, стр. 6, 10.]. Любопытно также сходство имени царицы меотов Тиргатао с именем прародителя скифов Таргитая [Б.Н.Граков, цит.соч., стр.100.]. Сам по себе термин «сарматы» (сарима) употребляется в Авесте (Яшты 13 и 21), как обозначение западных варваров.

Во II в. н.э. среди сарматских племен доминирующее значение приобрело племя алан. Аланы приняли участие в великом переселении народов, дошли до Галлии, Испании и Африки, но и после этого аланы преобладали в наших степях от Дуная до Урала [А.В.Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр.195.]. В VI-IX в. они еще жили на Дону. До сих пор наши южные реки – Дон, Днепр, Буг, Днестр носят иранские названия [Иранским было и древнее название славян «анты», означающее, собственно, «жители окраины», «украинцы» – В.В.Седов. Происхождение и ранняя история славян, стр.100.].

Не могло же столь длительное сосуществование пройти бесследно! И влияние иранцев четко прослеживается в особенно интересующей нас области – области религии. Ф.П.Филин отмечает: среди слов, заимствованных в общеславянский язык из иранских языков особое место занимает религиозно-культурная лексика [Ф.П.Филин, цит.соч., стр.140.]. В.Георгиев считает, что славяно-иранских соответствий немного и ограничиваются они, главным образом, областью религии (бог, святой, Сварог) [В.Георгиев, цит.соч., стр.237.]. С.Б.Бернштейн тоже полагает, что иранских заимствований сравнительно немного и относятся они, в основном, к культовой и военной лексике (Бог, рай, Сварог, Хорс, топор, могила, сто, чаша, кур, корда-меч, ватра-огонь, ватрушка-жертвенный хлеб [С.Б.Бернштейн, цит.соч., стр.92.]. Наконец, интересное замечание делает В.И.Абаев. Он говорит, что значение «бог» присуще только иранцам и славянам, но чуждо индийцам. Смягченное южнорусское «г» в слове «бог» приобрело общерусский характер именно благодаря стремлению произносить религиозный термин правильно, т.е. возможно ближе к первоисточнику (в данном случае скифскому) [В.И.Абаев. Скифоевропейские изоглоссы. М., 1965, стр.49.]. Итак, даже само слово «бог» славяне узнали от иранцев. Д.С.Раевский предполагает такую же этимологию названия реки Буг, где находился религиозный центр скифов [Д.С.Раевский. Очерки идеологии скифосакских племен. М., 1977, стр.115.].

Узнали о Боге вообще... А как обстоит дело с конкретными богами? Вот промелькнуло, например, в нашем списке имя Сварог. Имя ли это? В пантеоне князя Владимира таковой не значится. Известно индо-иранское слово «сварга», обозначающее, собственно, небо и имевшее у древних ариев смысл царствия небесного. Возможно, что и у восточных славян это было не персонифицировавшееся, отвлеченное понятие, тогда отсутствие Сварога в

пантеоне Владимира понятно. У балтийских славян Сварог, по мнению Л.Нидерле, идентичен Святовиту. Солнце-Дажьбог является сыном Сварога, ну и огонь славяне, как известно, величали Сварожичем [Л.Нидерле, цит.соч., стр.283,278.].

Почитание огня у восточных славян принимало такие размеры, что арабские источники говорят о славянах, как о типичных огнепоклонниках. Это или ошибка, думает Л.Нидерле, или результат укоренившегося влияния иранской религии, но и в этом случае – только на востоке, у русов [Там же, стр.274.].

Пожалуй, ни то, ни другое. Культ огня, действительно, сохранился до наших дней в маздеизме, и о скифах Геродот сообщает, что они выше всех богов чтут Гестию, т.е. богиню очага, которую называют Табити (IV, 59), но иранцы никогда не имели монополию на этот культ, носивший общеарийский характер. Греческая Гестия в классический период отошла на второй план, но зато известно, каким почетом пользовалась в Риме Веста. Хранительниц священного огня, аналогичных римским весталкам, мы имеем и у литовцев (вайдилуте). У Н.С.Лескова в романе «На ножах» описан языческий обряд добывания современными ему русскими крестьянами «чистого, непорочного огня», как средство борьбы с эпидемией скота. Точно такой же обряд и точно с такой же целью употреблялся и древними германцами [Jakob Grimm. Deutsche Mythologie. Wien-Leipzig. 1939. стр. 375.]. Интересно, что божество огня имеет женский образ и подчеркивается его чистота и непорочность. Имя богини Анахиты, с которой С.Викандер связывает культ огня в древнем Иране [S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund. 1946. стр. 216.], означает «непорочная». (Сегодня мы снова услышали это имя – в руководство афганской революции входит женщина – Анахита Ратебзаде). Не зря от римских весталок и литовских вайдилуте требовалось соблюдение девственности. Индийский бог огня Агни (которому в Риг-Веде посвящено 200 гимнов) рождается девственным путем, и его земной отец, плотник Свасти (по его имени названа свастика) имеет к этому рождению не большее отношение, чем евангельский Иосиф к рождению Иисуса. В свете сказанного понятен миф о непорочном зачатии и широчайшее распространение совершенно не христианского культа Богоматери в православии и католицизме. Непонятно лишь, как могут некоторые весьма сведущие в своей области товарищи презрительно называть современных зороастрийцев «чучмеками, поклоняющимися огню». Такими «чучмеками» были индийцы, иранцы, римляне, литовцы, германцы и наши собственные предки. А что касается зороастрийцев, то они очень не любят, когда их называют «огнепоклонниками». Огонь в их храмах – чистый символ, как, скажем, у нас на могиле Неизвестного солдата. Каждый день к этой священной могиле приходят молодые люди, вступающие в брак. Неужели и они «огнепоклонники»? Может быть, еще и «чучмеки»?

Выше мы упомянули Дажьбога, сына Сварога. В летописи, в описании пантеона князя Владимира, стоит через черточку «Хорс-Дажьбог». Слово Хорс, несомненно, иранское, обозначает оно солнце и сохранилось в таких названиях, как Хорезм (хвар-зем, солнечная земля), Хорасан и др. К имени Хорса восходит наше слово «хорошо». Значит, Дажьбог – бог солнца? Не только. В языке Авесты корень «да» означает не только давать, но и творить, соответственно «дадуш» – «творец». Следовательно, речь идет о боге-творце. Солнечный диск в зороастризме – символ бога-творца, но только символ. Мало того, в ведическом пантеоне имеется бог Дакша, который в первой песне Махабхараты выступает как бог-творец других богов и людей. Древние арии называли себя «детьми Дакши» (Риг-Веда, т.2, кн.VIII, гимн LII, «Белая Яджурведа», кн.XXXIV), а славяне – Дажь-божьи внуками (Слово о полку Игореве). Получается так, что восточные славяне знали единого бога-творца, о чем свидетельствовал Прокопий, но в иранском оформлении. В Иране же носителем этой идеи был зороастризм. Каким образом зороастрийские веяния залетели так дале-

ко? В роли посредников могли выступать сарматы. Как предполагает К.Ф.Смирнов, «...учение Заратустры проникало в среду отдельных представителей родо-племенной верхушки савроматов и сарматов» [К.Ф.Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр.256.]. А через них могло проникнуть и дальше.

Еще одно божество из пантеона князя Владимира, Симаргл, прямо упомянуто в Авесте (Рашн Яшт, XII, 17) Син-марг – фантастическое существо, крылатый пес в рыбьей чешуе, олицетворение власти над тремя стихиями [Л.А.Лелеков. Искусство древней Руси и Восток. М., 1978, стр.23.], – образ, часто встречающийся в искусстве Сасанидского Ирана с III в. н.э. [В.Г.Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, стр.96.] Это лишь наши славяно-помешанные историки прошлого века по незнанию делили имя Симаргла на две части, потом находили первую из них у сабинских племен и доказывали к вящему собственному удовольствию, что древнюю Италию населяли славяне [А.С.Фаминцын. Божества древних славян. Сиб., 1884, стр.227.].

Наконец, Стрибог. Этому имени тоже ищут индо-иранские аналогии. К.Г.Менгес сравнивает его с санскритским «шри» [К.Г.Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». стр.194.]. Можно, действительно, вспомнить «Шри Бхагаван» – частое сочетание в «Бхагавадгите». Но «Слово о полку Игореве» связывает этого бога с ветрами, так что, возможно, более права Н.Р.Гусева, исходящая из корня «стри» – «простирать» [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.84.].

Пантеон князя Владимира имел, как мы уже говорили, сводный характер. Западный бог Перун, возможно, просто отождествлялся восточными славянами с известным им из другого источника богом-творцом (отсюда смешанная формула у Прокопия «бог-творец молний») и отделился от него и встал над ним лишь с усилением военной знати. Кроме него мы имеем в этом пантеоне Мокошь – явно финское божество, и три иранских божества, которые пропорционально перевешивают остальных. Спрашивается, почему? Если это всего лишь боги «каких-нибудь степных народцев, ставших союзниками Владимира», как выражается Е.В.Аничков [Е.В.Аничков. Язычество и древняя Русь, стр.269.], то за что им такая честь? Мы довольно хорошо представляем себе этническое окружение Киева в те времена, и вдруг «какие-то» неведомые «народцы»? Но все встанет на свои места, если предположить, что назывались эти народцы **Русь**.

Сколько путаницы вокруг этого слова! И как обидно нам, русским, до сих пор толком не зная, почему мы называемся русскими! Открещиваясь обеими руками от немецкого родства, русские историки обратили свои взоры на юг и с удовлетворением обнаружили у византийских и арабских авторов сведения о некоем народе рос. Но странные вещи мы узнаем об этом народе: «Это скифский народ, кочевой, гордый оружием». «Они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов». «Пашен они не имеют, но питаются лишь тем, что привозят из земли славян» [В.П.Кобычев. В поисках прародины славян. М., 1973, стр.115.]. Мало того: «они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там» [Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр.446.]. Получается неожиданная картина: речь явно идет о каком-то кочевом неславянском народе, который четко отличается от славян и то торгует с ними, то совершает на них набеги и захватывает рабов. Пытаясь выпутаться из этой парадоксальной ситуации, В.П.Кобычев лепечет что-то о «ругах». Но, спрашивается, каким ветром могло занести сюда ругов? Народ рос жил на северо-запад от низовий Дона, а путь ругов по Европе шел от Балтики в Паннонию, а потом на Рим. Если допустить, что руги составляли дружину Рюрика, то каким образом они превратились в русов? Г.Ловмянский предполагает, что отождествление русов и ругов произошло в славянских пределах, в Киеве, но не в славянской среде. Термин «руги» неизвестен русскому летописанию и мог воз-

никнуть только среди киевского пришлого элемента, значит, среди норманнов [Г.Ловмянский. Руссы и руги. «Вопросы истории», 1971, № 9, стр.51.]. Но из кого бы ни состояла эта дружина, она уже влилась в славянский мир, стала его частью, в то время как у выше процитированных авторов речь явно идет о какой-то внешней по отношению к славянам силе.

Наши историки давно пристально присматриваются к иранскому народу роксолан, исходной зоной формирования которых К.Ф.Смирнов считает треугольник Урал – Илек – низовья Сыр-Дарьи, а следом их пребывания на Волге – название р.Еруслан [К.Ф.Смирнов. Савроматы, стр.197,289.]. Впервые они упоминаются в форме «ревксинлы» в надписи II в. до н.э., сделанной в Херсонесе Таврическом в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора. Роксоланы во главе со своим вождем Тасиусом объединились со скифским царем Палакосом и напали на понтийские владения в Крыму [Б.Н.Граков. Скифы, стр.27.]. Диофант отразил это нападение тремя походами в период между 110 и 107 г. до н.э.

В I в. до н.э. роксоланы уже дошли до Мизии, где их нападение отразил знаменитый Антоний. В конце I в. н.э. роксоланы продолжают беспокоить Римскую империю, совершая с территории Молдавии набеги на придунайские области.

Имя Роксалан В.Ф.Миллер еще в прошлом веке перевел как «светлые аланы». Общеиранский корень, обозначающий «свет», звучал в древнем Иране и у скифов, как «рауч», но напрасно О.Н.Трубачев на этом основании подчеркивает сомнению производство имени Русь от этого корня. Ему должно быть хорошо известно о тенденции к монофтонгизации в иранских языках. Ведь уже в средне-персидском мы имеем «роз». Аналогичную эволюцию в то же время мог проделать и аланский язык от первоначального дифтонга, зафиксированного в форме «ревксинлы». Кстати, к этому же корню восходит имя бактриянки Роксаны, которую взял в жены Александр Македонский. Может быть, встречающееся у Плиния Старшего название причерноморского племени рсесов представляет собой начало самостоятельно бытия роксов-росов независимо от алан.

В IX в. тюрки-хазары, руководимые иудеями, одно время подчиняли себе и алан, и часть славян, живших в районе Киева. Тогда-то, очевидно, и произошло вызванное необходимостью совместной борьбы против общего врага слияние славян и росов в единый этнос, которому славяне дали язык, а росы – имя. Иранцы могли дать имя и городу Киеву. Из Авесты нам известен термин «кави», обозначающий князей. В позднем произношении он звучал как «кай», «кей». Легендарного Кия связывают именно с этим термином. Киев, соответственно, уже в эпоху своего основания выдвигался, как центр княжества.

В общем, вклад иранцев в формирование русского этноса был несравненно более велик, чем чей-либо другой. И когда мы будем говорить о древней Персии, мы вдруг обнаружим в ней черты нашего национального характера, но это нас теперь уже не удивит. Хотя история иранской Руси еще не написана, мы имеем полное право считать ее своей и вести со II в. до н.э. с эпохи Митридата, когда на мировую арену впервые выступили роксоланы.

Некоторые пытаются продвинуть нашу историю еще дальше и связать ее с народом Рош, упоминающимся у пророка Иезекииля. Речь там идет о некоем Гоге в земле Магог (позже в христианстве это народы – союзники Антихриста), князе Роша, Мешеха и Тувала, который придет на конях с севера на Израиль и «похоронят там Гога и полчища его». (Иезек.38,39). По созвучию кое-кто принимает народ Рош за россов, но это обман слуха. Речь идет всего лишь о государстве Урарту, название которого в вавилонском языке звучало как «Урашту». Царь урартов Руса в VIII в. до н.э. заключил против Ассирии союз со страной Табал и с народом мушков (мосхов) [Б.Б.Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр.33.]. Здесь и лежит разгадка библейских Роша, Мешеха и Тувала. Урарты же

народ неарийский, даже В.Георгиев, охотно зачисляющий в арийцы всех, кого попало, их к арийцам не относит, а считает родственными хурритам, туземному населению упоминавшегося ранее царства Митанни. Их языки сближают с иберийско-кавказской семьей языков [Г.А.Меликишвили. Урартский язык. М., 1964, стр.10-14.].

А как же быть тогда с балтийской Русью? Мы упомянули в связи с нею пруссов, но лишь при том условии, что верна гипотеза А.Г.Кузьмина, связывающая династию с Перуном. Однако вполне можно обойтись и без этой гипотезы. Тогда Рюген и руги могут остаться, но правила ими, получается, судя по именам, и там норманская династия. Даже энтузиаст Рюгена С.Лесной называет отцом Рюрика князя Годлава [С.Лесной. Русь, откуда ты? Виннипег, 1964, стр.130.] – опять германское имя!

Доказано теперь, что варяги – это не национальность, а профессия. Слово «русь» в связи с варягами употреблялось фактически как синоним. Подозрение подтверждается известными словами летописи о Рюрике и его братьях «попаша по себе всю русь» и сообщением Константина Багрянородного о том, что русские князья ездили в полюдь «со всею русью». В немецком языке до сих пор существует слово *Troß*, обозначающее свиту. Термин этот, конечно, мог произойти от этнонима ругов, как швейцары от Швейцарии, но кто были сами руги? Династия ими почему-то правила норманская. Иордан выводил их с острова Скандзы раньше готов и противопоставлял германцам [Иордан. О происхождении и деяниях гетов, стр. 69, прим. стр. 192-193.], другие немецкие историки объявляли их германцами. А.Г.Кузьмин сделал было попытку причислить их к славянам («Вопросы истории», 1970, № 10), но потом пересмотрел свою точку зрения и в статье «Об этнической природе варягов» («Вопросы истории», 1974, № 11) заговорил уже о славянизированных кельтах.

Е.Ч.Скржинская в примечаниях к книге Иордана говорит, что Тацит четко различал ругиев у океана и лугиев на территории Польши, входивших в сферу лужицкой венетской культуры [Там же, стр. 69, прим. стр. 192-193.]. Луги попадают нам в числе британских пленен, населявших в древности Шотландию [The Problem of the Picts. N.York. 1956. стр. 49.], ругов мы больше нигде не встречаем, зато их имя в другом варианте – рутены – носило одно из галльских племен. (Ю.Цезарь. О галльской войне. VII.75). Луг – имя главного бога кельтов и означает оно опять-таки «свет». Кельтское «луг» и латинское «люкс» соответствуют иранскому «рокс», только «р» перешло в «л». Но если верна гипотеза Ч.Сихольма, и в глубокой древности кельты заселяли Южную Скандинавию, не могла ли там сохраниться архаичная форма без перехода? Кельты, по мнению Ч.Сихольма, даже в первые века н.э. были в этих местах не менее многочисленны, чем германцы [Ch. Seaholm. The Kelts und the Vikings. стр. 228.]. Кельто-германский симбиоз на этой территории и дал то смешанное образование, которое называлось ругами. Тогда понятны и норманские имена вождей ругов, и их этноним. Это все тот же арийский «свет». У нас два света снова встретились после долгой разлуки и слились, чтобы больше уже не расставаться.

Два народа, один с востока, другой с запада впитала в себя наша страна. Два религиозных влияния, одно с востока, другое с запада определили духовное развитие восточных славян. Роль связующего звена между западом и востоком выпала на нашу долю еще несколько тысячелетий назад.

Перейдем теперь дальше. Мы уже не раз упоминали кельтов. Не пора ли сказать о них поподробней?

Кельты – почти исчезнувшая ветвь индоевропейской семьи и, как считал строгий и высокомерный немец Т.Моммзен, поделом. «В могучем вихре истории, – поучал он, – беспощадно сокрушающем все народы, которые не окажутся как сталь твердыми и вместе с тем как сталь гибкими, подобная нация не могла долго существовать. Континентальные

кельты заслуженно подверглись той же участи под властью римлян», что и ирландцы под властью англичан. И у галлов, и у ирландцев он отмечает «нерадивое отношение к сельскому хозяйству, любовь к пирам и дракам, бахвальство... речь, полную метафор и гипербол, намеков и причудливых оборотов; забавный юмор... любовь к песням и сказаниям о делах минувших дней и бесспорную ораторскую и литературную одаренность; любопытство... и безумное легкомыслие... детскую религиозность... исключительную глубину национального чувства... а вместе с тем полнейшую неспособность сохранить непоколебимое мужество... Всюду и во все времена мы видим все ту же нацию, ленивую и поэтическую, неустойчивую и простосердечную, любопытную, легковерную, способную, но никуда не годную в политическом отношении» [Т.Моммзен. История Рима, т.III, 1941, стр.242-243.].

В политическом, да. А в религиозном? Религиозные отношения у кельтов Т.Моммзену тоже не нравились, особенно могущество касты друидов, от которого «недалеко уже было до церковного государства с папой и соборами, с иммунитетом, отлучениями и духовными судами» [Там же, стр.192.], т.е. Моммзен прямо выводил католицизм из национального характера кельтов. Как сообщает Юлий Цезарь, друиды не только совершали жертвоприношения, но и обладали большой юридической властью: разбирали дела об убийствах, о наследстве, пограничные споры и т.д. Тех, кто не подчинялся их решению, лишали права участвовать в жертвоприношениях и это была самая страшная кара, ибо ее следствием был полный бойкот провинившегося. Над всеми друидами был один главный, после смерти которого выбирали преемника на общем собрании друидов в центре Галлии. По словам Цезаря, учение друидов было занесено в Галлию из Британии. Друиды освобождались от военной службы. Обучение их длилось очень долго, иногда по 20 лет [Для сравнения: зороастрийские священники мобеда тоже обучаются по 16 лет, заучивая Авесту слог за слогом; то же самое у брахманов (J.Varenne. Zoroastre. стр. 32.)], потому что все полагалось заучивать наизусть. У них была письменность на основе греческой, но к ней относились пренебрежительно, чтобы тайны не стали достоянием профанов и чтобы не слабела память. Главное место у них занимало учение о бессмертии души и переселении душ, благодаря чему воины презирали смерть. Кроме того, друиды обладали обширными познаниями в астрономии и в естественных науках. У них были человеческие жертвоприношения, в частности, людей сжигали в больших соломенных чучелах. Похороны устраивались с большой роскошью, причем в огонь бросали вещи умершего, животных, а в прошлом и рабов (О галльской войне. VI, 13, 14, 16, 19). Главным богом был уже упоминавшийся Луг, но потом, по мнению Г.Херма, его оттеснила троица «молодых активистов» – Теутатес, Эсус и Таранис [G.Herm. Die Kelten. стр. 240.]. Главными праздниками у кельтов были Лугнасад (1 августа) – брак Луга с богиней земли, Самхайн (1 ноября), Имболк (1 февраля, день брака) и Бельтен (1 мая) – в этот день прогоняли скот между костров. У кельтов был очень развит культ рек. Среди кельтов очень часто встречалось то качество, которое в наше время называется сверхчувственным восприятием. Кельты жили в полуфантастическом мире, населенном сидхами – существами, занимавшими, по их поверьям, промежуточное положение между богами и людьми.

Кельтских друидов часто сравнивают с индийскими брахманами, но с их учением далеко не все ясно. Особенно много споров ведется о том, откуда оно взялось. Мы уже знакомы с точкой зрения Н.Чедвик, возводящей его к пифагорейцам. Я.Розен-Пшеворская ищет следы влияния буддизма (К вопросу о кельто-скифских отношениях. «Советская археология», 1963, № 3). Создание организации друидов она датирует III в. до н.э. Этот век был временем нашествия кельтов на Грецию и Малую Азию и одновременно активной деятельности знаменитого индийского царя Ашоки, буддийские миссионеры которого дохо-

дили до Македонии. Интересно, что христианский апологет Ориген говорил о том, что Британия «была давно уже подготовлена к христианству доктринами друидов и буддистов, которые уже проповедывали доктрину единства Божия» [Lewis Spence. *The Magic Arts in Celtic Britain*. стр. 124.]. Может быть, какие-то буддийские идеи и в самом деле проникли в кельтский мир, но вряд ли они были определяющими. Правильней, на мой взгляд, вести поиск в направлении кельто-фракийских связей, которые завязались еще в XIII в. до н.э. Происхождение самого слова «друид» служит предметом споров. Чаще всего его выводят от кельтского слова, обозначающего дуб, поскольку богослужение производилось в священных дубовых рощах (тот же корень, что в нашем слове «дерево»). Но в прусском языке слово «друвис» означало «веру», а в албанском «друей» – знатока религии. Эти две точки вряд ли могли быть связаны друг с другом через кельтов, мостом скорее могли служить вены в XIII в. до н.э. в период их экспансии на восток, и тогда организация гораздо древней, чем предполагает Я.Розен-Пшеворская.

В Западной Европе у нас остались без внимания одни германцы. Их религия имела ряд оригинальных черт. Пожалуй, главная ее особенность состояла в том, что германские боги не были бессмертными. Мрачная идея гибели богов накладывала на германский пантеон печать величественного трагизма. Вторая особенность заключается в разделении богов на два класса. Одних из них, азов, Г.Шнейдер считает истинно-германскими богами, но они на землях, населенных германцами, – боги пришлые, вторгшиеся с юга. Центр почитания ванов находился между Балтийским и Северным морями, в древней Скандинавии нет никаких следов почитания ванов [H.Schneider. *Die Gotter der Germanen*. стр. 17, 26, 28.]. Де Фриз добавляет еще социальное различие: ваны – боги плодородия, боги крестьян, азы – боги военной аристократии [J. de Vries. *Keltische Religion*. стр. 153.]. Шнейдер еще замечает, что азы – личности, ваны – безымянные боги природы [H.Schneider, *цит.соч.*, стр. 210.]. Единственный общегерманский бог среди последних – Бальдр. Надо сказать, что все эти соображения на религиозные темы еще раз подтверждают правильность теории Ч.Сихольма. Ваны – боги догерманского населения Скандинавии, по Сихольму – кельтов. Главным среди азов является Вотан (Один). Но уникальность германской религии еще и в том, что в ней центральное место занимает отрицательный персонаж. Ж.Дюмезиль так прямо и пишет: в Скандинавии первое место занимает **темный бог** [G.Dumezil. *Mythe et eroree*. 1971. II. стр. 91.]. Г.Шнейдер тоже не жалеет темных красок для описания Одина. Во-первых, он считает его демоном смерти [H.Schneider, *цит.соч.*, стр. 7, 48.]. Во-вторых, он сравнивает его положение среди азов с положением Диониса среди олимпийских богов, производит его от слова Wut – ярость, находит у него черты фракийского оргиастического культа и вообще подозревает в нем чужеродного внедренца [Там же, стр. 15-16, 23.]. Он ссылается на Эдду, по которой Один впервые принес в мир войну, ссору, клятвопреступление [Там же, стр. 42.]. Он называет Одина архигрешником среди богов, богом ненадежным, хитрым обманщиком, колдуном, применяющим и белую и черную магию [Там же, стр. 164, 167.]. Наконец, не без злорадства отмечает, что лангобарды чтили Вотана в образе змия [Там же, стр. 183.]. Согласитесь, от такого букета качеств можно в ужасе шарахнуться. Якоб Гримм довольно робко пытался взять Вотана под защиту, намекая, что его отрицательная характеристика исходит из христианских кругов [Jakob Grimm. *Deutsche Mythologie*. стр. 124.]. Но похоже здесь тот самый редкий случай, когда дело не в христианах.

Светлым образом германской мифологии является Донар, сочетающий в себе черты Зевса и Геркулеса, почему Г.Шнейдер считает более правильным сравнивать его не с Зевсом, а с индийским Индрой [H.Schneider, *цит.соч.*, стр. 15.]. Якоб Гримм предполагает, что

культ Донара более древний, чем культ Вотана (в древних сагах Тор ставится впереди Одина), притом это культ простых воинов [J.Grimm, цит.соч., стр. 46-47, 138.].

Немцы хвастаются еще тем, что их предкам, в отличие от индийцев, славян и кельтов были чужды изображения богов в виде полуживотных [H.Schneider, цит.соч., стр. 60.] или со множеством голов, рук и ног [J.Grimm, цит.соч., стр. 216.]. Фон Везендонк выдвигает еще на первый план абстрактность мышления на том основании, что личности богов обрисованы у германцев нечетко, почти как у римлян [O. G. von Wesendonk. Das Wesen der Lehre Zarathustras. Leipzig. 1927. стр. 26.].

Итак, мы очень бегло ознакомились почти со всеми умершими арийскими религиями. Собственно, считать их вполне умершими не совсем правильно, так как европейские народы и под христианством продолжали жить фактически в состоянии двоеверия. Но двоеверие это оставалось неосознанным, где-то на уровне инстинкта. Не было осознано главное: какие ценности были потеряны с воцарением христианства и почему именно они были потеряны. Мы видели, что индоевропейские народы – богатый, разнообразный мир, каждая из ветвей этой большой семьи имела свои, особые дарования – кто эстетические, кто политические и т.д. Но способность к религиозному творчеству – это тоже особый дар, в полном смысле слова дар Бога, и им обладают далеко не все. В индоевропейской семье только одна ветвь обладала этим даром, а именно, ветвь индо-иранская, которая сделала за нас то, что мы не смогли сделать сами. Дьявольская игра судьбы, которую христиане принимают за божественное провидение, разлучила нас с нашими братьями, а когда мы снова встретились, мы не узнали друг друга. Наша религиозная бездарность (да, да, придется нам признать самокритично этот факт) парализует нас до сих пор. Мы не только не в силах творить, мы не в состоянии даже просто взять свое у своих, будучи приученными брать только у чужих. Мы попали в русло лжетрадиции и упорно следуем по нему.

До тех пор, пока европейская часть арийского мира будет цепляться за полу еврейского бога, ей нечего рассчитывать на возрождение и освобождение. Претензии христианствующих теоретиков на роль духовных вождей арийцев в борьбе против сионизма смешны и нелепы. Борьбаться с сионизмом под знаменем еврейского бога? Исход такой «борьбы» предрешен заранее. И нечего ссылаться на средние века. Тогда рассеяние и бездомность евреев воспринимались как явные признаки тяготеющего над ними божественного проклятия. Но сегодня, когда они вновь обрели дом, когда их безоговорочно поддерживает сильнейшая мировая держава, когда они пользуются таким влиянием – как иначе воспринимать это, кроме как доказательство истинности их претензий на то, что с ними бог? По-христиански иначе не объяснишь. Зато с точки зрения борьбы двух начал возможно и иное объяснение, иное понимание их и нашей миссии, и только при таком понимании мы можем рассчитывать на победу. Но для этого нужно оторваться от грязной палестинской лужи и обратиться к светлым родникам своего духовного наследия.

Когда я читаю христианские книги, у меня такое ощущение, словно меня напоили мочой. Когда я читаю арийскую религиозную литературу, я припадаю к источнику живой воды. Предоставим же слово арийцам.

Часть 3. Индуизм

Сегодня Индия кажется нам далекой и экзотической страной, влекущей своими тайнами и красотами, но какой-то чужой. Однако странное дело: чем больше мы будем углубляться в прошлое Индии, тем ближе она нам будет становиться. Причина этого явления проста и

понятна: родственный нам по крови и по духу народ попал в совершенно непривычные природные условия, принял в свои жилы изрядную дозу чужой крови и испытал мощное влияние чужеродной культуры. Все эти обстоятельства привели к тому, что исследователи Индии ломают голову над загадкой: каким образом «первоначально жизнерадостное, жаждавшее долголетия и бессмертия настроение ведийского периода сменилось... тем безнадежным взглядом на бытие, который в многочисленных трансформациях последнего видит только продление страдания», и предполагают причину этого «в вырождении индоарийских родов, вызванном частью климатическими условиями, а частью смешением с грубой туземной расой». [В.А.Кожевников. Буддизм в сравнении с христианством, т.1, Петроград, 1916, стр.190-191.] В результате мы имеем в современном индуизме столь же многослойный комплекс, как в маздеизме Авесты, и в нем нужно столь же тщательно разбираться, отделяя свое от чужого. Но в отличие от Авесты «свое» в индуизме относится, большей частью, еще к периоду политеизма, а подъем индийской религиозной мысли на более высокий уровень шел уже совершенно особым путем, и вершины, достигнутые на этом пути, не имеют общеарийского значения. Непривычные для нас представления о Боге воспринимаются с большим трудом и с внутренним сопротивлением, а переучиваться нам поздно. Маздеизм для нас проще и понятней, это, по сути, то же христианство, только без еврейских наклеек, нитья и соплей: индуизм – уже совершенно другая религия. А человеку всегда легче сменить обои и мебель в привычной квартире, чем переехать на совершенно новое место.

Трудно даже добиться четкого ответа на вопрос, что такое индуизм. По мнению Дж.Гаера, индуизм не столько религия, сколько образ жизни.[J.Gaer. How the Great Religions began. стр. 69.] Гельмут фон Глазенап тоже говорит, что индуизм не религия, а социальная система. [Helmuth v. Glasenapp. Brahma und Buddha. Berlin. 1926. стр. 258.] Примерно такое же определение дают чешские специалисты: «Индуизм ни в коей мере не является только религией, он представляет собой... религиозно-социальную организацию подавляющего большинства индийского населения». [Боги, брахманы, люди. М., 1969, стр.4.]

Если предоставить слово не постороннему наблюдателю, а прирожденному и авторитетному индусу, а именно Дж.Неру, он тоже скажет: «Индуизм, как вера, расплывчат, аморфен, многосторонен; каждый понимает его по своему... Смысл его можно выразить в словах: живи и жить давай другим». А другой великий индус М.К.Ганди, говорил: «Индуизм – это неустанная погоня за истиной». [Дж.Неру. Открытие Индии, стр.76.]

Н.Р.Гусева отмечает «бессистемность индуизма, отсутствие в нем более или менее единообразной и разработанной теологии, отсутствие координации деятельности отдельных школ и сект и централизованной иерархической церковной организации». [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.16-17.] У индуизма, действительно, «нет стройной системы вероучения, единого кредо», но зато «он терпим к отклонениям от догмы со стороны адептов... ему незнакомо понятие ереси». [Боги, брахманы, люди, стр.4.] «Для европейской философии... непостижимо, чтобы одна и та же традиция могла допускать одновременно существование нескольких точек зрения и чтобы при этом не нарушалось единство самого учения». [Там же, стр.62.] Действительно, для Европы, привыкшей жить под палкой ревнивого еврейско-христианского бога, привыкшей к церковно-концлагерным порядкам, при которых шаг в сторону считается за побег, трудно представить себе, что кроме единства марширующей колонны может существовать еще единство в многообразии. Европе крестовых походов и аутодафе трудно представить себе, каким образом «индуизм не создал ничего, подобного святой инквизиции, не организовывал разбойничьих походов в другие страны... не разду-

вал огонь религиозного фанатизма и нетерпимости», [Там же, стр.7.] и все же не исчез с лица земли.

Дж.Неру имел все основания гордиться древней традицией Индии – терпимостью ко всем религиям и тем, что в индийской истории мы не найдем ничего похожего на яростные религиозные распри и преследования, имевшие место в Европе. [Дж.Неру, цит.соч., стр.239, 414.] Индуизм всегда отличался веротерпимостью, – признает С.А.Токарев. [С.А.Токарев, цит.соч., стр.330.] «Индуизм по существу своему – религия очень терпимая, и он скорее ассимилирует, чем напрочь отвергает», – соглашается с ним А.Бэшем. [А.Бэшем. Чудо, которым была Индия. М., 1977, стр.335.] Терпимость индуизма неоднократно подчеркивает в своей монографии и Г.фон Глазенап. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр. 112, 117, 139.] В отличие от христианина или мусульманина индус вовсе не считает истинной только свою религию и не разделяет богов на истинных и ложных. У каждого народа может быть своя религия. [Г.М.Богнард-Левин и Г.Ф.Ильин. Древняя Индия. М., 1969, стр.609.] Столь характерную для христиан исключительность, их кичливые претензии на то, будто лишь они обладают истинной верой, резко критиковал выдающийся индийский религиозный мыслитель Ауробиндо Гхош:

«Мир полон священных и несвященных писаний, откровений и полуоткровений, религий и философий, сект, школ и систем. Многие умы, обладающие незрелым знанием или вообще не обладающие никаким, привязываются к ним с исключительностью и страстью и хотят, чтобы та или иная книга одна считалась вечным Словом Божьим, а все прочие – либо обманом, либо в лучшем случае не до конца боговдохновенными; чтобы та или иная философия считалась последним словом мыслящего разума, а прочие системы – либо ошибочными, либо обладающими лишь частью истины, связывающей их с единственным истинным философским культом. Даже открытия физики превращаются в веру... И к этой фанатичной исключительности и драчливому тщеславию часто примыкают и умные люди, введенные в заблуждение духом тьмы, примешавшимся к их свету и закрывшим его темным облаком интеллектуального эгоизма или духовной гордыни».

«Мы все еще склонны заявлять, что наша вера дает нам высшее знание, которым все прочие религии или философии не обладают или постигли его лишь частично, так что они имеют дело лишь со второстепенными аспектами истины или могут только готовить менее развитые умы к подъему на те высоты, которых мы достигли. И мы все еще склонны навязывать себе и другим в целом всю священную книгу или евангелие, которое мы обожаем, требуя, чтобы все было принято, как вечная истина, и чтобы ни одна иота, ни одна черточка, ни один значок не подвергались сомнению в том, что и они – часть полного откровения». [Sri Aurobindo. Essays on the Gita. стр. 1.]

Однако, несмотря на отсутствие глобальных претензий, веротерпимость и все многообразие, «индуизм никогда не страдал от расколов. В нем с самого начала и на протяжении всей его истории формировались и продолжают формироваться бесчисленные секты... религиозные учения которых иногда взаимно исключают друг друга, но это не мешало и не мешает им всем на равных правах пребывать в лоне индуизма». [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.25.] Другой индийский религиозный мыслитель, Вивекананда, исходя из того, что главный признак жизни – разнообразие, даже молился о том, чтобы в конце концов на Земле стало бы столько же сект, сколько человеческих существ. [S. Vivekanandu. Complete works. стр. 362.]

Объединяет всех индуистов признание авторитета Вед, священного писания древних ариев, пришедших в Индию во II тысячелетии до н.э. Казалось бы, и ведическим богам в Индии больше не поклоняются, и религиозная мысль ушла далеко вперед, и все-таки Веды

в почете, не в пример Европе и России, не помнящим своего родства, а помнящим лишь чужое.

Название Веды происходит от того же корня, что и русское слово «ведать» – «знать». Древнейшие части Вед, как уже говорилось, относятся к XV в. до н.э. Веды делятся на 4 сборника, самый ранний из них и самый большой по объему (1028 гимнов, более 10500 стихов, что равно «Илиаде» и «Одиссее», вместе взятым) [Древнеиндийская философия. М., 1972, стр.8.] – Ригведа, Веда религиозных гимнов (риг – религиозный гимн, ср.: санскр. арка – молитва, кельт. арко – умоляю и название славянского религиозного центра Аркона), которая делится на 10 книг (мандал). Две другие Веды, Самаведа (Веда напевов) и Яджурведа (Веда жертвоприношений) в значительной степени дублируют Ригведу. Особняком стоит четвертая Веда – Атхарваведа («Веда заклинаний»), руководство по белой и черной магии, отражающая более древний уровень религиозного сознания, нежели Ригведа, [С.Радхакришнан. Индийская философия, т.1, М., 1956, стр.96.] но составленная позже, когда уже происходило смешение арийских и неарийских идеалов. [Древнеиндийская философия, стр.10.] В Атхарваведе преобладают не мужские, а женские божества, и несомненна ее связь с тантризмом, [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.152.] о котором мы еще будем говорить подробней.

Веды – памятник эпохи языческого политеизма, это нужно признать со всей определенностью, не принимая во внимание позднейшие хитроумные толкования индийских брахманов, изо всех сил старавшихся изобразить религию Вед, как монотеизм. Однако Веды – это не произведение одного автора, они составлялись на протяжении столетий, и мысль арийцев за это время неустанно работала и двигалась в направлении монотеизма, но дошла она до этой цели уже не в ведический период.

Особенности религии Вед лучше всех описывает Г. фон Глазенап: «Число ведических богов, которое часто схематически указывают, – 33, но это число далеко не достаточно, можно назвать и 3339 или вообще не называть никакого. Взаимоотношения ведических богов друг с другом по сравнению с взаимоотношениями богов в мифологиях других народов довольно неопределенные. Хотя говорится о родственных отношениях между отдельными богами и часто определенные божества считаются дружественными по отношению друг к другу, или рассказывают о вражде, разгоревшейся между разными богами, однако, все эти данные не были сведены в стабильную общезначимую систему. Нечетко разграничена и сфера действия отдельных небожителей, нет между ними и четкой иерархии, хотя особо выдающиеся божества, такие как Варуна или Индра, завоевывают место царей богов. Причина такого характера взаимоотношений частично заключается в том, что источники, из которых мы черпаем наши сведения, относятся к очень протяженному периоду времени, за который представления о различных богах значительно изменились, выдвигался то один, то другой, то одному, то другому приписывалось высшее достоинство. Частично эта бессистемность соответствует характерной черте индийского мышления».

«Нам кажется своеобразным, что в Ведах часто к самым различным богам прилагаются одинаковые эпитеты, им приписываются одни и те же подвиги, они отождествляются друг с другом. О совершенно разных богах говорят, как о высших, называют их владыками мира, которым подчинены все прочие боги и т.д. Макс Мюллер назвал такую духовную установку генотеизмом. По его мнению, это предварительная ступень позднейшего монотеизма в той мере, в какой каждый бог, когда верующий обращается к нему с гимном, рассматривается, как высшее божество, но это ни в коем случае не исключает того, что тот же поэт в другой раз будет чтить как высшее божество другого бога. Теорию Макса Мюллера... некоторые полностью отвергают и полагают, что внешний генотеизм объясняется просто характерной для ведических богов неопределенностью их образов и преувеличенной веж-

ливостью священников по отношению к богам, к которым они в данный момент обращаются... Однако расплывчатость образов богов и намеренная лесть священников богу – недостаточное объяснение. Скорее в этом можно увидеть раннее выражение пронизывающей позже всю религиозную литературу индусов тенденции к сглаживанию различий и к смешению разных богов. Для меня несомненно, что идея Единого Божества, которая выступает уже в размышлениях поздних гимнов Ригведы, а потом со всей ясностью высказывается в Упанишадах, проложило путь отношению ведических певцов к богам». [Там же, стр.62-64.]

33 ведийских божества делились на 3 класса: Васу (8), Рудры (11), Адитьи (12) + Индра и Праджапати. Васу персонифицировали стихии и природные явления. Рудры – жизненно важные дыхания в человеке, Адитьи – 12 месяцев года, Индра – гром и молнию, Праджапати – скот, приносимый в жертву (Брихадараньяка-Упанишада. III.9). [Древнеиндийская философия, стр.160-161.] Н.Р.Гусева обращает особое внимание на класс адитьев, сыновей Адити, которая предстает перед нами в ведизме, как персонификация женского начала, разлитого во вселенной, как мать богов, наивысшее воплощение идеи материнства. Круг божеств, связанных с Адити, Н.Р.Гусева гипотетически соотносит с эпохой срубной (правильней древнеямной) культуры. На более поздних этапах своего развития, после прихода в Индию, арийцы поклонялись в основном уже богам, а не богиням, и образ Адити приобрел у них отвлеченный характер полузабытого божества. [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.68,70.] Как уже говорилось, взаимные отношения божеств индийского пантеона установить очень трудно, а в источниках царит разноречивость. Позже Адити стала считаться дочерью Дакши, а ее сыновьями – Варуна, Индра, Сурья, Вишну и другие, [Мифы древней Индии. М., 1975, стр.16.] но в Ригведе (X.72) Адити одновременно и мать Дакши и его дочь. Все перемешалось, и невозможно понять, кто же такой Дакша, о котором мы упоминали в связи с нашим Дажьбогом. По Махабхарате он прародитель богов и людей, в Ведах – третьестепенное божество. Ж.Дюмезиль выдвигает такую версию, что в Махабхарате сохранилась более древняя и более полная мифология, нежели в Ведах, ближе стоящая к общеиндоевропейской. [G.Dumezil. Mythe et ерорее. II. стр. 9, 85.] Версию Ж.Дюмезиля можно принять лишь частично и с большими оговорками. Я уже указывал на слишком общий характер трехфункциональной схемы Дюмезиля, уводящей нас от общеарийского даже на ностратический уровень. Пандавы, герои Махабхараты, вызывают сильные подозрения. С.Радхакришнан сомневался в их арийском происхождении. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.420.]

А.Бэшем прямо писал, что победу над куру одержало племя монголоидного типа. [А.Бэшем, цит.соч., стр.47.] Не чужда эта идея и советским авторам, обращающим внимание на тот факт, что Пандавы одерживают победу, лишь прибегая к уловкам, мало совместимым с кодексом воинской морали. Союзниками племени панчалов против куру выступали, по мнению тех же авторов, иноплеменные пришельцы с Севера, представители некоей неарийской (возможно, монголоидной) народности Гималаев; они-то и послужили прототипом образа Пандавов. Имя отца Пандавов Панду обычно переводится как «бледный», но вообще-то оно означает «желтый». [Три великих сказания древней Индии. М., 1978. Предисловие Э.Н.Темкина и В.Г.Эрмана, стр.9.] Мы еще будем говорить и о дравидских влияниях в Махабхарате, но сейчас забежали вперед лишь затем, чтобы предупредить, что искать протоарийский слой нужно во всяком случае не в ней.

Если он где и обнаруживается, то как раз во второстепенных божествах Вед, олицетворяющих силы природы, таких как Дьяус-питар, небесный отец, аналог римского Иов-патер (Юпитер), греческого Зевса и германского Циу: мать-земля Притхиви (греческая Гея), солнце – Сурья (греческий Гелиос), луна – Чандра, ветер – Вайю и его спутники Маруты,

бог дождя Парджанья, которого тоже сравнивают с Перуном, Ушас – богиня зари, греческая Эос, римская Аврора. Древнейшей формой ведийской религии С.Радхакришнан правильно считал почитание природы, как таковой; [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.57.] и это роднит религию Вед с религиями всех остальных арийских народов, равно как и ее жизнерадостность, утраченная позднейшим «индуизмом». Г. фон Глазенап характеризует ведических ариев, как энергичный, боевой народ, радующийся этой, земной жизни. Они хотели жить «сто осеней», быть богатыми и чтобы боги благословили их детьми и внуками. Их мышление и мировоззрение, в полную противоположность более поздним временам, были целиком обращены к этому миру, им было чуждо отрицание мира, которое потом нашло такое мощное выражение в индийской духовной жизни. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.53-54.] По словам Дж.Неру, «в Индии во все периоды расцвета ее культуры наблюдался восторг перед жизнью, природой, наслаждение своим существованием, развитие искусства, музыки, литературы, пения, танцев, живописи и театра и даже весьма совершенное исследование отношений между полами». [Дж.Неру, цит.соч., стр.83.] Ведический период – как раз такая эпоха расцвета, прекрасная заря индийской истории.

Главную роль в Ведах, если руководствоваться количеством обращенных к нему гимнов, играет Индра. Ему посвящено 250 гимнов. Индра – бог победоносного арийского воинства, завоевавшего Индию в борьбе с дравидами, народами европейской расы, пришедшими в Индию раньше арийцев и смешавшимися с местными австралоидными племенами. Современные антропологи считают темнокожих аборигенов Индии, веддов, самостоятельной расовой группой (Г. Л. Хить, Н. А. Долинова. Расовая дифференциация человечества. М., 1990, стр. 28.). Гимны Вед прославляют Индру, который «поддерживал в раздорах приносящего жертвы ария... Карая для Ману тех, кто не имеет обетов, он похоронил черную кожу» (I.130). Он «дасу сделал низшей варной» (II.12). Таким образом, Индра дал ариям победу над чернокожим туземным населением (дасу или дасью) и превратил побежденных в низшую касту. «Черную кожу» по-индийски «твачам кришнам». Однако пройдет время, и черный бог Кришна, переворачивая все ценности, станет главным героем Махабхараты...

Помимо земной, так сказать, чисто политической роли, Индра выполняет и космические задачи. Обладая некоторыми чертами бога-громовика, вроде Зевса, он в то же время совершает геркулесовы подвиги, убивая чудовище Вритру, олицетворяющее собой хаотическое, косное, разрушительное начало, поэтому Индру чаще сравнивают не с Зевсом, а с германским Тором – победителем чудовищ. Оружие Тора – громовой молот Мьольнир (ср. русское «молния»), оружие Индры – громовая палица «ваджра». Функции Индры в иранской мифологии выполняет Митра, ему же передана и эта палица, вазра, а титул Индры Вритраган, победитель Вритры, превратился у иранцев в особое божество Веретрагну, спутника и помощника Митры. В Ведах таким помощником Индры в битве со Вритрой является Вишну, которому посвящено всего пять гимнов, однако позже помощник затмил своего вожда. С подвигом Индры связана общеарийская мифологическая тема освобождения вод и угона быков. Любопытно, что Веды матерью Вритры называют Дану, прародительницу целого класса демонов-данавов. Как мы помним, Дану – имя матери-прародительницы ирландцев. Данайцами называли греков, а израильское колено Даново, от которого по христианской традиции должен произойти Антихрист, кое-кто считает греками, пришедшими в Палестину во время нашествия «морских народов» и слившимися с евреями.

Второе место после Индры в Ведах занимает бог огня Агни. Ему посвящено 200 гимнов. Об общеарийском значении культа огня мы уже достаточно говорили.

Для развития ведической религии и арийской религии вообще большое значение имеет культ Варуны, которого сравнивают с греческим Ураном. Специально Варуне посвящено всего 10 гимнов, но в 30 гимнах он выступает в паре с Митрой, а в 8 – с Индрой. Варуна – воплощение мирового порядка, истины и справедливости (инд. рита, в Авесте – арта), строгий судья человеческих проступков, особенно клятвопреступления, лжи. С.Радхакришнан называет его самым нравственным богом Вед. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.60.] Он полемизирует с христианскими авторами, утверждающими, будто в Ведах отсутствует понятие греха. Именно в культе Варуны проявляется чувство греховности и вера в божественное милосердие и прощение, напоминающая христианские доктрины. [там же, стр.87-88.] Верующие зывали к Варуне (Ригведа. VII.86.87). «Отпусти нам прегрешения предков! Отпусти те, что мы сами сотворили! Отпусти, о царь, Васиштху, как отпускают вора, укравшего скот, как теленка отпускают с веревки. Не своя была на то воля, Варуна. Это соблазн». «Да будем мы безгрешны перед Варуной, который способен простить даже совершившего грех!».

Имеющие уши, да слышат. За тысячу лет до того, как евреи научились выговаривать «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим», с этими же словами обращались к своему богу арийцы. Прежде чем молится по-еврейски, поищите, у каких арийцев евреи эту молитву украли.

Варуне Вед в Иране соответствовал Ахура Мазда. Имея такую основу, Заратустре легко было сделать последний шаг к монотеизму.

В паре с Варуной не случайно выступает Митра. Это как бы две ипостаси одного божества, нечто вроде бога-отца и бога-сына. Митра более приближен к людям, чем более отчужденный от будничных дел человека Варуна, его задача – объединение людей в коллектив и помещение их на свойственное им место в социальной структуре. Социальная функция Митры получила яркое отражение в славянской общине, названной его именем – мир (через иранское михр). Митра – не единственный персонаж, объединяющий Веды с Авестой (разумеется, если брать ее незороастрийскую часть). Общим для них является и бог Арьяман (не путать с Ариманом!), к которому возносятся молитвы о здравии (Ясна 54), и культ священного растения сомы (в Авесте – хаома), из которого выжимают опьяняющий сок (Хом Яшт – Ясна 9-11), и Иима (Яма) – в Авесте знаменитый царь древности, в Ведах – первый человек, открывший путь смерти и ставший царем загробного мира.

В ведический пантеон проникло и одно демоническое существо – Рудра, бог дикой природы, воплощение разрушительного начала, убийца с чертами каннибала. С ним был связан и фаллический культ. Это и многое другое объединяет его с выдвинувшимся позже Шивой, богом, не известным Ведам.

Ведические боги, подобно германским, вначале были смертными и лишь потом достигли бессмертия (Шатапатха-брахмана. XI). В индийской мифологии рассказывается о борьбе богов с асурами, их старшими братьями, верховный жрец которых Ушанас, владыка планеты Шукра (Венера) владел наукой оживления мертвых и оживлял всех своих воинов, павших в битве с богами, тогда как боги этой науки не знали. [Мифы древней Индии, стр.16,26,30.] Об этой борьбе рассказывается в Брихадараньяке-упанишаде, в то время как Шатапатха-брахмана отрицает, что была борьба, и утверждает, что асуры были побеждены сразу же. Но в любом случае и брахманы, и упанишады – позднейшие источники, и только в них слово асуры начинает употребляться в отрицательном значении, которого оно в Ведах не имеет. В Ригведе этим эпитетом называются более древние боги, такие как Дьяус или Варуна, а более молодые носят имя дэвов. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.62.] Получается, что асуры, действительно, старшие братья богов (дэвов), но когда же и каким образом они были оттеснены и объявлены демонами? Скорее всего, это произошло в первой поло-

вине I тысячелетия до н.э. в период, которым датируются и комментарии к Ведам (брахманы и упанишады), и Махабхарата. В этот период все больше дает себя знать постепенное смешение арийцев с дравидскими, и побежденные берут реванш: они накладывают свой неизгладимый отпечаток на бывшую арийскую религию, выдвигают на первый план своих богов, а асуров, богов победоносных арийцев, объявляют демонами. И даже грозят устами Кришны: «Кто станет почитать старых богов, вроде Индры, не будет выслушан». [Боги, брахманы, люди, стр.203.] Так родился современный «индуизм», в котором нужно производить раскопки, чтобы докопаться до своего. Таким образом, превращение в демонов асуров в Индии и дэвов в Иране не связано с разделением индийской и иранской ветвей, а является результатом эволюции религии в уже разделившихся ветвях. Асуров (иран. ахура) объявили демонами дравиды, дэвов – Заратустра, боровшийся за чистоту монотеизма, против языческих культов.

Дравиды были предшественниками арийцев в Иране и Индии, им принадлежала культура древнего Элама и доарийская цивилизация долины Инда (Мохенджо Даро и Хараппа) III-II тысячелетий до н.э. Как уже говорилось, их предки были белыми, и исконный европеоидный тип сохранился у некоторых дравидских народов (например, у Тода) до сих пор. Когда-то они входили в ностратическую общность и пришли в Иран и Индию за много тысячелетий до н.э. Наиболее близкими к дравидским лингвисты считают угро-финские языки, и это не должно нас удивлять, если мы вспомним, что угро-финские племена в кельтеминарскую эпоху (IV-III тысячелетие до н.э.) населяли Среднюю Азию.

Г. фон Глазенап полемизирует с теми авторами, которые наивно думали, будто дравиды были дикарями, которых легко покорми арийцы, носители высшей культуры. Высокий уровень развития дравидских языков и богатство собственных слов из области культуры свидетельствуют о наличии у дравидов развитой цивилизации. В Ригведе часто упоминаются крепости дасью, а это заставляет сделать вывод, что дравиды, в отличие от кочевников-ариев, уже жили в городах. Веды приписывают им культ лингама, а также почитание змеевидных божеств (впрочем, не чуждое и самим Ведам). Из современного индуистского пантеона явно дравидское происхождение имеют богиня-мать Дурга и чернокожий бог Кришна. Вероятно, дравидское происхождение имеет и обряд пуджа, не известный Ведам. Тот факт, что целый ряд выдающихся мыслителей позднейшей эпохи – Шанкара, Рамануджа, Мадхва и др. были дравидскими, заставляет предположить, что дравиды издавна имели философскую жилку. Однако, предостерегает Глазенап, мы зашли бы слишком далеко, если бы безоговорочно приписали дравидам, как это делают некоторые авторы, и философские теории кармы и переселения душ, чуждые Ведам: возможно, эти представления развились лишь в позднейшее время, и были столь же чужды древним дравидам, как и ариям древнейшей эпохи. [Н.v.Glasenapp, цит.соч., стр.39-41.]

Косвенным доказательством высокого уровня дравидской цивилизации служит и описание столицы ракшасов на острове Ланка [Три великих сказания древней Индии, стр.17.] в индийском эпосе «Рамаяна», являющемся отголоском борьбы арийцев с дравидскими. Во всяком случае только народ высокой культуры мог оказать столь сильное влияние на религию арийцев, иначе оно необъяснимо.

Ведические арии не знали ни идолопоклонства, ни храмов [Дж.Неру, цит.соч., стр.80. С.Радхакришнан, цит.соч., стр.87.]. Все это расцвело пышным цветом уже позже именно под дравидским влиянием. Не случайно и в наши дни большие храмы, посещаемые миллионами паломников, типичны для южной, а не для северной Индии. [Н.Р.Гусева. Индуизм, стр.181.]

Н.Р.Гусева не без оснований связывает с религией дравидов культ Шивы и неотделимый от него шактизм – культ богинь-матерей. [Там же, стр.56.] В Ведах шива – название

одного из неарийских племен. Бога Шивы, писал И.И.Иванов, совсем не знали арийцы, пока жили по Инду. Даже такого имени нет в песнях Ригведы. Бог этот отчасти неарийского происхождения. Правда, во многом он похож на старое арийское божество молнии и бури Рудру. Арийцы, это красивое, белое, стройное племя не могло представлять своих богов в безобразном виде. Шива изображался существом ужасным, диким, волосатым, кровожадным, с ожерельем из черепов. [И.И.Иванов. Рассказы о старине. IV. Индусы, вып.2. М., 1907, стр.41-42.] Некоторые элементы шиваитской иконографии находят в изображениях на печатях доарийской цивилизации долины Инда, к религии которой возводит шиваизм Дж.Маршалл, объявивший его древнейшей из религий мира, сохранившихся до нашего времени. [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.55.] Символом Шивы был бык-производитель, а связь культа быка с культом богинь-матерей мы можем проследить вплоть до восточного Средиземноморья, до культуры Крита. То же самое наблюдалось и в Индии, причем «трактовка женского начала как существующей во Вселенной реальности, без которой немислимо проявление созидательной энергии мужского начала, вошла в индуизм из религиозно-философских представлений доарийских народов» [Там же, стр.92.] вместе с Шивой. В этой трактовке – суть шактизма (от слова шакти, обозначающего и женское божество и энергию, им придаваемую). В качестве супруги (шакти) Шивы выступает Дурга (Кали), тоже богиня дравидского происхождения (ее дравидское имя Эламма), подстать ему по характеру: она любит опьяняющие напитки, мясо и кровавые жертвы. [Там же, стр. 100-101.] Дравидские культы вообще отличались жестокостью.

Еще один дравидский бог в индуистском пантеоне – Кришна, по мнению Н.Р.Гусевой, лицо историческое, обожеествленный правитель одного из темнокожих народов, с которым арии столкнулись в области Матхуры, до сих пор остающейся главным центром кришнаизма. [Там же, стр.107.] Кришна – «черный» – буквальный перевод на санскрит имени дравидского бога плодородия Майона. Ну а поскольку речь идет о боге плодородия, понятна та изрядная доза сексуальной озабоченности, которой окрашен образ Кришны. Именно Кришна учит Пандавов в Махабхарате применению коварных приемов и обману. Резко отрицательно относится к Кришне, как к неарийскому внедренцу, С.Радхакришнан, [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.422.] сам названный в его честь. Однако Кришна прочно утвердился в индуизме как воплощение бога Вишну.

В Индии каждое божество имеет животного-носителя – вахану. Ваханой Вишну является змея. Вероятно именно это обстоятельство привлекло к Вишну внимание сионских мудрецов, которые объявили в своих протоколах, что их царство будет аполгией божка Вишну. Во исполнение этого пункта программы сегодня во всем мире усиленно насаждается секта кришнаитов, проповедующая, что патриотизм – это болезнь, что возможны сексуальные отношения с богом и что единственным достойным занятием является распевание под гипнотизирующую индийскую музыку гимна «Харе, Кришна, харе Кришна». План превращения гоев в блаженных идиотиков, насколько позволяют обстоятельства, внедряется в жизнь. Однако осуждение этой практики кришнаитов можно найти в самой вишнуйской литературе. В «Вишну-пуране» сказано: «Те, которые отказываются от выполнения своих обязанностей и сидят, произнося «Кришна, Кришна», на самом деле враги Бога и грешники. Даже сам бог рождается в мире для торжества справедливости». [Там же, стр.486.]

Мы отвлеклись от религии Вед, поскольку речь зашла о странном превращении асуров, и вообще необходимо было поставить предупредительный знак «осторожно, дравиды!», прежде чем проследивать дальше развитие этой религии, которое характеризуется не одними лишь дравидскими заимствованиями. Со временем все более усложнялись представления о Боге, о сотворении мира, о посмертной судьбе человека.

Собственно, уже представления ведических ариев о сотворении мира были достаточно сложными, настолько сложными, что по сравнению с ними еврейско-христианский миф о сотворении мира в 6 дней кажется верхом примитивизма. В знаменитом космогоническом гимне (Ригведа, X.129) говорится, что вначале не было ни сущего, ни не-сущего, ни неба, ни дня, ни ночи, ни смерти, ни бессмертия, а было нечто Единое (тад экам), порожденное теплом и окруженное пустотой. Начальным импульсом было желание. Но никто не может поведать, откуда возникло это мироздание, потому что боги появились уже после. Знает только тот, кто наблюдал это с высшего неба, а может быть, и он не знает. Впоследствии Шатапатха-брахмана разъясняла этот гимн так, что первоначало, которое нельзя назвать ни сущим, ни не-сущим, которое как бы было и как бы не было – это мысль. Будучи созданной, она пожелала стать явной, более ясно выраженной, с более четким обликом, предалась тапасу (в период брахманов под этим понимался уже аскетизм и йогическая практика) и достигла своей цели. Но толкование брахманов уже можно считать перекосом мысли, возникшим под влиянием логического соблазна, тоже вышедшего из недр дравидского мира, соблазна, при котором аскет отключает себя от окружающего мира и творит свой собственный, который и воспринимает как единственную реальность, а все остальное – как иллюзию. Такая подмена реального мира иллюзорным оказалась для индийской мысли роковой ловушкой. Враг рода человеческого очень любит увлекать человека из мира сего в мир иной. И Индия поддалась на этот соблазн. И вот печальные плоды:

«Опустошения, производимые сотрясающими страну эпидемиями чумы и холеры; малярия, истощающая жизненную энергию нации; недоедание и полуголодное существование, ставшее чем-то естественным; смертоносный голод, часто начинающий свой трагический танец; гигантское поле нищеты и болезней, огромное поле, подготовленное для кремации и усеянное мертвыми костями, единственным, что осталось от надежд, активности, радости, мужества, а в середине этого поля восседающий в блаженном безмолвии йог, погруженный в глубины духа, не имеющий иной цели, кроме мокши» (освобождения от оков материи). [В.С.Костюченко. Вивекананда. М., 1977, стр.157.]

А ведь сначала в Индии преобладало совсем иное настроение. «Древние арии ведической эпохи обладали такой жаждой жизни, что обращали мало внимания на душу. У них было какое-то туманное представление о существовании загробной жизни», [Дж.Неру, цит.соч.,стр.80.] которая была для них лишь бледной заменой радости этого мира, [Н.v.Glasenapp,цит.соч., стр.75.] как и для древних греков.

Именно эта привязанность к земному и породила, как считает Глазенап, полную надежды и утешительную веру в переселение душ, в многократность земного существования. [Там же, стр.98.] Вряд ли правильно связывать эту веру с дравидским влиянием, хотя она могла быть и у дравидов: ведь мы встречаем ее и на противоположном крае арийского мира, у кельтов, а также у ряда греческих мыслителей, у фракийцев и у ятвягов – народа, с которым воевали киевские князья (он считается литовским, но скорее это были ассимилированные литовцами венеты). И хотя Геродот называет первооткрывателями идеи египтян (II.123), вряд ли можно выводить все ее проявления из Египта. Более вероятно, что она существовала еще на ностратическом уровне.

В отличие от более поздней индийской философии, в Брахманах, в период составления которых еще не иссякла арийская жизнерадостность, перерождение на земле порой рассматривается как благо, а не как зло, которого следует избегать. Оно обещано как награда. [С.Радхакришнан,цит.соч., стр.109.] Но окончательно формулируется представление о переселении Душ в Упанишадах, где оно увязывается с идеей кармы – неизбежного воздаяния за все добрые или дурные поступки, совершенные в предыдущей жизни. В Чхандогьеупанишаде говорится: «Тот, кто ведет в этом мире жизнь в радости, достигнет радостного

лона – брахманова лона, кшатриева лона либо лона вайшьи. Тот же, кто ведет в этом мире жизнь пагубную, достигнет дурного лона – лона собаки, лона свиньи либо лона чандалы». Однако, С. Радхакришнан полагает, что животные попали в круг перерождений из верований местных племен (сходны с египетскими), в то время как в учении знаменитого Яджнявалкьи о них не упоминается. [Там же, стр. 210.]

Я не могу не согласиться с мнением С. Радхакришнана: «Теория перерождений, несомненно, более удовлетворительна, чем теория абсолютного уничтожения или вечного воздаяния. Она позволяет объяснить явный моральный беспорядок и хаос страдания». «Закон кармы требует от нас, чтобы мы отказались от всяких представлений о божественном покровительстве, капризах и произволе. Трудно примирить душераздирающие страдания жизни с верой в любящего бога. Страдание мира понятно только на основе гипотезы о карме». [Там же, стр. 212-213, 387.] Г. фон Глазенап тоже признает основательность доводов индийских мыслителей, потому что «ни одна другая теория бессмертия не дает такого простого ответа не только на вопрос “что будет после смерти?”, но и на вопрос “почему бывает именно так, а не иначе?”». [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.94.] Чешские авторы, написавшие книгу «Боги, брахманы, люди», тоже считают, что учение о карме «удовлетворительно (случай уникальный) разъяснило одну из актуальнейших проблем всех времен – вопрос о причине зла и страданий в мире. Проблема наследственного греха, вопрос о противоречии между всезнанием и всемогуществом единого бога-творца и господством зла во вселенной, об избранности и отвержении и другие дилеммы христианства для индусов не существовали. Еще и сейчас многие люди на Западе принимают идею кармы с горячей симпатией, отдавая ей предпочтение перед статичным пониманием христианского рая и ада с его невозможностью ответить на этические вопросы, вытекающие из мгновенности, единственности и неповторимости жизни». [Боги, брахманы, люди, стр.52.]

Ученик Н.К.Рериха А.Клизовский резко критиковал замену истины ложью, происшедшую в христианском учении, из которого «была изъята жемчужина – непрерывность жизни – личная вечность, изъят был смысл жизни и вместо этих ценностей была дана бессмысленнейшая теория вечных мук или вечного блаженства за дела одной короткой жизни. Возможность вечного мучения за одно мгновение, чем, в сравнении с вечностью является человеческая жизнь, делает христианское объяснение смысла жизни неудовлетворительным и неприемлемым. Человеческий разум... вопреки здравому смыслу делает вид, что принимает мировоззрение, которое проповедует как истину величайшую несправедливость и самую чудовищную жестокость». [А.Клизовский. Основы миропонимания новой эпохи, т.1, Рига, 1934, стр.11-12.] «Исключив доктрину перевоплощений из своих верований, современный мир лишил себя своих лучших надежд и упований, свою жизнь лишил смысла, а своего бога справедливости». [Там же, стр.135.] Но А.Клизовский тоже предостерегает против примитивных представлений о реинкарнациях, потому что «переселение души человеческой в растение или животное и из животного и растения опять в человека есть явный абсурд, есть жалкое человеческое измышление, не имеющее ничего общего с законами эволюции и развития жизни». [Там же, стр.123.]

Индийская теория кармы и перевоплощений лучше любой другой объясняет индивидуальные несчастья (будь с ней знаком Ф.М.Достоевский, его не мучили бы вопросы Ивана Карамазова), но Индия не знает главный источник зла, не знает Дьявола. [Боги, брахманы, люди, стр.316.] Иран лучше всех знал Дьявола, но не знал перерождений и кармы. Объединение этих двух идей на иранской почве я вменяю в заслугу Мани, хотя у меня и ворочит с души от того пессимистического соуса, которым он полил свое творение. Только при соединении этих идей получится религия, которую можно назвать идеальной.

Однако бессмертие, чередующееся со смертями, справедливо не казалось индусам достаточно привлекательной перспективой. Они стали искать выхода из круговорота рождений и смертей, именуемого сансарой, и этот поиск стал главным направлением индийской религиозной мысли. Просвет заметен уже в Катха-упанишаде:

«Тот, кто живет неразумно, без мыслей, кто всегда запятнан, тот не достигнет того места и вернется в сансару, но тот, кто живет разумно, с мыслями, кто никогда не запятнан, тот достигнет того места, откуда не рождаются вновь». Что же это за место?

В поисках первоосновы бытия, индийские мыслители пришли в Упанишадах, называемых также Ведантай, т.е. завершением Вед, к понятию двуединой сущности этой первоосновы, выражаемой терминами атман и Брахман. Эти категории – важнейшие в индийской религиозной философии, именно через них индусы пришли к монотеизму.

Атман и Брахман – постоянная тема бесед и споров индийских мудрецов в Брахманах, Араньяках и Упанишадах. В «Татападха-брахмане» говорится: «Пусть почитают этот, состоящий из мысли атман». «Я стану этим атманом, покинув этот мир». Можно подумать, что атман – это посмертная форма чисто духовного существования. Но в «Айтарейе-араньяке» «земля, ветер, воздух, воды, небесные тела – все это атман... Все возникает из него. Все завершается в нем». Атман в животных достигает большей чистоты, чем в растениях, в человеке – большей, чем в животных. Здесь атман уже – мировая сущность, находящая все более чистое выражение по мере развития живой природы и выделения из нее человека.

Классический диалог происходит в Чхандогья-Упанишаде между Уддалакой и его сыном Шветакету. Уддалака просит сына разломить плод смоковницы, потом зерно внутри него и спрашивает: «Что видишь ты?». «Ровно ничего, господин». «Это тонкая часть, которой ты, дорогой мой, не замечаешь. Из нее, дорогой мой, из этой тонкой части, возникла вся эта большая смоковница... Эта тонкая часть есть весь мир, это – истина, это – атман, это ты, Шветакету» (Тат твам аси).

Таким образом, атман первоначально – индивидуальная человеческая душа, позже – всеобщая душа, абсолютное сознание, первичная реальность в ее субъективном выражении, тогда как объективным выражением той же первоосновы является первичная субстанция, Брахман. «Брахман – перворождение этой вселенной», – говорится в Шатапатхе – брахмане. «Брахманом был вначале этот мир. Он создал из себя богов». «То, что названо словом Брахман, тождественно пространству вне человека, внутри человека и в сердце», – поясняет Чхандогья-упанишада. «Этот мир есть Брахман». И одновременно – «атман есть Брахман».

Если попытаться дать краткое резюме, то Брахман – субстанция мира, а атман – душа мира. То и другое находится в неразрывном единстве. Этот мир, все предметы и явления природы, в том числе человек, вышли из Атмана-Брахмана; всему в этом мире уготован возврат в лоно атмана-Брахмана. Этот круговорот бытия может быть прекращен: человек (его душа) может безвозвратно уйти в субстанцию, слиться с атманом-Брахманом, раствориться в нем. В этом состоит цель существования человека вообще. [Древнеиндийская философия, стр.17.] Брихадараньяка-упанишада описывает это состояние так: «Как тот, кого обнимает любимая женщина, перестает осознавать, что снаружи, а что внутри, так и тот, кого обнимает атман познания, перестает осознавать, что снаружи, а что внутри. Он в таком состоянии, в котором все его желания исполнились, атман его единственное желание, нет больше ни желаний, ни забот. Тогда отец больше не отец, мать не мать, миры не миры, боги не боги, Веды не Веды. Тогда вор больше не вор, убийца не убийца, отверженный не отверженный, шандала не шандала, нищенствующий монах не нищенствующий монах, аскет не аскет. В этом состоянии он не думает больше ни о заслугах, ни о грехах, потому

что все заботы его сердца остались позади». Знаменитый А.Швейцер, будучи замшелым христианином, назвал это состояние «умиранием в мертвом боге», [A.Schweizer. Das Christentum und die Weltreligionen. Munchen. стр. 34.] но он просто не мог подняться выше представлений о человекообразном боге, которые индусы считают примитивными. С.Радхакришнан писал: «Антропоморфические идеи должны исчезнуть. Они дают вам заместителя бога, а не истинного живого бога... При всей эмоциональной ценности личного бога истина выдвигает другой образец и требует другого объекта поклонения». «Личность – это ограничение, но поклоняться можно только личному богу». С.Радхакришнан признавал, что «религия без личного бога может существовать лишь для немногих строго логически мыслящих людей, которые хотят довести свои принципы до крайних выводов». «Такая религия кажется человеку, который не дошел до нее и не почувствовал ее могущества, слишком холодной или слишком умственной, зато ни одна другая религия не может быть оправдана с философской точки зрения». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.75, 77-78.]

Монотеизм Упанишад, принявший форму имперсонализма, был действительно религией интеллектуалов-брахманов, но не народных масс. Чтобы приобщить народ к монотеизму, в Махабхарату была сделана вставка, популярно излагающая учение Упанишад. Изложено оно устами Кришны, но в данном случае можно отвлечься от всех отрицательных черт этого персонажа, поскольку названную вставку вполне можно рассматривать совершенно независимо от контекста Махабхараты. Речь идет о знаменитой Бхагавадгите.

Когда перед решающей битвой на Курукшетре вождь Пандавов Арджуна объезжал свои войска, он вдруг не ко времени впал в пацифизм. «Не нахожу я, говорит, блага в убийстве своих родных. Их убивать не желаю, даже за власть над тремя мирами, не то, что за блага земные». Ну тут Кришна, который управлял его боевой колесницей, и врзал ему по мозгам.

«Не скорбит познавший ни о живом, ни об усопшем, – стал поучать Арджуну Кришна. – Ибо я был всегда, также и ты, и эти владыки народов. И впредь все мы пребудем вовеки». «Кто думает, что он убивает, или кто полагает, что убить его можно, оба они не знают: не убивает он сам и не бывает убитым». «Он никогда не рождается, не умирает; не возникая, он никогда не возникает; не рожденный, постоянный, вечный, он древний, не умирает, когда убито тело. Как обветшавшие сбросив одежды, новые муж одевает иные, так обветшавшие сбросив тела, в новые входит иные носитель тела».

Нетрудно выявить источник, по которому, не глядя, шпарит Кришна. Это Катхупанишада: «Просвещенный ни рождается, ни умирает, он ни возникает откуда-либо, ни становится кем-либо. Нерожденный, постоянный, вечный, изначальный, он не может быть убит, когда убивают тело. Если убивающий думает, что убивает, если убитый думает, что убит, то оба они не распознают истины – он ни убивает, ни убиваем».

Арджуна пытается возражать: «Если ты ставишь мудрость выше действия, то почему к ужасному делу ты меня побуждаешь?» В ответ Кришна развивает другую известную мысль индийской философии. «Не начинающий дел человек бездействия не достигает и не таким отреченьям он совершенства достигнет». Кришна дает Арджуне совет: «Всегда совершай без привязанности должное дело». Бери пример с меня: «Нет цели, которой бы я не достиг, и все ж я дела совершаю». «Исчезли бы эти миры, если бы дел не свершал я». «Как поступают невежды, привязавшись к делу, так непривязанно, знающий пусть совершает дела для целокупности мира». «Знающий да не смущает мысли невежд, привязанных к делу». «Он, хоть и занят делами, но ничего не свершает». «Выполняя действия только телом, он в грех не впадает». Здесь уже просматривается логическая установка, для которой состояние сознания важнее внешних действий. Однако Кришна резко выступает против крайностей йогизма: «Люди, творящие ужасное умерщвление плоти, не предписанное за-

коном, полные самости, лицемерия, похоти, страсти, насилия, безумные терзают в собственном теле стихии также меня, сущего в недрах их тел». Кришна, предстающий перед Арджуной, как воплощение высшего божества, много говорит о закономерностях перерождений и об их наилучшем исходе: «Приблизясь ко мне махатмы, достигшие полного совершенства, не получают снова рождения в преходящей обители бедствий. Миры, включая мир Брахмы, подлежат возрождению. Кто же меня постигает, не возвращается вновь».

Бхагавадгиту до известной степени можно считать философской основой индуизма вообще. [Боги, брахманы, люди, стр.79.] По ней лучше всего знакомиться с индуизмом тем, кто не намерен углубляться в его дебри, в которых очень легко заблудиться. Ее называют Новым заветом индуизма [Там же, стр.56.], но это Евангелие особого рода – Евангелие действия [Sri Aurobindo. Essays on the Gita. стр. 27.], как называет его Ауробиндо, мощное выражение арийской мужественности, [P. du Breuil. Zarathoustra et la transfiguration du monde. стр. 39.] по определению П. дю Брейля. В ней выступает не трудно понимаемый абстрактный и безличный бог, а бог во плоти, в человеческом образе, но не идущий покорно на крест, а управляющий боевой колесницей, зовущий к битве, к победе.

Сами индусы, конечно, не называют свою религию индуизмом. Они употребляют сложный термин варнашрама, состоящий из двух частей.

Первая из них – варна. Речь идет о всем хорошо известной кастовой системе индусов, восходящей к гимну Ригведы (X.90), в котором описывается принесение богами в жертву космического гиганта Пуруши (в германской мифологии – Имир). Из его уст возникли брахманы, из рук – кшатрии, из бедер – вайшья, из ног – шудры.

Сословие священнослужителей брахманов занимало высшую ступеньку в индийской иерархии. Они ставили себя даже выше богов [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.83.], то-есть впадали в совершенно явный грех гордыни, накачавшись йогой. Господство брахманов закреплялось т.н. Законами Ману, приписывавшимися единственному человеку, который спасся от потопа (Шатапатха-брахмана). По этим законам брахманам установлено от бога обучение Ведам и изучение их, принесение жертв за себя и за других, а также дача и получение милостыни. Но, не надеясь только на бога, брахманы пожаловали второе место кшатриям (ср. иран. хшатра), военному сословию, которому бог указал охрану подданных, а также дачу милостыни, жертвоприношение, изучение Вед и умеренность в наслаждениях. Законы Ману гласили (IX.322): «Кшатрии не благовенствуют без брахманов, брахманы не благодевают без кшатриев; брахманы и кшатрии, будучи крепко соединенными, благодевают и в этом мире и в будущем».

Название третьего сословия вайшья происходит от общего индо-иранского корня, соответствующего нашему «весь», и обозначает весь остальной народ, точнее всех остальных арийцев. Им поручалась пастьба скота, дача милостыни, изучение Вед, торговля и ростовщичество. «Но только одно занятие Владыка указал для шудры – обслуживание этих каст со смирением» (I.91). Шудры – покоренные неарийские народы.

Я уже говорил, как перетолковывается система варн современными индуистами. Но это делается теперь задним числом, а в свое время она нанесла много вреда индийскому обществу, стала причиной застоя в развитии и, как говорил Рам Мохан Рай, «лишила индусов чувства патриотизма». [В.С.Костюченко. Вивекананда, стр.29.] В любом случае, имея на исторической совести такое пятно, как кастовую систему, индуизм не может претендовать на роль альтернативы христианству.

Менее известны ашрамы, этапы жизни, которые по очереди проходит индус высших каст. На первом из них он как брахмачарин живет в доме учителя и изучает Веды (минимальный срок обучения 12 лет, максимальный – 48!). Второй этап – грихастха, семейная жизнь. Третий этап, когда дети выросли и появились внуки, – ванапрастха, отшельниче-

ская жизнь в лесу, последний этап – санньяси, переход на положение нищенствующего монаха.

Со времен Упанишад из ведического пантеона выделилась верховная троица, которая господствует до сих пор, – Брахма, Вишну и Шива.

Брахма в этой троице – абстрактное и безличное первоначало, нечто вроде христианского Святого духа. В Индии почти нет его храмов. [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.75.] Вишну и Шива – персонифицированные боги, и подавляющее большинство индуистов делится на вишнуитов и шиваитов.

Огромная популярность Вишну объясняется прежде всего тем, что это бог, не витающий где-то высоко над землей, а периодически принимающий земной образ, чтобы вознаградить праведных и покарать зло. Любимые народом герои обоих индийских эпосов, Рама и Кришна, считаются воплощениями Вишну. В Бхагавадгите Кришна проповедует Арджуне как наилучший путь спасения любовь к богу (бхакти), полную отдачу себя во власть божественного милосердия. Такие настроения сродни христианским и среди вишнуитов преобладают верующие эмоционального склада. [Боги, брахманы, люди, стр.76.] В Индии говорят, что культ Кришны – это культ женщин. [Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.244.] Женщины в свое время сыграли важную роль в распространении христианства, на женщин делают ставку и современные сионо-масонские ловцы душ, слепым орудием которых являются западные кришнаиты.

Вишнуизм больше распространен на севере Индии, т.е. в индо-арийских землях. [Там же, стр.24.] Отличительные знаки вишнуитов – белая и красная двузубая и трезубая вилка и черная точка на лбу. Бороду и усы они бреют, волосы стригут, оставляя на макушке длинную прядь. Вишнуиты уделяют больше внимания внешним обрядам и, не желая выставлять свои чувства перед чужими, закрывают доступ в свои храмы не только неиндуистам, но даже брахманам, если они не вишнуиты. [Боги, брахманы, люди, стр.77, 286.]

Шива, как уже говорилось, бог дравидов, и не случайно культ Шивы охватывает, в основном, дравидский юг Индии. [Там же, стр.286. Н.Р.Гусева, цит.соч., стр.24.] Шиваизм предпочитают индусы с более высокими интеллектуальными запросами и с аскетическими склонностями. [Боги, брахманы, люди, стр.76.] Шиваиты носят желтые одежды, не стригут волос, их знаки – трезубец и горизонтальные полосы. Они отличаются большей терпимостью, их храмы открыты для посторонних. [Там же, стр. 286.]

В рамках индуизма мирно сосуществуют шесть ортодоксальных школ, т.н. даршан. Христианам, привыкшим резать друг друга по самому ничтожному поводу, просто невозможно представить себе, как люди могут уживаться в рамках одной системы при столь разных взглядах.

В V в. до н.э. сложилась система миманса, которую приписывают Джаймини. Абсолютным авторитетом для этой школы, как и для других, являются вечные и несотворенные Веды. Она стоит на точке зрения нерушимости закона кармы и неотвратимости возмездия, отрицает существование высшего божества, управляющего миром, и первоначально не имела учения о спасении. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.140-141.] Оно развилось лишь позже в тесно связанной с ней системе веданта, называемой также утгара-мимансой, т.е. высшей мимансой. Веданта стремилась соединить в одно целое учения Упанишад. Согласно веданте, в мире существует только одна реальность – абстрактный мировой дух Брахман, не имеющий никаких свойств и не поддающийся никаким определениям. Брахман не имеет начала, он никем не создан, он сам – основа творения, без него не могли бы иметь место наблюдаемые в природе закономерность и целесообразность. Человек – тоже проявление Брахмана. Брахман – существо всеблагое. Многообразие наблюдаемого нами мира – результат нашего неведения (авидья). Наши чувства, разум, тело являются орудиями само-

обмана, оковами, мешающими познанию истины. Отдельных предметов и самостоятельно существующих душ нет, – они плод нашего заблуждения. Освобождение человека от неведения, а тем самым прекращение перерождений, состоит в познании иллюзорности мира, в познании его тождества с Брахманом и в слиянии с ним. [А.Н.Кочетов. Буддуизм. М., 1965, стр.37-38.]

Провозгласив объективный мир иллюзией (майей), индийская мысль вступила на очень опасный и скользкий путь. Теория майи не случайно впервые встречается в шиваитской Шветашватара-упанишаде, [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.148.] – арийский дух, заколдованный дравидскими чарами, начинает с этого момента двигаться, как в трансе.

Дж.Неру утверждает, что майя неправильно переводится как «иллюзия». Правильней назвать ее относительным существованием. [Дж.Неру, цит.соч., стр.196.] По С.Радхакришнану, майя – это наименование отрицательного начала, посредством бесконечного волнения и непрестанного беспокойства дающего толчок всеобщему становлению. Даже Бог содержит в себе элемент отрицания или майю, хотя и управляет ею. Майя – это сила с помощью которой Бог может создавать изменчивую природу. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.24,461,466.] Но прямее всех выражается Иогананда: «Майя – это магическая сила в творении, благодаря которой в Неизмеримом и Нераздельном возникают кажущиеся ограничения и разделения. Человек, как смертное существо, находится под властью майи, принципа относительности, отрицания, контраста, противоположных состояний. Древние пророки имели в виду майю, когда говорили о Сатане». [Paramhansa Yogananda. Autobiography of a Yogi. стр. 46.]

Таким образом, майя выступает в индуизме как синоним отсутствующего в нем дьявола. Но на самом деле дьявольской была как раз идея майи, меняющая местами реальный мир и иллюзорный.

Особое место в индуизме занимает школа санкхья, родоначальником которой считается легендарный мудрец Капила. Эта школа оказала сильное влияние на буддизм. Согласно санкхье, существование бога-творца недоказуемо. Единый всемогущий и всеблагой бог мог бы создать только благо. Мир же полон зла. Причина заключается в том, что существуют две вечные и различные субстанции: чисто духовные, недеятельные и неизменные индивидуальные души (пуруши) и бездуховная, но активная праматерия (пракрити). Материальному миру свойственны страдания и изменения, душа сама по себе свободна от них, но, движимая незнанием, она увлекается материальными оковами и смешивается с телом, а это приводит ее к страданиям. Высшая цель человека – устранение страданий. Жертвоприношения здесь не помогут. Единственный путь спасения – отречение от чувственного мира и осознание абсолютного отличия духа от материального мира. [А.Н.Кочетов, цит.соч., стр.40-41.] Учение санкхьи – чистейшей воды гностицизм.

В паре с санкхьей обычно называется йога, приписываемая Патанджали. В отличие от санкхьи, йога признает высшего бога и указывает человеку приемы, которыми он может достичь спасения. Йога у нас особенно модна, и ее часто путают с индуизмом вообще, тогда как на самом деле она всего лишь дравидский нанос на индуизме. У нас многие накинулись на йогу в жажде обрести сверхъестественное могущество и, не обретя его, разочаровались в «индуизме», хотя индуизма они по-сути и не узнали, поскольку их не интересовала ни его философская глубина, ни его сущность, ни его история.

Меньшее значение имели две другие школы – ньяя и вайшешика. Странники первой из них признавали реальность двух видов духовного начала в мире – бога и души. Бог считался единым, всемогущим, всеведущим, вездесущим и вечным творцом и руководителем мира, личным существом, обладающим бытием, познанием и блаженством (сат, чит, ананда). В причине они видели особую субстанцию. Согласно учению вайшешиков, мир состо-

ит из атомов, которые соединяются в предметы по воле бога. Душу, существующую независимо от бога и материи, обе школы считали вечной, а осознание этой истины – путем к спасению. [Там же, стр.38-40.]

Таким образом, оставаясь в рамках ортодоксального индуизма, можно было признавать или отрицать бога, считать мир реальностью или иллюзией, быть имперсоналистом или верить в личного бога. Христианам такая свобода не снилась.

Шесть перечисленных даршан считались ортодоксальными, потому что признавали авторитет Вед. Не признавали Веды материалисты-локаятики, буддисты и джайны.

Особый круг религиозной литературы неведического происхождения составляют т.н. тантры. Их очень много, около 200. Тантризм оказал сильнейшее влияние и на вишнуитов, и на буддистов, но в основе своей он связан с культом Шивы и женских божеств-шакти, уходящим своими корнями в дравидский мир, но не чуждый и Ведам, в которых, как говорилось выше, сохранилась очень древняя прослойка, восходящая к эпохе матриархата и почитания женских божеств, почему Д.Чаттопадхья и не считает возможным рассматривать ритуальное акцентирование сексуального союза в ведической литературе как неарийское верование [Дебипрасад Чаттопадхья. Локаята даршани. М., 1961, стр.94.] и в этом он прав. Большинство тантр составлено в форме диалогов между Шивой и Дургой. Веды в основном все же памятник религии строго патриархального общества, в тантрах и шактизме на первый план выступают женские божества. Шактизм не признавал каст и несомненно был идейным оружием покоренных ариями народов.

Те же элементы, что в санкхье, присутствуют и в тантрийской космогонии, пуруша и пракрити, но в ней они не дух и материя, а мужское и женское начало, через союз которых была создана Вселенная. [Там же, стр.72.] Индуистское первоначало, Брахма, имеет, согласно тантрийскому толкованию, статический (Шива) и кинетический (шакти) аспекты. Все земное – творение шакти.

Шактизм очень хорошо выправлял тот крен, который создавался ведантой и йогой. Он утверждал, что человек божествен по своей сущности и един с Духом Вселенной. Его ум и тело со всеми их функциями – божественны, не только от того, что они проявление Силы Бога (Шакти), но они сами и являются этой силой. В естественных функциях организма нет ничего низменного или нечистого для сознания, которое распознает их, как Шакти. Говорить, что материя низка и греховна по сути своей, значит клеветать на эту Силу. Только невежественное и поистине низменное сознание может рассматривать естественные функции, как непристойные. Раз реальность мира исходит из Абсолюта, то тело перестает быть препятствием к Освобождению, так как оно является формой того же самого Абсолюта. Нет реального противоречия между Духом и Природой, являющейся орудием проявления Духа.

Шактизм возвращал в этот мир беглецов, увлекаемых йогой-крысоловами. В свете вышесказанного понятен вроде бы вовсе не религиозный обряд шактистов, известный под названием чакрапуджа, в котором главную роль играют 5М (панча макара): вино (мадхья), мясо (мамса), рыба (матсья), хлебные зерна (мудра) и половые сношения (майтхуна). В роли шакти в этом ритуале могла выступать собственная жена каждого из участников или другая женщина.

Под благотворным влиянием тантризма и индийские боги заговорили иным языком, нежели Законы Ману («Природа женщин в этом мире вредоносна для мужчин», – II.213) или Махабхарата («Женщины продляют ткань сансары» – Мокшадхарма, 213.7), и вот уже Вишну поучает одного тупого аскета: «Хотя ты знаешь Веду, ты совершаешь преступление, которого не совершает даже убийца. Женщины есть пальцы природы и драгоценные камни мира. Мир Брахмы – мир радостей. Зачем ты укротил свои страсти? Если женщина

неожиданно воспыхает любовью к мужчине и придет к нему, мечтая о соединении с ним, мужчина, пусть он и не испытывает к ней страсти, не должен отвергать ее. Если же он отвергнет ее, то в этом мире навлечет на себя различные несчастья, а в том мире попадет в ад. Мужчину не оскверняет связь с женщиной, добровольно ищущей его общества, даже если она куртизанка или замужем». [Боги, брахманы, люди, стр.166.]

Кризис индуизма привел к тому, что начиная с III века до н.э. роль главной религии в Индии стал играть буддизм. Индуизм был оттеснен на задний план, но не уничтожен (уничтожение религий – не в индийском обычае). Прошла чуть не тысяча лет, прежде чем индуизм снова собрался с силами и отвоевал первое место. В устойчивости индийской традиционной религии, в отличие от греко-римской, немаловажное значение имел тот факт, что «ни одна древняя цивилизация не обходилась столь малым числом рабов, ни в одном из древних сводов законов не проявлялась такая забота об их правах, как в Артахашастре». [А.Бэшем, цит.соч., стр.15.] Поэтому в Индии не образовалось той лишенной корней безродной массы, которая дала на Западе успех христианству.

Главными деятелями индуистской контрреформации были Кумарила и Шанкара. Кумарила действовал в первой половине VIII в. н.э. и был представителем школы миманса. Он ввел в мимансу учение о спасении, но по-прежнему отрицал существование бога, создавшего мир и управляющего им. Кумарила отстаивал непререкаемый авторитет Вед и путешествовал по всей Индии, выступая с резкими нападками на буддистов и натравливая на них светских правителей.

Еще более велико значение Шанкары (788-820 г.), окруженного огромным почетом в современном индуизме. Он происходил из семьи дравидских брахманов Намбудури и за свою короткую жизнь успел обеспечить решающий перелом в сторону индуизма. Он боролся с буддизмом его же оружием – путем создания монашеских орденов. Он унифицировал индуистское богослужение, установив ежедневное почитание в каждом доме пяти главных богов – Вишну, Шивы, Дурги, Ганеши и Сурьи. Он разработал систему адвайта-веданты, оказавшую очень большое влияние на духовную жизнь Индии. По его учению, есть два знания – одно для философски необразованных людей, другое для духовно просвещенных. Низшее знание пассивно воспринимает священное писание, высшее – объявляет весь разнообразный мир иллюзией. Истинная реальность – вечный, неизменный абсолют, Брахма. Отдельная душа кажется индивидуальным существом только под действием обмана, майи, на самом деле она тождественна с вечным Всеединым. Мудрец, который осознает свое единство с неизменной первоосновой всего бытия и понимает, что все разнообразие и все страдания земной жизни – лишь иллюзия, порожденная незнанием, достигает спасения. Таким образом, внутри индуизма возобладали «иллюзионисты» (майявадины), хотя с ними вели упорную борьбу вишнуиты – сторонники учения Мадхвы.

Долгие столетия провела Индия под мусульманским господством. Многие индийские арийцы изменили вере своих предков, но основной массив индуистов устоял, и со временем начались поиски общей религии, которая объединила бы и индуистов, и мусульман. Самые знаменитые попытки были предприняты поэтом Кабиром; Нанакон, основателем секты сикхов, и императором Акбаром (1555-1605), который провозгласил «божественную веру», объединяющую в себе черты зороастризма, индуизма и ислама.

На смену мусульманским завоевателям пришли англичане, но христианским миссионерам не очень-то удалось поживиться в Индии. Зато индийская мысль снова заработала с новой силой.

Творцом новой Индии называют бенгальского брамина Рам Мохан Рая (1772-1833). Он прославился своей борьбой против самосожжения вдов-сати и добился запрещения его английскими властями. Он выступал против системы каст и идолопоклонства, отказался да-

же от веры в переселение душ и в закон кармы и предлагал взамен очищенный монотеизм, созданный на основе учения Упанишад. Он отвергал майяваду Шанкары и признавал реальность мира. В 1828 г. он основал общество Брахмо самадж с целью пропаганды единой универсальной религии. Но это общество, вызывавшее ко всем, не нашло успеха ни у кого. В Индии его рассматривали как какую-то чужеземную секту. В самом обществе произошел раскол: одна группа во главе с Дебендранатхом Тагором (отцом Рабиндранатха), не отказываясь от концепции древнеиндийского монотеизма, стала устранять из него все элементы, связывающие его с христианством и исламом. Лидер другой группы, Кешаб Чандра Сен, предал Индию, став христианином.

Человеком совсем другого пошиба был Даянанда Мульшанкар Сарасвати (1824-83) родом из Гуджарата. Он признавал только Веды, даже Упанишад были для него уже извращением. Он стоял на позициях воинствующего индуизма, подвергал резкой и язвительной критике христианство и ислам и основал в 1875 г. общество Арья самадж, которое нашло в Индии миллионы последователей. По своим взглядам Даянанда примыкал к двайте-веданте Мадхвы: бог выступает у него в качестве действующей причины мира, материальная же причина – изначальная материя (пракрити), существующая вечно наряду с Брахманом и бесчисленным множеством душ (пуруш).

Большим моральным авторитетом в Индии пользовался Гададхар Чаттерджи (1836-86), более известный под своим монашеским именем Рамакришна, священник небольшого храма богини Кали близ Калькутты. Он тоже проповедывал полную религиозную терпимость. Личность Рамакришны произвела большое впечатление на Нарендраната Датта (1863-1902), который позже получил всемирную известность под именем Вивекананды и основал в 1897 г. «миссию Рамакришны» с целью духовного завоевания Запада.

При всей терпимости Вивекананды к другим религиям, он не сдавал принципиальных позиций и продолжал вслед за Даянандой критику христианства, особенно подчеркивая его нетерпимость и обращенность в прошлое. Больше всего ему претили христианские представления о греховности человеческой природы и необходимости смирения. Культивирование этих представлений делает человека рабом – в этом он был совершенно прав. «Один грех, единственный в мире, – говорил он, – состоит вот в чем: в тот самый момент, когда вы думаете о себе или другом человеке как о грешнике, вы грешите». [В.С.Костюченко, цит.соч., стр.90-91.] «Если есть грех на свете, то это слабость». «Вот критерий истины: все, что делает тебя слабым физически, интеллектуально и духовно, отвергай, как яд, в нем нет жизни, оно не может быть истиной. Истина придает силы». [Дж.Неру, цит.соч., стр.363-364.] «Величайшее заблуждение – говорить, что вы слабы, что вы грешник, жалкое создание». «Человек, который не верит в себя, – атеист». [S.Vivekananda, стр. 292-293.]

С активной жизненной позицией Вивекананды трудно согласовать его приверженность к адвайте-веданте Шанкары, но понятие майи трактовалось им в смысле признания непостоянства и изменчивости (а не нереальности) мира. Вивекананда оставался убежденным имперсоналистом, и ему казалось абсурдным думать о боге, как о воплощенном человеке. [Там же, стр.317.]

Вслед за Вивеканандой все новые и новые индийские миссионеры шли на штурм Запада: Ауробиндо Гхош (1872-1950) проповедывал Евангелие действия – Бхагавадгиту, Иогананда (Мукунда Лал Гхош, 1893-1952) соблазнял иогическими чудесами. Индийскими чудесами и тайнами завлекали к себе доверчивую публику и теософы, но сами индусы от них усиленно отреклись. Тот же Вивекананда резко осуждал «блататскософфов»: «Возня с различного рода таинствами и суевериями, – говорил он, – всегда знак слабости, знак деградации и смерти». [В.С.Костюченко, цит.соч., стр.99-100.] В свое время теософы подце-

пили индийского мальчика Кришнамурти (р. 1895) и стали пропагандировать его в таких масштабах, что перепуганному насмерть Нилусу померещился приход Антихриста. Но Кришнамурти не оправдал надежд теософов: возмужав, он послал их к черту и предпочел остаться одиноким философом.

Кришнамурти считает, что любая религиозная организация вредна и делает человека рабом. Две, пять тысяч лет обучения, внушающего вам веру в определенные понятия, это не религия. Это пропаганда. Нет истинной религии, если есть верование. Нет настоящей религии, если есть догма, если вы вечно повторяете слова, по-санскритски или на любом другом языке. Посещение мессы – это лишь развлечение, это не религия. Религия – не пропаганда. Действительно религиозный ум не имеет верований, догм. Путь к реальности лежит не через порог церкви, не через книгу, но через дверь, ведущую к познанию самого себя. Без познания себя тот Бог, которого вы ищете, есть иллюзорный бог.

И сегодня на Западе продолжают проповедывать индуизм последователи Н.К.Рериха, Гуру Махараджи, и особенно Бхактиведанта Свами Прабхупада со своим «Международным обществом познания Кришны», активно поддерживаемым масонами и сионистами. Современный Запад переживает такой же духовный кризис, какой переживала Римская империя, накануне великого религиозного переворота. Мир сегодня снова жаждет новой религии, спрос рождает предложение, и духовный вакуум заполняется, чем попало. Искренние идеалисты и шарлатаны попадают в одну и ту же обстановку базара, где продаются идеи. Только и слышно: «А вот христианство – высший сорт, православие сиречь!» «А вот индуизм натуральный, только что из Гималаев, от тайного гуру из пещеры!» «А вот суфизм и восточная магия – Идрис Шах энд К!» «А вот дзен-буддизм с гарантией Сэлинджера!»

Но – «в сторону от базара и славы уходит все великое: в стороне от базара и славы жили издавна изобретатели новых ценностей». [Ф.Ницше. Так говорил Заратустра. СПб., 1913, стр.57.]

Часть 4. Буддизм

Индуизм и маздеизм считаются, в отличие от христианства и ислама, национальными религиями, поскольку они не вышли за пределы тех стран, в которых возникли. Из тех же религий, которые удостоены звания мировых, только буддизм может похвастаться арийским происхождением. Как пишет Г.Херм, «Моисей, Христос и Мохаммед пришли из другого мира. Только Будда мог бы проследить ряд своих предков до какого-нибудь вождя курганных племен», [G.Herm. Die Kelten. стр.132.] кочевавших в наших южных степях.

Буддизм был первой по времени мировой религией, возникшей на полтысячелетия раньше христианства. Хотя буддийская традиция принимает за год смерти Будды 544 г. до н.э., наука вносит свою поправку, и называет датами жизни Будды 563-483 г. до н.э.

Согласно преданию, Будда происходил из арийского племени шакья, жившего в долине Ганга, и был сыном раджи этого племени Шуддходаны, жена которого Майя долго не имела детей. И вот однажды она увидела во сне, что ей в бок вошел белый слон. Через положенное время она родила сына. Это случилось в местечке Лумбини, которое находится на территории Непала, в 10 км от индийской границы. Через семь дней после родов Майя умерла. Ей было тогда 45 лет.

Узнав о рождении младенца, во дворец раджи пришел старый мудрец Асита. Увидев на теле новорожденного «черты величия» (в том числе знак свастики), Асита рассмеялся и заплакал. «Я смеюсь, – сказал он, – от радости, что Спаситель явился на землю, и плачу от

того, что мне не выпадет счастья жить достаточно долго, чтобы видеть совершение им своего подвига». [А.Н.Кочетов. Буддизм, стр.12.] Как видим, у Симеона-богоприимца был прототип, выгодно отличающийся от него тем, что не восхвалял «славу сынов Израиля».

Младенец получил имя Сиддхартха, что означает «исполнение желаний». К этому имени добавлялось родовое Гаутама, т.е. принадлежащий к роду Готама.

Согласно тому же преданию, Шуддходана окружил сына роскошью и тщательно скрывал от него все мрачные стороны жизни. Такое одностороннее, уродливое воспитание, очевидно, и явилось причиной шока от столкновения с этими сторонами и шараханья в противоположную крайность после этого шока: если Сиддхартха видел только розовый мир, то Будда, впавший в состояние глубокого пессимизма, мазал мир одной черной краской.

Сиддхартха женился, и его жена ждала ребенка, когда «четыре встречи» перевернули жизнь молодого принца. Он увидел на протяжении одного дня покрытого язвами больного, дряхлого старика, похоронную процессию и странствующего аскета. Человеческие страдания потрясли Сиддхартху, и он решил в ту же ночь стать отшельником и отыскать путь, ведущий к избавлению от страданий. Даже весть о рождении сына не остановила его. В сопровождении одного из слуг он уехал из дома, а потом, оставив слугу и лошадь, обменялся одеждой со встречным нищим и ушел в джунгли. Эта ночь называется у буддистов «ночью великого отречения». Сиддхартхе было тогда 29 лет.

Семь лет провел он в лесах. Ученые брахманы Алара и Удака советовали ему изучать Веды, чтобы узнать истину, но этот путь не привел Сиддхартху к желанной цели. Тогда он объединился с пятью другими отшельниками и занялся умерщвлением плоти. Дошло до того, что он съедал всего одно рисовое зернышко в день. Но возжеленная истина все не открывалась. И Сиддхартха бросил голодать, за что был покинут разочарованными отшельниками.

Сиддхартха остался один. И вот однажды, когда он сидел, размышляя, под деревом бодхи, ему вдруг открылась та истина, которую он так долго и безуспешно искал. Так Сиддхартха стал Просветленным, Буддой.

Тут явился Дух Зла, Мара, и начал искушать Будду. Он советовал ему остаться в состоянии нирваны и не нести свою проповедь в мир, который его не поймет. Однако Будда отверг искушение. Он пошел в Бенарес и разыскал пятерых покинувших его отшельников. Те сначала приняли его холодно, но один из них, Конданна, убедил своих товарищей выслушать Будду. И вот в оленьем парке в Сарнатхе, перед этими пятью отшельниками и двумя оленями Будда произнес свою первую проповедь.

Сегодня, две с половиной тысячи лет спустя, странно подумать об этой небольшой группе в оленьем парке в прохладный индийский вечер. Случайный прохожий увидел бы группу из шести людей, один из которых что-то говорит, и ни за что бы не догадался, что здесь зарождается мировая религия, которая будет иметь больше приверженцев, чем какая-либо другая. [S.G.Champion und D.Short. Readings from World Religions. N.York. 1959. стр. 158.]

Будда объяснил своим товарищам, что отречение от мира и аскетизм не приведут человека к спасению. Это такая же крайность, как погоня за мирскими наслаждениями, а нужно идти средним путем. Он учил их, что жизнь полна страданий, таких как болезнь, смерть, разлука с любимыми и неудовлетворение желаний. Эти страдания вызываются приверженностью либо к радостям этого мира, либо к блаженству в будущей жизни. От этой приверженности нужно избавиться и идти благородным (арья) восьмеричным путем, что означает иметь правильные взгляды, правильные желания, правильную речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильные усилия, правильное сознание и пра-

вильные увлечения. Позже Будда произнес вторую проповедь о непостоянстве всех вещей. По его словам, ребенок, юноша и взрослый человек – это не одна и та же личность. Изменяется не только тело, но и весь человек в целом. Поэтому непрерывного Я, атмана индуизма, не существует, чувство Я – заблуждение.

Видимость индивидуальности создает временное слияние пяти частей, скандх, которые продолжают существовать после смерти человека, и снова соединятся в новую личность, если человек не преодолет в себе приверженность к жизни, и не разорвет таким образом цепь кармы.

После этого Будда долго странствовал по всей Индии и с успехом проповедывал свое учение. Он умер в возрасте 80 лет со словами: «Мне нечего больше сказать вам, кроме того, что все созданное обречено на разрушение. Стремитесь всеми силами к спасению». Датой рождения, прозрения и смерти Будды его последователи считают полнолуние месяца вайшакха (21 апреля-21 мая). Вивекананда с иронией рассказывал об одном американском профессоре, которому очень нравится Будда, но не нравилось, что он умер естественной смертью, а не был распят. [S.Vivekananda, цит.соч., стр.114.] Вот до каких извращений доводит человека христианство! Если вероучителя не убьют, он не в состоянии поверить в истинность веры!

Г.М.Бонгард-Левин и Г.Ф.Ильин называют три главные приметы, отличающие буддизм от других религий: теорию непостоянства мира (анитья), отсутствие вечной души (атман) и «жизнь есть страдание» (дукха). [Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф.Ильин. Древняя Индия, стр.431.] Правильно ли видеть именно в этих чертах своеобразие буддизма?

Спасение из круговорота сансары – одна из основных тем индуизма, в самом этом устремлении, собственно, нет ничего нового. Новое заключается лишь в том, что иной представляется цель, иными – средства, которыми ее можно достичь, а призыв к спасению переходит в настоящий вопль о спасении. Индуист смотрит на земную жизнь не как на зло, а как на неполноценное существование, которое он стремится сделать полным путем соединения с Брахманом. Мрачный взгляд Будды на мир поистине не имеет себе равных, если не считать разве что взглядов Мани, но последний находился под несомненным влиянием буддизма.

Будду справедливо называют «величайшим из пессимистов». [В.А.Кожевников. Буддизм в сравнении с христианством. т.1. Петроград, 1916, стр.154.] Идеалом первоначального буддизма было отрицание жизни и личности, взгляд на жизнь, как на несчастье, которого следует избегать любой ценой. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.279.] Чтобы вызвать в людях стремление уйти из этого мира, Будда намеренно сгущал его черные краски. [Там же, стр.307.] У него получалось, что люди несчастны просто потому, что они живы [Там же, стр.350.], что жизнь на земле есть странствие по чужой стране, которое человек, обладающий истинным знанием, не стремится затянуть. Бежать от всепроникающего зла существования – вот цель жизни. [Там же, стр.355.]

Материальная жизнь недвусмысленно объявлялась злом. «Где есть телесность, там и Мара. Поэтому, смотри на телесность так, что она и есть Мара или что она вообще нечисть». [Г.Ольденберг. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1884, стр.256.] В известном буддийском сборнике поучений Дхаммапада звучит горестный укор: «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит?» (XI.146). Огонь, о котором здесь идет речь, обычный в индийской философии образ пожирающих человека страстей. Та же Дхаммапада поясняет: «Нет огня, большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет несчастья, большего, чем тело» (XV.202).

Одним словом, Будда вполне мог бы составить компанию гностикам. А те, кто объявляет этот мир дьявольским, у меня на большом подозрении: не сами ли они орудия дьявола?

Конечно, можно сказать в оправдание, что устами того или иного пессимиста говорит великая усталость, но в любом случае к ним нужно относиться так, как к сеятелям паникерских и пораженческих слухов во время войны.

Вторая особенность буддизма – динамический, пожалуй даже диалектический, образ мира в отличие от статичного индуистского. Буддизм не разделяет в человеке душу и тело, а рассматривает его как комбинацию пяти групп (скандх), составленных из 70 элементов (дхарм), взаимодействия которых вызывают все явления в мире. Каждая дхарма существует одно мгновение, а в следующее она уже заменяется собственным факсимильным воспроизведением. Весь мир – не что иное, как вибрация этих недолговечных, но постоянно обновляющихся дхарм. Г. фон Глазенап называет такое изображение мира «кинематографическим». [Н.v.Glasenapp, цит.соч., стр. 206-207.]

В беседе с греческим царем Менандром буддийский мудрец Нагасена на примере остающегося тем же светильника и меняющегося все время пламени пояснял: «В связи с существованием какой-либо вещи возникло одно состояние, а другое состояние гибнет, и таким образом происходит движение. В одном движении между двумя состояниями не бывает разрыва ни на одно мгновение, так как вместе с гибелью одного возникает другое. Поэтому, если бы не было этой жизни, не было бы и другой. Вместе с гибелью знаний об одном рождении возникает знание о втором рождении». [А.Н.Кочетов. Буддизм, стр.55-56.]

Советский атеистический автор А.Н.Кочетов по долгу службы подвергает сомнению заслуги буддизма в разработке диалектического мышления и сближает буддизм с субъективным идеализмом, но сам же признает, что дхармы существуют объективно. Следовательно, перед нами не субъективный, а объективный идеализм? Кочетов выходит из положения, сваливая вину на сам буддизм, в котором, дескать, не было еще сколько-нибудь четкого разграничения между субъективным и объективным идеализмом. [Там же, стр.54,56,58-59.]

«Буддизм учит, что внешний мир – только иллюзия», – уверяет нас А.Н.Кочетов в подтверждение своей точки зрения. В данном случае он и передергивает карты. А.Н.Кочетов достаточно знающий специалист, и ему-то хорошо известно, что идея иллюзорности мира утвердилась в позднем, махаянистском буддизме, а первоначальный буддизм как раз признавал реальность мира.

«Многое непонятное в буддизме должно быть отнесено за счет ошибочного преувеличения им принципа относительности», – выводит нас на верный путь С.Радхакришнан. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.251.] Будда учил: кто взирает истинно и мудро на возникновение вещей, для того не существует «этого нет» в здешнем мире. Кто взирает истинно и мудро на исчезновение вещей, для того не существует «это есть» в этом мире. Все есть – один конец, ничего нет – другой конец. Держись подальше от обоих концов. [Г.Ольденберг, цит.соч., стр.208.] Будда и здесь – за средний путь.

Для наших «диалектиков» сказать вместо ни то, ни другое – и то, и другое – уже верх мудрости. Будда же пошел еще дальше: он объявил бесполезными десять вопросов: вечен или не вечен мир, конечен он или бесконечен, тождественны или отличны душа и тело, бессмертен или смертен познавший истину, что он: одновременно бессмертен и смертен или одновременно ни бессмертен, ни смертен. «Гораздо значительнее то, что я познал и чего я вам не возвестил, – говорил Будда ученикам, – нежели то, что я возвестил вам». [Там же, стр.171.] Высшая реальность настолько сложна, что ее и современному человеку с трудом объяснишь, а во времена Будды она и подавно была бы непонятна, потому Будда и воздерживался от объяснения, хотя С.Радхакришнан и обвиняет его за это в «пагубной тенденции освободиться от первичных проблем». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.298.]

С.Радхакришнан зря ворчит. Он же отлично знает, что было еще одно соображение, которым руководствовался Будда: «Глупо предполагать, что кто-то другой может сделать нас счастливым или несчастным». [Там же, стр.301.] Будда говорил своему ученику Ананде: «Будьте светочами для самих себя; будьте убежищем для самих себя; не спасайтесь ни в каком внешнем убежище; будьте привержены истине как светочу, держитесь крепко, как убежища, истины; не ищите никакого другого убежища, кроме себя самих». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.364.] Будда называл худшим из лжеучителей Маккхали Госалу, который учил: «Все живущее – немощно, бессильно, безвластно». [Г.Ольденберг, цит.соч., стр.59.] Будда хотел, чтобы человек не мучился размышлениями о том, чего он все равно не поймет, а лучше прилагал усилия для достижимой для него цели – освобождения от страданий. Избавить человека от страданий было главным желанием Будды, поэтому он и говорил, что сначала нужно вынуть стрелу из раны, а потом думать о том, откуда эта стрела прилетела.

«Древний буддизм, – пишет С.Радхакришнан, – походит на позитивизм в том смысле, что он пытается переместить центр тяжести с почитания бога на служение человеку. Будда не столько стремился создать новую систему Вселенной, как хотел внедрить новое чувство долга. Будда со всей ясностью заявил, что спасение не зависит от принятия сомнительных догм или совершения жестоких дел, необходимых для того, чтобы задобрить гневного бога. Спасение достигается совершенствованием характера и преданностью добру». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.303.] Спасает не вера, а добрые дела: «Если даже человек постоянно твердит Писание, но, нерадивый, не следует ему, он подобен пастуху, считающему коров у других» (Дхаммапада, I.19). «Будда отменил религию простонародного типа, покоящуюся главным образом на трусливом страхе и поклонении силе, и утвердил религию, как веру в справедливость». [Там же, стр.392.] Для объяснения мира опыта, согласно Будде, мы не нуждаемся в каком-либо боге. Вполне достаточно будет закона кармы. [Там же, стр.302.] Колесо космического порядка движется без создателя, без известного начала и будет существовать вечно. [Там же, стр.317.] Буддизм отрицал существование какой-либо разумной первопричины. [Там же, стр.243.] Логика рассуждений была такова: «Если под Абсолютом мыслится нечто, не связанное ни с какими известными вещами, тогда его существование нельзя установить никакими рассуждениями. Как можем мы знать, что нечто, не связанное с другими вещами, вообще существует? Вся известная нам Вселенная представляет собой систему связей». [Дж.Неру, цит.соч., стр.131.] На вопрос «Кем создан мир?» Будда отвечал вопросом: «Какого цвета волосы ребенка нерожавшей женщины?» [Л.Н.Гумилев. Старобурятская живопись, стр.46.]

По словам А.Н.Кочетова, буддизм придал законченное выражение идее отрицания все совершенного бога-творца. [А.Н.Кочетов, цит.соч., стр.89.] Эту идею хорошо обосновывал Ашвагхоша в книге «Буддачарита»: «Если мир сотворен богом, не должно быть ни изменений, ни разрушений, не должно быть таких вещей, как печаль, бедствие, как справедливость и несправедливость, принимая во внимание, что все вещи, чистые и нечистые, должны исходить от него. Если печаль и радость, любовь и ненависть, которые возникают у сознательных существ, являются созданием бога, тогда он сам должен чувствовать печаль и радость, любовь и ненависть, и если это так, то как можно назвать его совершенством? Если бог творец и если все существа должны молча подчиняться власти своего творца, то какой же смысл проявлять добродетель? Справедливые и несправедливые поступки станут равноценными, поскольку все дела является его творением и должны соответствовать своему творцу. Но если печаль и страдание приписать другой причине, тогда должно быть нечто, чему бог не служит причиной. Почему тогда не все, что существует, зависит от него? И далее, если бог – творец, то он действует с целью или без нее. Если он действует с

целью, то про него нельзя сказать, что он совершенство, ибо цель обязательно предполагает удовлетворение потребности. Если же он действует без цели, то он уподобляется безумцу или младенцу. Кроме того, если бог – творец, почему люди не подчиняются ему с благоговением, почему они обращаются к нему с мольбами, будучи задавлены нуждой? И почему люди поклоняются более чем одному богу?» [Д.Чаттопадхья. Локаята даршана, стр.537.] Эти и подобные вопросы неизбежно будут снова и снова возникать и в Индии, и у нас, потому что «проблема зла является камнем преткновения всех монистических систем». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.202.]

Наряду с богом-творцом отрицался и установленный богом моральный закон, которому люди должны повиноваться [Alan Watts. The Way of Zen. стр. 72.], отвергалось чудесное вмешательство космического порядка. [С.Радхакришнан, цит. соч., стр.305.] Буддизм учил: пусть злодеи не рассчитывают ни на чудо, ни на божественное милосердие: «Не найдешь ты места на земле, где бы избежал плодов твоего злого деяния». [Г.Ольденберг, цит. соч., стр.203.] «Ни одна река не может очистить вершащего зло, коварного человека, совершившего преступление». [С.Радхакришнан, цит. соч., стр.358.] Но и праведные пусть не очень-то кичатся своей праведностью: «Всякий, кто чист, и знает, что он чист, и находит удовольствие в знании того, что он чист, становится нечистым и умирает с нечистой мыслью. Всякий, кто нечист, и знает, что он нечист, и прилагает усилия к тому, чтобы стать чистым, умирает с чистой мыслью». [Там же, стр.360.] Человек сам, на собственном печальном опыте, должен был научиться, что ему нужно делать, а не из страха перед богом или из преклонения перед авторитетом Будды, который не хотел никого заставлять верить, не хотел творить чудес для убеждения верующих и запретил своим ученикам совершать чудеса напоказ. [Там же, стр.396, 363.] Он говорил: «Будда не освобождает людей, но он учит их, как освободиться так же, как он сам освободился. Люди признают его проповедь истинной не потому, что она исходит от него, но потому, что в свете их умов, возбужденное его словом, рождается личное знание того, что он проповедует». [Там же, стр.305.]

Идею Упанишад об идентичности атмана и Брахмана буддизм объявил наивной. Исходя из того, что во всей эмпирической действительности нет ничего неизменного и что ни материальная, ни духовная субстанция не существуют отдельно, независимо друг от друга, буддизм не мог видеть освобождение из круговорота жизни в не существующем с его точки зрения вечном Абсолюте. [Боги, брахманы, люди, стр.57-58.] Однако неверно думать, подобно Г.Ольденбергу и подобно знаменитому Нагарджуне, что Будда вообще отрицал атман, отрицал Я. Он, как всегда, занимал среднюю, диалектическую позицию и боролся против двух крайностей – идеи вечного и неизменного Я и против нигилистического отрицания Я. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.330, 396.]

Одним из самых туманных и неопределенных в буддизме, по А.Н.Кочетову, является понятие нирваны. [А.Н.Кочетов. Буддизм, стр.68.] Атеисту, конечно, мудрено разобраться в этом вопросе, но и христианам не легче. Г.Ольденберг, однако понял, что буддист стремится к нирване с той же торжествующей радостью, с какой христианин взирает на свою цель – вечную жизнь [Г.Ольденберг, цит.соч., стр.185.], хотя представление об этой самой вечной жизни буддизм считал явной глупостью. [Там же, стр.235.] Г.фон Глазенап воспринимает нирвану как вызванное отсутствием страстей и кармы успокоение дхарм. Хотя дхармы не исчезают, между ними больше нет взаимодействия, они больше не образуют соединения, которые проявляются, как эмпирическая жизнь. Поэтому нирвана – полное прекращение всякого земного сознания, всякой мысли, воли, чувств, она совершенно отлична от всех явлений в этом мире: она не подвержена ни возникновению, ни исчезновению, она спокойна и поэтому в ней нет страданий. Есть ли нирвана состояние вечного блаженства или ничто, вечная смерть? Глазенап знает, что Будда не отвечал на эти вопро-

сы, и понимает, почему: Все наши термины неприменимы к нирване. [Н.в.Глазенапп, цит.соч., стр.214-215.] И в самом деле: как мы можем описать существование вне времени? [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.384.] Однако «идея нирваны отнюдь не означала небытия, как иногда полагают. Это было позитивное состояние, но поскольку оно выходило за рамки человеческого мышления, для его описания использовались негативные термины». [Дж.Неру, цит. соч., стр.84.] К тому же необязательно связывать нирвану именно со смертью: считается, что Будда достиг нирваны при жизни, в момент прозрения, и раз так, ни о каком «небытии» не может быть и речи.

А.Н.Кочетов, опять-таки по долгу службы атеиста, полемизирует с точкой зрения Г. фон Глазенаппа на буддизм, как на атеистическую религию. [Н.в.Глазенапп, цит.соч., стр.241. А.Н.Кочетов, цит.соч., стр.92-94.] С.А.Токарев, которого положение тоже обязывает, признает однако, что хотя определение Глазенаппа не совсем верно, доля истины в этом утверждении есть. [С.А.Токарев, цит.соч., стр.504.]

Будда не признавал не только бога, но и авторитет Вед, а также освященную этим авторитетом кастовую систему. Не только кастовые, но и национальные перегородки для него не существовали. За несколько столетий до Иисуса он обратился ко своим ученикам с призывом: «Идите во все страны и проповедуйте это учение. Скажите им, что бедные и униженные, богатые и знатные – все равны, что все касты объединятся в этой религии, как реки в море». [Дж.Неру, цит.соч., стр.131.] Будда основал первую в мире монашескую общину, сангху, которая, по толкованию индийского коммуниста Д. Чаттопадхьяя, была построена по образцу племенной демократии и сознательно задумана как иллюзорная замена того, что систематически уничтожалось в действительности. «Будда, – пишет этот автор, – единственный из всех современных ему пророков мог предложить народу иллюзию свободы, равенства и братства, которые, как неизбежный результат законов социального прогресса, попирались в действительности. Именно в этом величие и в то же время ограниченность раннего буддизма». [Д.Чаттопадхьяя, цит.соч., стр. 506-507, 523.]

Пропустим мимо ушей термины. Оставим суть. Будда, как позже Иисус, стремился установить в своей общине равенство. Он завещал ученикам: «Если кто-либо из вас подумает: я буду отныне руководителем общины – тот будет первым нарушителем моего закона». [В.А.Кожевников, цит.соч., стр.48.] Однако буддийское монашество имело ряд выгодных отличий от христианского. Во-первых, из общины всегда можно было свободно выйти. Во-вторых, в полном соответствии с установками самого Будды, умерщвление плоти не было в чести. «Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сиденье на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений», – гласит Дхаммапада (X.141). А наоборот: «Пусть он даже украшен, но если он живет в мире, спокойный, смиренный, воздержанный, ведущий праведную жизнь, отвергающий применение наказания ко всем существам, – он брахман, он отшельник, он бхикшу» (там же, X.142). В-третьих, «буддийские монастыри в отличие от христианских не похожи на исправительно-трудовые лагеря: навязывание монахам физического труда категорически запрещалось». [Г.Ольденберг, цит.соч., стр.292.]

Русский мистик Д.Л.Андреев мечтал о том времени, когда христианин будет входить в буддийский храм с таким же благоговением, как в свой собственный. Никто такого времени не дождется. Христианин входит в чужой храм только затем, чтобы на что-нибудь плюнуть.

Вивекананда считал, что попытки отстоять универсальность той или иной религии, объявив все остальные ложными, в конце концов оборачиваются против нее же. «Истина всегда универсальна. Если на моей руке шесть пальцев, а у остальных людей – по пяти, то из этого факта вы не сделаете вывод, что в ней нашел выражение подлинный замысел приро-

ды, а скорее заключите, что перед вами нечто аномальное и немощное. Так же обстоит дело и с религией. Если только одно вероучение должно быть признано истинным, а все остальные неистинны, вы имеете право заключить, что сама эта религия немощна». [В.С.Костюченко. Вивекананда. стр.83.] Однако у христиан претензии на исключительность – врожденная болезнь и они не знают иных способов возвышения своей религии, кроме унижения других.

Взять хотя бы, что пишут христианские авторы о буддизме. В.А.Кожевников начинает с того, что объявляет буддизм «самой неопределенной из религий», «учением двуликим и расплывчатым, говорящим одним одно, а другим другое». [В.А.Кожевников, цит.соч., стр.29,33.] Спрашивается: а христианство чем лучше? Разве мало можно набрать в Евангелиях взаимно исключаящих друг друга положений? Но нет, христианский фарисей упорно будет тыкать в сучок в чужом глазу, не замечая бревна в собственном.

Второй камень, брошенный В.А.Кожевниковым: буддизм – религия «только для меньшинства», лишь позже из атеистического, философски-этического мировоззрения, предназначенного для немногих избранных аскетов, он превратился в религию для широких народных масс. Буддизм общедоступный, влиятельный и живучий без подобного «искажения» своего первоначального характера был бы невозможен. [Там же, стр.150,152.] А христианство? Разве не в том же, в чем Кожевников Будду, обвинял Христа Великий Инквизитор Достоевского? Ты, дескать, приходил только для избранных, а мы исправили твоё учение, чтобы успокоить народные массы. А протестантский идеолог Кальвин откровенно заявлял, что Христос умер на кресте не за весь род человеческий, а только ради избранных.

В одном Будда действительно отличался от Иисуса: он обращался к людям, как к мыслящим существам, а не искал легкого хлеба у детей и хлопающих ушами «нищих духом». Рационализм Будды очень не нравится В.А.Кожевникову и Г.Ольденбергу, [В.А.Кожевников, цит.соч., стр.132,177. Г.Ольденберг, цит.соч., стр. 150,152.] очевидно, считающих себя венцами творения и свой психологический склад – высшим. Если и есть на свете люди иного склада, то это, разумеется, существа низшего порядка. Невообразимой гордыне «смирненных» христиан можно было бы только подивиться, если бы не возникло более естественного желания плюнуть им в рожу. Г.Ольденберг считает возможным сравнить Будду не с Христом (далеко, мол, ему до Христа!), а разве что с Оригеном. Г.Ольденбергу, конечно следовало бы объяснить, каким образом не Ориген, а Будда создал мировую религию, увлекшую за собой больше душ, чем христианство. Но христиане никогда не утруждают себя объяснениями, они же взывают не к разуму, а к какой-то другой части тела. Обращаясь к разумным людям, Будда, однако, считал путь разума открытым для каждого и был противником эзотерических тайных учений для «избранных». «Троим принадлежит таинственность, а не откровенность, – говорил он, – женщинам, мудрости жрецов и ложному учению», и заявлял, что в отношении истин у него «нет ничего, подобного сжатому кулаку учителя, который что-то удерживает». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.374.]

Г.Ольденберг, а вслед за ним и Кожевников утверждают, что буддизм – это учение о спасении без спасителя и оно могло бы существовать даже и после устранения из него понятия о Будде. [Г.Ольденберг, стр.265. В.А.Кожевников, стр.149.] Эти авторы не подозревали, что пройдет совсем немного времени и солидные ученые будут очень аргументированно доказывать, что никакого Христа вообще не было, а христианство возникло на пустом месте вокруг фикции. Какою мерой меряете, такой и вам отмерится.

Г.Ольденбергу предание о жизни Будды кажется «бесцветным», а сама эта жизнь – «однообразной». Перед нами, дескать, типичное описание жизни древнеиндийского аскета, а

вовсе не индивидуальных черт личности Будды, ему одному присущих. Индия вообще «страна типов, а не индивидуальностей». «Все создания индийской эпики, несмотря на пышность и роскошь красок, носят какой-то странно мертвенный характер, от которого все действующие лица индийской поэзии кажутся призраками, тенями, лишенными животельной силы крови». [Г.Ольденберг, цит.соч., стр.118.] Вот так, руководствуясь сугубо субъективным впечатлением, человек взял да и облаял целую великую страну, ее культуру и историю, они ему не понравились. Но мало ли кому что не нравится. Мне, например, не нравятся иконы, они кажутся мне однообразными и неживыми, но знатоки и любители возденут руки горе и обрушат на меня ворох восторгов вперемешку с обличениями меня в невежестве и примитивизме натуры. Г.Ольденбергу тоже следовало бы подумать об условностях индийской агиографии, подобных условностям и правилам нашей иконописи, прежде чем высказывать свое просвещенное суждение. Например, описание жизни Махавиры, современника Будды, основателя существующей до сих пор религии джайнов, очень похоже на жизнеописание самого Будды, и все же есть нюансы, по которым они различаются, и если бы Ольденберг присмотрелся к ним, он бы понял, почему Будда стал основателем мировой религии, а Махавиры нет.

Куда Ольденберг с копытом, туда и Кожевников с клешней. Он тоже считает «характерной чертой индусского ума умение вырабатывать типы и неспособность развивать индивидуальности». «Индия по справедливости слывет страной мудрецов и подвижников, но все ее философы – обезличенное, часто безыменное воплощение основных типов... как и ее святые – сколок с общего аскетического шаблона. Даже в религиозных отношениях личность как таковая не имела здесь самостоятельной ценности; существенным признавалось не проявление ее собственных, конкретных особенностей, а только обнаружение в ней отвлеченного идеала». [В.А.Кожевников, цит.соч., стр.141,145.]

Вот так обличают Индию за «типизацию» люди, сами лишенные индивидуальности, сами представляющие собой вполне определенный тип: тип ученого христианина, своим приколом на Христе напоминающего бабочку в коллекции энтомолога.

Вскоре после смерти Будды, согласно преданию, собрался первый сбор в Раджагрихе, начавший выработку буддийского канона и правил монашеской дисциплины. Сто лет спустя состоялся второй собор в Вайшали, на котором была предпринята попытка смягчения этой дисциплины и на этой почве произошел раскол между ортодоксальной партией «стариков» (стхавира) и махасангхиками (членами большой общины). Сторонниками смягчения правил были именно последние: потерпев поражение, они собрали свой сепаратный собор, который ортодоксы обвинили в ниспровержении религии и уничтожении самого духа учения Будды. [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.498.]

На третьем соборе в Паталипутре в 255 г. до н.э. была представлена одна лишь партия стхавира и был окончательно установлен ее канон, т.н. Типитака («три корзины»). Этот канон был записан лишь в I в. до н.э. на Цейлоне на языке пали, до сих пор остающемся там церковным языком.

Покровителем третьего собора был знаменитый царь Ашока (272-232 гг. до н.э.), человек, единственный в своем роде не только в индийской, но и в мировой истории. Если «святых и равноапостольных» Константина и Владимира принятие христианства ничуть не изменило, они остались такими же подонками, какими и были, то Ашока, обратившись в буддизм, совершенно преобразился: он прекратил завоевания, запретил жертвоприношения и охоту, построил множество монастырей и ступ, совершал паломничество по святым местам и сооружал вокруг них приюты, дороги и резервуары для воды, наконец, развернул бурную миссионерскую деятельность и отправил проповедников буддизма не только на Цейлон и в юго-восточную Азию, но и к эллинистическим царям – Антиоху II в Сирию,

Птолемию II Филадельфу в Египет, Маге в Кирену, Антагону II Гонату в Македонию и Александру II в Эпир. В среду грызущихся, как пауки в банке, потомков диадохов буддизм не внес успокоения, но правители наиболее близкого к Индии греко-бактрийского царства относились к нему с симпатией. Это объясняют тем, что буддизм воспринимался греками, как религия военной аристократии. [W.Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge. 1951. стр. 174.] И действительно, большая часть сторонников учения Будды, как и он, принадлежала к касте кшатриев. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.200.] Будда даже говорил, что кшатрии лучше всех. [Г.М.Бонгард-Левин и Г.Ф.Ильин, цит.соч., стр.386.] Ашока оставил много надписей на скалах и специально сооруженных колоннах. В этих надписях возвеличивалось буддийское учение. «Небо может опрокинуться с луной и звездами, земля может подняться с горами и лесами, океаны могут высохнуть, но слова Будды останутся верными», [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.523.] – гласила одна из них. В отличие от позднейшего «Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут», это не было саморекламой. К тому же Ашока, не в пример христианам, не насаждал свою веру мечом: его надписи утверждают терпимость, в них нет ничего унижающего другие религии. [А.Н.Кочетов, цит. соч., стр.102.]

Школа стхавира, до сих пор господствующая на Цейлоне, единственной арийской стране, исповедующей буддизм, – несомненно, самая древняя и наиболее близкая к первоначальному буддизму. Кроме нее уже во времена Ашоки существовал целый ряд других школ. Например, вышеупомянутые махасангики уже шли по пути обожествления Будды и склонялись к докетизму, представляя себе Будду бесконечным, вечным и всемогущим существом, а его земную жизнь – лишь видимостью. Другая школа сарвастивадинов называется по основному тезису их учения «сарвам асти» (все существует): реальны не только дхармы настоящего, но и прошлого и будущего. Эти школы имели свой особый канон на санскрите. Наоборот, саутрантики отрицали реальность прошлых и будущих дхарм. Вайбхашики признавали прошлое реальным, но они дуалистически разделяли природу и разум, существующие, по их мнению, независимо друг от друга. Наконец, пудгалавадины уже представляли себе нечто вроде индивидуальной души.

Все перечисленные школы относятся к т.н. хинаяне (Малой колеснице) – направлению буддизма, господствующему до сих пор на Цейлоне, в Бирме и в Таиланде. Кое-кому это направление не нравится: А.Бэшему – потому что это «религия без души и без бога-создателя», [А.Бэшем, цит.соч., стр.293.] С.Радхакришнану, говорящему о нем с явным раздражением, – примерно по той же причине: «Хинаяна – это бесцветная религия, отрицавшая бога», которую «вдохновляет своего рода ненависть к миру». [Р.Радхакришнан, цит.соч., стр.504-505.] Однако нельзя не признать, что эти определения полностью приложимы к самому первоначальному учению Будды, что хинаяна в наибольшей степени сохранила верность этому учению, но – это один из тех редких случаев, когда отход от первоначального учения, его так сказать «искажение» заслуживает положительной оценки.

Новый буддизм, буддизм Махаяны (Великой колесницы) обязан своим возникновением притоку в Индию свежей арийской крови. Ее принесли скифы-саки (шакья) и тохары, создавшие на территории Индии, Афганистана, Средней Азии и Синьцзяна огромную Кушанскую империю. Самым знаменитым правителем этой империи был Канишка (78-123 г. н.э.), с начала царствования которого ведет свой отсчет современный индийский календарь Шаки. Окончание имени Канишки не случайно напоминает нам наши русские имена, уменьшительный суффикс – ишк имелся в тохарском языке, о близости которого со славянскими мы уже говорили в первой части. В истории буддизма Канишка стал вторым Ашокой: при нем около 100 г. не то в Кашмире, не то в Пенджабе, точно не установлено, состоялся IV буддийский собор, который сформулировал основные положения Махаяны.

Главным положительным изменением, которое внесла Махаяна в буддизм, было изменение идеала личного поведения. Идеалом хинаяны, идеалом раннего буддизма, был архат – монах, стремящийся достичь нирваны. Махаяна справедливо сочла этот идеал слишком эгоистичным. Она ссылалась на пример самого Будды, отказавшегося от нирваны, в которой побуждал его остаться Мара. Хинаянистов прямо обвиняли в том, что они поддались искушению Мары.

Вместо архата Махаяна объявила идеалом бодисатву. В раннем буддизме этот термин означал лишь последнюю стадию духовного развития человека перед достижением им прозрения, в Махаяне же бодисатва – существо, уже достигшее высшей святости и получившее право на уход в нирвану, но добровольно отказывающееся от этого права, чтобы непосредственно помогать людям в достижении спасения.

Под идеал бодисатв было подведено метафизическое основание. Сам Будда отвергал метафизику, в Махаяне же она расцвела пышным цветом. Окончательно завершился процесс обожествления Будды, была разработана теория т.н. трех тел Будды: Нирмана-кая-Будда в земном воплощении, Самбхога-кая-Будда как царь высших миров и Дхарма-кая-Будда как безличный Абсолют. Аналогичным образом в индуизме Вишну выступает в земных воплощениях, как властитель рая и как Абсолют, так что нетрудно понять, откуда дул ветер. Возникла сложная система со множеством будд и бодисатов. Верховное место в ней занимал АдиБудда, прото-Будда, вечный, создавший сам себя. Посредством размышления он породил 5 будд размышления (дхьяни-будды), те в свою очередь тем же путем – 5 дхьяни-бодисатов. Будды, обретающие образ людей, называются в этой системе Мануши-будды. Их тоже пять, исторический Будда – четвертый из них. [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.247-248.]

Из дхьяни-будд особенным почетом пользуется Ами табха, имя которого означает «неизмеримый блеск». Предполагают, что этот образ возник в буддизме под иранским влиянием. Согласно легенде, много веков назад жил монах Дхармакара, который дал обет стать буддой, но лишь при том условии, что он, ставши буддой, будет властелином счастливой страны, обитатели которой будут жить в непрерывной радости, пока не обретут нирвану. В эту райскую страну (Сукхавати) попадают те, кто верит в Ами табху.

Из бодисатв наибольшим почетом пользовался Авалокитешвара (имя состоит из двух частей: Ишвара – господин, господь, и Авалокита – трудно переводимое слово, по смыслу что-то вроде «с состраданием смотрящий вниз»). Образ этот невыразимо прекрасен и трогателен. Авалокитешвара достиг полного просветления, но он дал клятву войти в нирвану не раньше, чем будут спасены все живые существа, т.е. он навечно остается в сансаре, чтобы помогать им, руководствуясь безграничным милосердием. Сохранилась легенда о нисхождении его в ад, после чего ад превратился в рай. Авелокитешвара, таким образом, не похож на ту известную личность, которая показала на пять минут, пообещала скоро прийти и слиняла бесследно, а верующие тщетно ждут ее вот уже 2000 лет. Авалокитешвара – всегда с людьми.

В образе грядущего будды Майтрейи, как и в образе Ами табхи, также видят иранское влияние и прямо сравнивают его с Митрой, [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.567.] который у митраистов выполнял роль Саошьянта, т.е. Христа.

Восторженная любовь (бхакти) верующих и безграничное милосердие свыше делают махаянистский буддизм очень похожим по религиозному настроению на христианство.

В махаяне, как и в хинаяне, существовали разные школы. Одна из них называлась йога-чара, потому что ее сторонники считали, что абсолютная истина достижима лишь теми, кто практикует йогу, или виджняна-вада, потому что согласно этой школе весь мир идеален и нет ничего реального, кроме сознания (виджняны).

Но наибольшее влияние имела другая школа – мадхьямиков, которую возглавлял самый знаменитый буддийский философ Нагарджуна. Ориентировочно временем его жизни считается II в. н.э. Согласно его учению, как внешние объекты, так и внутренние состояния сознания представляют собой пустоту (шунью). Мы спим, даже когда бодрствуем. Даже сознание (виджняна) нереально, так как мы не можем сказать о нем что-либо определенное. Природа мира, как развивающегося процесса, заставляет нас отрицать его абсолютную реальность. Мир лишь комплекс отношений. Нет вселенной вне бога и нет бога вне вселенной, и тот и другая в одинаковой степени только видимость. Нагарджуна докатывается по этой дорожке до утверждения, что «в действительности нет Будды». «Нет смерти, нет рождения, нет различия, нет постоянства, нет множества». Природа – это видимость, но существует вечная основа, бесконечность, из которой все выходит и куда все уходит.

Странный, исчезающий из-под рук мир Нагарджуны пытаются перетолковывать в том смысле, что под шуньей подразумевается не абсолютное небытие, а относительное бытие. [Там же, стр.567.] Но как ни толкуй, поневоле всплывают в памяти знакомые образы Брахмана и майи. Объявив мир иллюзорным, махаяна совершила шаг назад по сравнению с хинаяной, шаг в сторону ведантистского индуизма.

В порядке исправления крена такой же полезной прививкой, как и для индуизма, оказался для буддизма тантризм. Нагарджуна выдвинул интересный тезис: сансара есть нирвана, но для него их тождество заключалось в их нереальности. Тантризм перевернул вопрос с головы на ноги и стал искать нирвану в реальном мире и нашел ее в любовных объятиях. С особенным восторгом эта идея была принята в Непале и Тибете: будды и бодисатвы живо получили жен, храмы украсились изображениями обнявшихся божественных пар, шокирующими чопорных христианских миссионеров, а в буддизме появился дикий для христиан, но вполне естественный для нормальных людей институт женатых монахов. Правда, впоследствии эта система потерпела поражение в Тибете после реформы, проведенной Цзонкабой (1356-1418), основателем ламаизма, и сохранилась до сих пор лишь в Бутане и Сиккиме. Но все эти веселые события уже выводят нас за рамки арийского мира.

Но эти рамки перерос сам буддизм: он распространился на Бирму, Таиланд и страны Индокитая, возобладали в Тибете и Монголии, невзирая на сопротивление конфуцианцев утвердился в Китае, но особенно по вкусу пришелся японцам. Япония сегодня – главная цитадель буддизма в мире, в котором все перемешалось: европейцы исповедуют еврейскую религию, японцы – арийскую.

Махаянистский буддизм настолько сильно пропитан индуистскими учениями и обрядами, что его называют «экспортной формой индуизма», [H.v.Glasenapp, цит.соч., стр.259.] подобно тому, как христианство является экспортной формой иудаизма. Современные индийские мыслители положительно относятся к махаяне. С точки зрения Дж.Неру, Махаяна «больше походила на разновидность арийской религии, потому что она особенно близко подошла к брахманистским системам и формам». [Дж.Неру, цит.соч., стр.180-185.] По мнению Ауробиндо Гхоша, махаяна приближается к точке зрения Бхагавадгиты. [Sri Aurobindo, цит.соч., стр.501.] С ним согласен и Радхакришнан, для которого «религия махаяны практически не отличается от религии Бхагавадгиты». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.513.] Постепенное сближение махаянистского буддизма с индуизмом и привело в конечном счете к полному поглощению буддизма породившей его индийской почвой. Будда был объявлен одним из воплощений Вишну, целью которого в благожелательной легенде было запрещение кровавых жертвоприношений, а в неблагоприятной – проповедь ложного учения, для того чтобы увлечь к гибели расплодившихся демонов в людском образе.

«Буддизм исчез, смешавшись с индуизмом, – пишет С.Радхакришнан. – Буддизм умер в Индии естественной смертью. Утверждение, будто фанатики-жрецы силой вытеснили буддизм, является вымыслом... Насильственное искоренение буддизма в Индии – это легенда». [С.Радхакришнан, цит.соч., стр.520.] Однако именно за эту легенду, приписывающую Кумариле физическое истребление буддистов, ухватился Л.Н.Гумилев [Л.Н.Гумилев. Старобурятская живопись, стр.38.], чтобы любезное его сердцу христианство со своим истреблением инаковерующих не выглядело столь одиноко и одиозно на фоне арийской веротерпимости. Гумилев пускает в дело и легенду, раз она работает на его концепцию, а то, что эта легенда не соответствует исторической правде – ему наплевать. Для христианского жулика любая липа сойдет. И все же истребление буддистов в Индии имело место, только осуществляли его не индуисты, а мусульмане, когда захватили Бихар в 1193 г. [Н.v.Glasenapp, цит.соч., стр.197,253.]

Буддизм начисто исчез в Индии, но сохранился в окружающих ее странах в двух известных нам формах, которые не признавали друг друга. Лишь в 1871 г. в Мандалае (Бирма) состоялся V буддийский собор, на котором был утвержден канонический текст Типитаки, вырезанный потом на 729 мраморных плитах. Вокруг этих плит возник храмовый комплекс Кутодо, ставший с тех пор местом паломничества буддистов.

Буддизм в наше время тоже предпринимает попытки завоевания Запада, причем особенным успехом пользуется школа дзен.

Мы знаем ее под японским названием, которое в Китае звучит «чань», а в индийском оригинале «дхьяна» и означает «созерцание, размышление». Столь длинный путь, проделанный этим учением, порождает подозрения: не наглоталось ли оно по дороге чего-нибудь неарийского? Алан Уоттс, например, прямо утверждает, что столь характерная для школы дзен идея мгновенного прозрения более подходит китайскому образу мышления, чем индийскому, [Alan Watts. The Way of Zen. стр. 103.] но, вопреки этому утверждению, мы впервые находим эту идею в произведениях индийского махаянистского буддизма, цитируемых тем же Уоттсом. Так «Ланкаватара-сутра» говорит и о постепенном, и о внезапном прозрении, а «Ваджрачхедика», исходя из известного тезиса «нирвана есть сансара» приходит к выводу: «Если нирвана действительно – здесь и теперь, то искать ее – значит потерять ее, поэтому достижение ее постепенными этапами – вряд ли подходящий способ. Ее нужно увидеть в данный момент, непосредственно». [Там же, стр. 98.]

Согласно легенде, чань занес в Китай в V в. индийский монах Бодхидхарма, который несколько лет сидел в созерцании, уставившись на стену, так что у него отнялись ноги. Но подражателей его уже стали осмеивать. К одному из них подошел другой монах и спросил, зачем он так сидит. «Чтобы стать Буддой», – ответил тот. Тогда второй монах сел рядом и стал полировать черепицу. «Что ты делаешь?» – спросил первый монах. «Зеркало», – ответил второй. «Но разве можно таким способом сделать зеркало?» «А разве можно стать Буддой, сидя, уставившись на стену?»

Утвердилась вторая точка зрения. Школе дзен стали претить «искусственность, любая поза, любой внешний знак внутренней значительности». Стало считаться возможным достижение просветления в любой ситуации. «Последователи дзен должны затеряться в мире, а не замыкаться в стенах монастыря». [Е.В.Завадская. Восток на Западе. М., 1970, стр.23-24.]

Отрицание ритуала как способа общения с Богом сказалась в особой форме единения в рамках дзен религии и искусства. На «иконах» в дзенском религиозном ритуале чаще всего изображен пейзаж или ветка цветущей сливы. [Там же, стр.28,31.] Словом, дзен стремится через мгновение постичь вечность. С одной стороны – освобождение от времени, с другой – от всяких условностей, включая моральные. [A.Watts, цит.соч., стр.218,127.] Путь

дзен начинается с освобождения от иллюзии, которая состоит в преследовании несуществующей цели – добра без зла. [Там же, стр.145.]

Стоп. До сих пор все было хорошо и красиво, но когда мне начинают говорить о вечности и неизбежности зла, внутри меня загорается красная лампочка и раздается сигнал тревоги. И я начинаю вспоминать, что во всемирном царстве сионских мудрецов будет одна господствующая религия, в которой соединятся православие, католицизм и преобразованный буддизм. Я начинаю вспоминать, что еврейский мистик Мейринк, автор каббалистического романа «Голем» и глава пражской теософской ложи Голубой звезды стал буддистом, что с ним и с этой ложей был связан поклонник дзен-буддизма еврейский композитор Малер, а сегодня на Западе дзен пропагандирует еврейский писатель Сэлинджер. И от такой компании хочется держаться подальше.

Часть 5. Маздеизм

Покинем, теперь Индию и обратимся к иранцам. Хорошим примером верований иранцев, еще не затронутых реформой Заратустры, О. фон Везендонк считает скифов. [О. G. von Wesendonk. *Das Wesen der Lehre Zarathustros*, стр.42.] Правда, И.С.Брагинского удивило почти полное совпадение афоризма, приписываемого легендарному скифскому мудрецу Анахарсису (Анахварти), поразившему своей мудростью Афины во времена Солона (т.е. на грани VII и VI в. до н.э.), со словами зороастрийского кредо «Исповедую благие помыслы, благие слова, благие дела» [И.С.Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр.42-43.], но вряд ли на этом основании можно говорить о проникновении маздеистских идей в скифскую среду в столь раннее время. Анахарсис во всех отношениях фигура нетипичная для скифов, он много странствовал, изучал чужие религии и за приверженность к одной из них, а именно к культу Великой Матери, был убит самими скифами (Геродот IV.76), как Христос евреями. Мысль эту он мог либо услышать где-то во время своих путешествий, либо идея триединства мысли, слова и дела уже бытовала в иранской среде еще до Заратустры. Основным письменным источником, из которого черпаются сведения об верованиях скифов, является Геродот, который сообщает имена скифских богов – Табити, Папая, Апи и других, – как обычно, находя для них греческие аналоги (IV.59). Он сообщает также об отсутствии у скифов кумиров и храмов и о массовых жертвоприношениях, включая человеческие, особенно при погребениях вождей (IV.60,62,71,72), что подтверждается данными археологии. Геродот приводит также собственную легенду скифов об их происхождении от перво-человека Таргитая, жившего тысячу лет назад, и от трех его сыновей, Липоксая, Арпоксая и Колаксая, при которых с неба упали золотые предметы – плуг, ярмо, секира и чаша, давшие в руки только младшему из сыновей, Колаксаю, и с тех пор ставшие символом царской власти (IV.5-7). Разделение трех функций между этими сыновьями – земной эквивалент того разделения, которое Ж.Дюмезиль приписывает общеарийскому пантеону. Однако, появление особой касты священнослужителей, как показывает Д.С.Раевский, явление позднейшее, первоначально же царь объединял в своем лице и военную и сакральную функции. [Д.С.Раевский. Очерки идеологии скифско-сакских племен., М., 1977, стр.75.]

Это же совмещение мы находим потом у парфян [Г.А.Кошеленко. Родина парфян, М., 1977, стр.72.] и у первых царей Сасанидской династии в Иране. [S.Wikunder. *Feuerpriester in Kleinasien und Iran*. стр.48.] Священный характер царской власти подтверждался обрядом бракосочетания скифского царя с богиней Табити [Д.С.Раевский, цит.соч., стр.88.].

Общество делилось, таким образом, только на два слоя, воинов и земледельцев. Такое же разделение мы имеем в Авесте и в некоторых индийских источниках [Там же, стр.77.]. Священников-авхатов, которые носили белые одежды (как зороастрийское духовенство и кельтские друиды), Д.С.Раевский связывает с киммерийцами, которые смешались со скифами. Гипотеза о кельтском происхождении киммерийцев находит подтверждение в аналогиях между обычаями скифов и валлийским (кимрским) обычным правом. [Там же, стр.139,67,76.]

Геродот не преминул пересказать и миф, связывающий происхождение скифов с одним из подвигов Геракла – угоном быков Гериона. Во время этого путешествия Геракл вступил в брак с полудевой-полузмеей, от которого родились три сына – Агафирс, Гелон и Скиф. Геракл оставил им свой лук и велел признать первенство за тем, кто, возмужав, сумеет этот лук натянуть. Победил Скиф (IV.9-10). Д.С.Раевский блестяще доказал, что на знаменитых скифских вазах изображены именно сцены из этой легенды. Он же пишет, что в иранской религии существовал единый культ мужского божества, угоняющего быков, и женского божества со змеями. Оба эти персонажа являются двуединым воплощением огня. [Там же, стр.56.] А.П.Чайковский в своей совершенно фантастической книге «Родина народов арийской расы, где она была и отчего покинута» (М.,1914) обнаруживает полное непонимание этого мифологического сюжета и абсолютное неумение анализировать какие бы то ни было исторические и мифологические источники. В Ведах роль угонщика быков играет Индра, а герой валлийской легенды, Ху Гадарн, пригоняет скот в Британию аж из Ирана через Кавказ [Ch Seaholm. *The Kelts and the Vikings*, стр.142.]. Женское же божество со змеями по имени Вент, олицетворяющее мать-землю, известно у этрусков [З.Майяни. *Этруски начинают говорить*. М., 1966, стр.102-103.].

Подводя итоги своим исследованиям, Д.С.Раевский заключает, что «индоиранский мир... уже на общеарийском этапе создал развитую мифологическую систему» и предлагает поэтому отказаться от оценки скифской религии, как якобы имеющей «примитивный характер». [Д.С.Раевский, цит. соч., стр.123.]

Предполагают, что в дозороастрийском Иране, как и в ведической Индии, боги делились на два клана (как у германцев), асуров и девов, причем первоначально их сосуществование было мирным и гармоничным [J.Varenne. *Zoroastre*. 1974. стр.20.], просто одни отдавали предпочтение одним, другие другим. Позже это равновесие нарушилось: в Индии были объявлены демонами асуры, а в Иране – девы. Пути этого процесса в Индии не совсем ясны, в Иране же он четко связан с именем Заратустры.

Исследуя религию древнего Ирана, маздеизм, даже специалисты блуждают, словно в темном лесу, широкая же публика не имеет о ней вообще никакого представления. Священной книгой этой религии является Авеста, но это памятник настолько сложный по своему составу, что его голыми руками не возьмешь. Открыл Авесту для европейцев французский авантюрист Анкетиль дю Перрон в 1771 г. Это вызвало настоящую панику в католических кругах и организованную реакцию с целью дискредитировать древнюю религию, знание которой бросало тень на христианство. [Paul de Breuil. *Zarathoustra et la transfiguration du monde*. Paris. 1978. стр. 28.] В недоумении были и просветители. Вольтер назвал перевод Анкетеля «отвратительной дребеденью» [J.Varenne. *Zarathoustra et la tradition mazdeenne*. 1966. стр. 6.]. Эти недоумения можно понять. Дело в том, что Анкетиль не знал ни авестийского, ни пехлевийского [Пехлевийским называется среднеперсидский диалект времен династии Сасанидов III-VII в. н.э.] языков и просто, как попугай, пересказывал устную традицию индийских парсов [S.Wikander, цит.соч., стр.115. Парсами, т.е. персами, в Индии называют зороастрийцев, переселившихся туда из Ирана после арабского завоевания.]. Но опираться на эту традицию было нельзя по той простой причине, что ее вообще

не существовало. Уже пехлевийские комментаторы проповедей Заратустры ничего не понимали в текстах, которые они переводили [R.C.Zaehner. *The Dawn and the Twilight of Zoroastrianism*. London. 1961. стр. 27.]. Лишь в XIX веке начали понемногу разбираться, что к чему и поняли, что самому Заратустре принадлежит лишь одна часть Авесты – Гаты [«Песни» – ср.инд. «Гита»]. Но и здесь не обошлось без накладок. Евреи не могли допустить и мысли, чтобы кто-то, кроме них, мог познать Единого Бога, и вот Дж.Дармстетер, не какой-нибудь дилетант, а знающий иранист, относясь, как признает советский историк И.С.Брагинский «явно националистически-апологетически к иудаизму» [И.С.Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр.192.], начал с пеной у рта доказывать, что Гаты – фальшивка парфянской эпохи. Но наука быстро поставила зарвавшегося еврея на его место.

По-разному толкуется даже значение самого названия «Авеста», но большинство ученых выводит его от слова «апастак» – «основа». По мнению С.Викандера, это слово первоначально означало устную ритуальную традицию в народных культах и проникло в маздеистскую религию сравнительно поздно, при Сасанидах [S.Wikander, цит.соч., стр. 32, 225.].

Авеста состоит из 21 книги, которые называются насками.

Ее общий объем 83000 слов, но это не более четверти последней сасанидской редакции, так что 3/4 утеряно. Древнейшие рукописи относятся к XIII-XIV в. н.э. Авеста делится на следующие части: 1) Ясна [Аналогично инд. «Яджня», означающему «жертвоприношение».] – основной сборник молитв из 72 глав, в который входят и 17 Гат (Ясна 28-34, 43-51 и 53), отличающихся от всех остальных текстов по языку и по стилю и принадлежащие самому Заратустре. 2) Висперед – молитвы гениям-покровителям (рату), 24 главы. 3) Видевдат (Вендидад) – заклинания против дево, 22 главы, единственная часть Авесты, сохранившаяся полностью в сасанидской редакции. 4) Яшт – сборник из 22 гимнов и, наконец, 5) Хорда Авеста, Малая Авеста – разного рода ритуальные тексты.

Р.Зенер говорил о беспрецедентной грамматической анархии в поздних частях Авесты [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.26.]. С ним согласен С.Н.Соколов: «Ни один текст, за исключением Гат, нельзя считать памятником какого-либо определенного языка». [С.Н.Соколов. Авестийский язык. М., 1961, стр.10.] При таком положении «естественно, что нет буквально ни одного вопроса, касающегося Авесты и понимания «темных мест» ее текста, который не был бы предметом самых ожесточенных филологических споров». [И.С.Брагинский, цит.соч., стр. 191.]

Хотя Гаты обычно считаются наиболее древней частью Авесты по языку, по содержанию Яшты древнее Гат [Там же, стр. 178, 193.]. С.Н.Соколов считает, что древнейшие части Яштов и Видевдата восходят, может быть, даже к эпохе арийской общности [С.Н.Соколов, цит.соч., стр.21.]. Для П.дю Брейля Яшты являются по содержанию антиподом Гат [P.de Breuil, цит.соч., стр.190.], а Р.Зенер видит в них возврат к политеизму [R.C.Zaehner, цит.соч., стр. 81.]. С библейской книгой Левит сравнивает Видевдат П.дю Брейль [P.de Breuil, цит.соч., стр.381.] (А.П.Чайковский лишь по дремучему невежеству может называть Видевдат «главной и основной частью Авесты» – назв. соч., стр.19), а по отношению к Виспереду то же сравнение проводит И.С.Брагинский. [И.С.Брагинский, цит.соч., стр.181.]

Совершенно не учитывая эту внутреннюю разнородность, Авесту, как правильно отмечает П.дю Брейль, обычно интерпретируют не по Гатам, а по духу нео-маздеистского духовенства Сасанидской империи, которое установило теократию, хотя и высоко моральную, но пуританскую и фанатическую [P.de Breuil, цит.соч., стр.146.], тогда как за основу нужно брать именно Гаты, сверяя по ним все дальнейшее развитие маздеистской религии.

А судьба ее, судьба учения Заратустры была трагической. Как с горечью пишет Р.Зенер «ни один великий религиозный мыслитель не был столь грубо окарикатурен – окарикатурен собственными последователями, которые сразу же затемнили чистоту его монотеистического видения, окарикатурен восточными магами, которые представили его греко-римскому миру не только как создателя религиозного дуализма, для которого добро и зло – два соперничающих и в равной мере вечных принципа, но и как мага, астролога... окарикатурен Ницше... окарикатурен современными учеными» [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.19.]. «Ни в одной другой религии первоначальная доктрина не претерпела столь радикальных изменений» [Там же, стр.28.]. «Последователи Заратустры никогда вполне не понимали его учение и не руководствовались живой и подлинной традицией» [Там же, стр.170.].

Это отсутствие традиции позволяет нам провести различие между маздеизмом, – религией, существующей до сих пор, и зороастризмом, как составной частью этой религии. Р.Зенер прав: «Мы вообще не можем говорить о зороастризме, как о единой религии, потому что каждая форма иранской религии... приспособливалась имя пророка и пользовалась его авторитетом, чтобы придать ореол достоинства и истинности учениям, далеким от его учения» [Там же, стр.22.]. Но это отсутствие традиции, странным образом, имеет и свою хорошую сторону. Мы тоже можем брать за основу Гаты, а все остальное присоединять к ним или отбрасывать по своему усмотрению, не очень заботясь о том, что скажут на этот счет современные парсы. Они не сумели сохранить традицию в чистоте. Они маздеисты, а не зороастрийцы.

В языке Гат отмечают, прежде всего, его глубокую архаичность. Указывают, что он более сходен с языком Вед, нежели язык Вед – с позднейшей стадией развития самого индийского языка, санскритом. [Дж.Неру. Открытие Индии, стр.78. Ригведа, стр.16.] Дж.Моултон даже считал язык Гат более близким к первоначальной индо-иранской речи, чем язык Вед [К.М.Talati. The Light of Zoroastrian Mazdayasnian Religion. Bombay. 1953. p.1.]. Все это наводит на мысль, что тексты Гат – почти такой же давности, как и Ригведа, а Ригведа датируется примерно XV в. до н.э. [А.С.Чикобава. Введение в языкознание. Ч.1, стр. 202, 200.] Так что единственно, в чем можно согласиться с А.П.Чайковским, это в том, что «первенство арийских книг над Библией в смысле исторических документов, их большая древность и более седой возраст нам кажутся несомненными» [А.П.Чайковский. Родина народов арийской расы, стр.269.].

Несостоятельной кажется попытка Ж.Варенна объяснить архаичность языка Гат тем, что он остался в стороне от эволюции и смешения [J.Varenne. Zarathoustra et la tradition mazdeenne. p.45.]. Район, в котором говорили на этом языке (район Хорезм – Маргиана – Согдиана – Бактрия) [P.de Breuil, цит.соч., стр.47.], т.е. наша Средняя Азия, западный Афганистан и северо-восточный Иран, всегда был районом очень интенсивного перемещения народов, а в результате последних находок советских археологов перед нами впервые предстала древнебактрийская культура второй половины II – начала I тыс. до н.э. Здесь более чем за полтысячелетия до образования Ахеменидской державы в процветающих оазисах уже кипела бурная жизнь». [Е.Е.Кузьмина. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, стр.34.]

Выделяются Гаты и по стилю. Как пишет Симона Петреман, «Гаты – яркое пятно в том, что Отран по праву назвал «унылой Авестой». Лишь одни они не имеют той характерной сухости, узости и формализма, которые делают чтение этой книги одним из самых скучных занятий, какие только можно придумать. Хотя некоторые Яшты тоже довольно красивы, они не отличаются такой одновременно чистой и пылкой религиозностью». [S.Petremant. Essai sur le dualisme chez Platon les gnostiques et les manicheens. Paris. 1947. p.315-316.] С.Петреман делает совершенно правильный вывод: Авеста, взятая в целом, яв-

ляется священным писанием религии, не сохранившей верности зороастризму, и чтобы составить максимально правильное представление о зороастризме, нужно решительно отбросить большую часть Авесты (там же).

Язык позволяет нам с большей или меньшей точностью установить родину Заратустры, который родился в Арьяна-вайджо, в доме Пурушасты, на берегу реки Дарьи, спадающей с гор Збара (Видевдат, XIX. 4). Позднейшая традиция, точнее анти-традиция, перенесла родину Заратустры в Азербайджан (Мидию Атропатену), но это объясняется лишь тем, что Атропатена избежала завоевания Александром Македонским и сохранилась как очаг иранской культуры. [O. G. von Wesendonk, цит.соч., стр.50. Атропатена значит «защищенная огнем».] Заратустра не мог быть мидийцем: он говорил на восточно-иранском диалекте, а мидийский язык относится к западно-иранским [И.М.Оранский. Иранские языки. М., 1963, стр. 38.]. Как на место рождения Заратустры обычно указывают на Хорезм, который и отождествляют с Арьяна-Вайджо [В.И.Авдиев. История древнего Востока. М., 1953, стр. 560.]. Правда, Б.Брентьес, исходя из содержащегося в первой главе (фаргарде) Видевдата указания, что зима в Арьяна-Вайджо длится 10 месяцев, высказывает предположение, что первоначально так называлась более северная область, скорее всего Алтай, но арии времен Заратустры жили уже гораздо южнее, в Хорезме [В.Брентьес. Die iranische Welt vor Mohammed. Leipzig. 1978. p.102-103.]. Интересно, что греки тоже писали о Скифии, что там 8 месяцев стоят морозы: то ли преувеличивали, то ли климат там тогда был действительно несколько более суровым [Б.Н.Граков. Скифы. Берлин, 1978 (на нем. яз.), стр.13.]. Во втором фаргарде Видевдата сохранилась память о внезапном резком похолодании и о том, как легендарный царь Йима по совету свьше соорудил огромное убежище для людей и животных – вар (так до сих пор называется загон для скота в Южной России). Так что необязательно переносить Арьяна-Вайджо на север: просто север мог придти на юг. Кроме Хорезма называют и соседнюю Согдиану, где и в более поздние времена продолжал существовать род Спитама, к которому принадлежал Заратустра.

Мешается еще некая Рага, на которой А.П.Чайковский рехнулся до такой степени, что объявил ее не только родиной Заратустры, но и «непосредственным коренным прародительским местом жительства специально славянской народности» [А.П.Чайковский, цит.соч., стр. 118, 124.]. Последнее ни в какие ворота не лезет, смешно и говорить на эту тему, что же касается Заратустры, то в Ясне XIX, 18, действительно, упоминается Рага зороастрийская, город в Мидии (ныне Рей близ Тегерана. А.П.Чайковский по неграмотности думал, что там-то и был рай, но Рай – более позднее произношение), однако Заратустра, как уже говорилось, не был мидийцем, Рага не стояла на берегу Дарьи, и Ясна XIX вызывает сильные подозрения, ввиду наличия в ней зерванитских идей. [S.Hartman. Gayomart. стр. 77.] Но наибольшим мраком покрыто не место, а время жизни Заратустры. Разнобой в этом вопросе стоит самый дичайший.

В греческих источниках содержится такая фантастическая цифра, как 6000 г до н.э., но, как правильно отмечает П. дю Брейль, эта цифра скорее мифологическая, чем историческая, основанная на традиции магов, помещавших Заратустру в начале космического года, периода в 6000 лет. [P.du Breuil, цит.соч., стр.23.] Вавилонский историк Бероз относит Заратустру к 2000 г. до н.э., мусульманская традиция делает его современником Моисея (XIV в. до н.э.), Диоген Лаэртский называет дату 600 лет до похода Ксеркса. Датировка самой парсийской традиции – 660-583 гг. до н.э. [J.Varenne. Zoroastre. стр.27.] и современные ученые, в основном, крутятся где-то около. Р.Зенер [R.Zaehner, цит.соч., стр.33.] и Р.Фрай [Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, стр.50.] чуть-чуть сдвигают ее на 628-551 гг., дю Брейль, наоборот, на 750-675 гг. [P.du Breuil, цит.соч., стр.54.]

Однако по данному вопросу я позволю себе не согласиться с мнением большинства ученых. Архаичность языка Гат – главный аргумент, требующий перенести их на несколько столетий в прошлое. Ряд ученых смотрел с узко материалистической точки зрения и полагал, что не могла столь развитая религия возникнуть в столь неразвитом обществе. Однако сведения о высоком уровне развития Бактрии на грани II и I тысячелетий до н.э. стали достоянием науки лишь в последние годы. Ю.Терпиано правильно предполагает, что маздеистская религия «видимо, древнее, чем думают многие европейские ученые и даже сами зороастрийцы».

Исходя из того, что в Авесте не упомянуты ни железо, ни даже соль, он относит ее начало к бронзовому веку, т.е. куда-то к XIV в. до н.э. [Ю.Терпиано. Маздеизм. Париж, 1968, стр.53.] Ж.Варенна архаизм Гат тоже побуждает поместить Заратустру в самом начале I тысячелетия до н.э., может быть, даже еще раньше [J.Varenne. Zoroastre. стр. 41.]. О фон Везендонк заключает, что Заратустра жил в любом случае раньше VIII в. до н.э., а другой предел он вообще не берется установить. [O. von Wesendonk, цит.соч.,стр.51.]

Ближневосточный семитский мир впервые сталкивается с иранцами в IX в. до н.э. (в 844 г. упомянуты парсуа, в 836 г. мадии). [B.Brentjes, цит.соч.,стр.82.] В ассирийских надписях VIII в. до н.э. встречается имя Маздак [O. von Wesendonk, цит.соч.,стр.10.], в ассирийских списках богов VII в. до н.э. имена богов Ассара Мазас и Митра. [B.Brentjes, цит.соч.,стр.104.] Сколько же времени могло занять продвижение маздеизма от родины Заратустры до Фарса и каким путем оно осуществлялось? Вместе с продвижением самих персов или позже, через миссионеров? Первый вариант кажется более вероятным.

В итоге я прихожу к выводу, что Заратустра жил никак не позже X в. до н.э. Согласно преданию, он происходил из знатного рода Спитама (поневоле вспоминается Спитамен, руководитель восстания против Александра Македонского в Согдиане).

Отца его звали Пурушаспа, мать – Дугдхова. Имена на «-аспа» и «-уфра» были очень распространенными и означали владельцев скота (в первом случае – лошадей, во втором – верблюдов) той или иной масти. В имени Заратустры первая часть «зарат» соответствует русскому «желтый». Заратустра имел четырех братьев, был среди них по возрасту третьим и, согласно легенде, родился с улыбкой на устах. Он был трижды женат и имел сан священника (заотара) в храме огня, но в возрасте 30 лет он удалился в уединение, получил откровение и начал проповедывать новую религию. Дальнейшая его судьба в чем-то сходна с судьбой Мохаммеда: неудача проповеди (только через 10 лет он обратил первого ученика, своего кузена Мадьомаху), враждебное отношение со стороны служителей старого культа и, наконец, бегство из родных мест (этому посвящена трагическая Гата 46 «Кам немой зам?» «В какую землю мне бежать?») В своих скитаниях он добрался до северного Афганистана и там обратил в свою веру воина Фрашаоштру, который выдал за него замуж свою дочь Хвогви.

Брат Фрашаоштры, Джамаспа, был визирем царя Виштаспы, столица которого находилась в г. Балх. Заратустре устроили аудиенцию у Виштаспы, и очарованный им царь взял новую веру под свое покровительство. Так начался ее взлет. Однако царство Виштаспы беспокоили своими набегами туранцы, и во время одного из этих набегов, через 20 лет после обращения Виштаспы, Заратустра был убит.

Не следует думать, будто туранцы это тюрки. Речь идет о восточно-иранских кочевых племенах, по Авесте – потомках Турьи, сына Трайтаона (Феридуна) [И.С.Брагинский, цит.соч., стр. 83.], сопоставляемого Д.С.Раевским со скифским Таргитаем. [Д.С.Раевский, цит.соч., стр. 82.] Отношения центра иранского мира и его кочевой периферией долго были крайне напряженными. Не случайно герой иранского эпоса Рустам ни разу не упомянут

в Авесте – он был героем особого сакского эпического цикла. [И.С.Брагинский, цит.соч., стр. 129.]

История запомнила неудачный поход Кира против среднеазиатских массагетов и столь же неудачный поход Дария против причерноморских скифов. Так что попытки наших славяно-арийствующих фантазеров примазаться к Заратустре вдвойне лишены основания: и потому, что славяне никогда не жили в Средней Азии, и потому, что та иранская русь, которая дала нам имя, вышла из массагетского кочевого мира [К.Ф.Смирнов. Сарматы на Илеке. М., 1975, стр. 153.], т.е. из среды «туранцев», убийц Заратустры. Правда, справедливости ради следует отметить, что проповедь Заратустры с самого начала нашла отклик и в среде туранцев. В Ясне 46 упоминается благочестивый туранец Фрьяна, несший слово Заратустры своим соплеменникам, со временем это влияние могло усилиться.

В чем же заключался конфликт Заратустры с традиционной религией и в чем новизна и суть его проповеди?

Ж.Варенн зачем-то попытался сгладить этот конфликт, изобразить Заратустру не революционером, а консерватором, человеком, который пришел «исполнить, а не нарушать» и стремился реставрировать древнюю веру, которую в Ведах мы якобы уже имели в модернизированном варианте. [J.Varenne. Zoroastre, стр. 19, 20, 33.] Возможно, Ж.Варенн просто консерватор по натуре и всех подгоняет под себя. Большинство же других авторов подчеркивает абсолютную новизну проповеди Заратустры.

Опровергая вымыслы Ж.Варенна С.Н.Соколов пишет: «Зороастризм отрицал поначалу все старые арийские культы... Это должно было нанести удар древней культовой традиции, который не оказался однако гибельным». [С.Н.Соколов. Авестийский язык, стр.9.] П.дю Брейль совсем иначе, чем его соотечественник, понимает ситуацию с «исполнить, а не нарушить»: «если Заратустру, несмотря на его радикальные новшества, следует рассматривать, как простого реформатора, то Иисуса тем более, потому что в глазах иудеохристиан... он был «исполнителем Закона»... Если же, наоборот, Иисус совершил нечто большее, чем моральную реформу в рамках иудаизма, и действительно открыл оригинальную эру Благой Вести, то Заратустру тоже следует рассматривать, как творца еще более великого этапа в развитии религиозной мысли». [P.du Breuil, цит.соч., стр.81.] «Маздеизм, существенно отличаясь от других религий Древнего мира, представляет более высокую ступень развития религии вообще», – провозглашает С.А.Токарев. [С.А.Токарев, цит.соч., стр.386.]

Крупный немецкий историк Эд. Мейер тоже видел в миссии Заратустры «решающий поворотный пункт для всей истории религии вообще... так как здесь заложены те корни, из которых выросли христианство и ислам». [Ed Meyer. Ursprung und Anfänge des Christentums. 1921. Т.2, стр.17-18.]

Однако христиане никак не могут осознать своими тупыми головами тот факт, что их религия большим обязана маздеизму, чем иудаизму, и держатся мертвой (именно мертвой) хваткой за свою еврейскую «традицию». «Христианство, вопреки логике и вопреки теологическому приоритету персидской религиозной мысли, намеренно подлаживается исторически к основным темам моисеевой религии, несмотря на возражения со стороны евреев и эзотерическую филиацию от зороастризма». [P.du Breuil, цит.соч., стр.362.] Но мы подождем выяснять, какие именно религиозные идеи заимствовало христианство из зороастризма (и каким путем), составим себе сначала представление о зороастризме, чтобы не хлопать ушами, не понимая, о чем идет речь и кто прав в споре.

П.дю Брейль перечисляет четыре главных момента в зороастризме: 1) установление абсолютного монотеизма, 2) эсхатология, развивающаяся вокруг великой космической битвы Добра и Зла, 3) устранение ритуалов и жертв, 4) уважение в живой жизни. [P.du Breuil,

цит.соч., стр.84.] О фон Везендонк в книге под названием «Сущность учения Заратустры» видит эту сущность в том, что «его (Заратустры) монотеизм был чем-то совершенно новым и для того времени неслыханным. В своей духовности... зороастрийское понимание превосходит еврейский монотеизм... так как богу Ветхого Завета не чужды демонические черты, он карает и мстит, ведет себя в своем гневе совершенно по-человечески». [О. v.Wesendonk, цит.соч., стр.31.] При этом главной для Заратустры была тема бессмертия духовного начала в человеке. [Там же, стр.67.] Зенер считает учение, изложенное в Гатах, чистым монотеизмом [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.50.].

По мнению Р.Фрая, новая идея «заклучалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга». [Р.Фрай. Наследие Ирана, стр.57.] Наконец, материалист из ГДР Б.Брентъес полагает, что нововведением Заратустры была связь между понятием о Боге и определенными моральными качествами, а также отмечает универсализм и оптимизм новой религии. [B.Brentjes, цит.соч., стр. 105,129-130.]

«До Ахура-Мазды Заратустры и индийского Абсолюта-Парабрахмана, – пишет П.дю Брейль, – ни один монотеистический бог не открывался в своей истинной трансцендентальности, показывая этим свое сверхчеловеческое превосходство над мифологически-ритуальной инфантильностью старых богов» [P.du Breuil, цит.соч., стр.124.], тогда как «в каждой библейской строчке сквозит антропоморфность Яхве, одаряющая его психологией восточного деспота и бога, сделанного по образу людей и их страстей». «Перед Яхве евреи должны были дрожать, как перед грозой или тираном». [P.du Breuil, цит.соч., стр.245-246.] Но при всей своей трансцендентальности Ахура Мазда не обладает безличностью индийского Брахмана: Заратустра разговаривает с ним, как человек с человеком.

Особо следует сказать об имени Ахура Мазда; это, собственно, не имя, и многие западные авторы поступают правильно, когда в своих переводах Авесты переводят и его, как «Господь Премудрый». У еврейского бога тоже есть титул Адонаи Саваоф, означающий «бог воинств». Разница характерная: с одной стороны бог насилия, с другой – бог мудрости. Кстати, у нас неверно переводят и мусульманскую формулу «нет бога, кроме Аллаха». Аллах – не имя, а просто слово «бог» с определенным артиклем, так что смысл фразы «Нет бога, кроме Единого Бога».

Вторая особенность понимания Бога в зороастризме отличает его ото всех религий в мире. Если евреи, христиане, мусульмане и даже индусы видят в Боге источник и добра и зла, то для зороастрийцев «Бог – творец всего добра и никакое зло не исходит от него». [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.293,295.] Противоположный взгляд для зороастрийцев – ересь.

Если христиане могут списать на греховность человеческой природы неполадки общественного характера, то стихийные бедствия, страшные болезни, всякого рода ядовитая нечисть в животном мире так или иначе оказывается дарами «всеблагого» Господа. Чтобы выпутаться из идиотского положения, христиане сочиняют нелепые теории о страданиях, которые посылает бог своим возлюбленным чадам, дабы испытать их твердость в вере.

Но если понятно, почему жестокие эксперименты ставят ученые на кроликах и собаках, то богу-то это зачем? Он-то по идее должен и так все наперед знать? Но христиане стараются не задумываться над бессмысленностью своих построений. Их поведение психологически понятно. Это поведение рабских натур (не зря они называют себя «рабами божьими»), для которых самый могущественный хозяин предпочтительней самого справедливому.

Ведь если допустить, что не все в мире творится богом или по его «попущению» (а попустительство преступлениям есть, как известно, тоже преступление), то следует предположить наличие некоей силы, действующей независимо от бога, и ограничить тем самым

власть бога, а это сделать страшно, христианин может от этого утратить веру в Бога вообще. Это превращение столь же закономерно, как превращение безропотного раба в распоясавшегося анархиста. На зороастрийца же наличие в мире двух борющихся сил лишь налагает более высокую личную ответственность – груз, невыносимый для христианина, который весь под «волей божьей», под авторитетом церкви и под буквой своего «священного писания».

Зороастризм – единственная в мире религия, правильно понимающая мироздание, как арену борьбы двух начал. Иначе мир, собственно, необъясним. Что зороастризм – религия дуалистическая, даже при минимальном объеме знаний о ней, известно всем. Но подлинный характер этого дуализма широкой публике неизвестен, а для самих маздеистов и для ученых-специалистов служит предметом споров.

Знаменитая Ясна 30 (Гата ахунавати) гласит: «Первоначально два духа явились, как близнецы, один Добро, другой Зло в мыслях, словах и делах. Из них обоим благомыслящий сделал правильный выбор, но не зломыслящий. Когда же оба духа встретились, они положили начало жизни и смерти и тому, чтобы к скончанию всего было бы уделом лживого – наихудшее, а праведного – наилучшее. Из этих двух духов Лживый избрал наихудшие дела, а праведность избрал Дух Святой, чье облачение – небесная твердь».

Две тысячи лет бьются комментаторы над этим текстом. Как правильно понимать взаимоотношения между Богом и его противником? В Сасанидском Иране т.н. зерваниты, буквально поняв слова «близнецы» и желая преодолеть дуализм, сделали вывод, что эти близнецы должны быть порождением какого-то одного начала и почитали этим началом бесконечное время (зерван акарана), в чем Б.Брентъес с удовольствием, и Р.Зенер без удовольствия видят приближение к диалектическому материализму. [В.Вrentjes, цит.соч., стр.123. R.C.Zaehner, цит.соч., стр.246.] (Б.Брентъес считает зерванизм учением, заимствованным у хурритов, неарийского основного населения управлявшегося арийцами государства Митанни. Это вполне правдоподобно: арии-мидийцы находились в самом тесном контакте с хурритами. Зато совсем неправдоподобна попытка некоторых авторов произвести от хурритов само название ариев, как это делает, например, С.Ш.Чагдуров в сильно воняющей Олжасом Сулейменовым книге «Происхождение Гэсэриады», Новосибирск, 1980, стр.76). Была также теория двух фаз творения, исходившая из первоначального создания духовного мира, а потом материального. В наши дни ее поддерживает П.дю Брейль. [P.du Breuil, цит.соч., стр.101.] Однако ортодоксальные дуалисты, которых не следует путать с зерванитами, не признавали разделения на две фазы. [S.Hartman. Gayomart, стр. 110.]

Ж.Варенн уверяет, что Ясна 30 «хорошо показывает, что дуализм, по крайней мере в Гатах, – не доктрина, разделяющая мир между двумя соперничающими и равными по мощи богами, а вера во временный конфликт двух божественных ипостасей, над которыми царит Бог, абсолютно трансцендентный по отношению к ним». «Ахура Мазда и Злой Дух (Агра Манью) ни в коей мере не стоят на равной ноге. Агра Манью антитеза только Святого Духа (Спента Манью или Воху Мана), первоначально являющегося лишь одним из семи проявлений Бога (Амеша Спента) и таким образом подчиненного Ахура Мазде. Однако позже Ахура Мазда был отождествлен со Святым Духом, и Агра Манью стал противостоять ему непосредственно». [J.Varenne. Zarathoustra et la tradition mazdeenne. стр.166, 52-53. Р.Зенер (цит.соч., стр.43.) также считает, что в Гатах Ахура Мазда и Святой Дух не идентичны.] Во второй своей книге «Зороастр» Ж.Варенн вносит поправку, что отождествление Премудрого Господа и Святого Духа имеет место уже в Гатах. [J.Varenne. Zoroastre. стр. 46.] Дж.Мессина тоже находит это же отождествление в Гатах, в той же Ясне 30. [G.Messina. Der Ursprung der Magier und die zarathoustrische Religion. Roma. 1930. стр. 94.]

Сами современные парсы, затюканные христианами и индуистами, изо всех сил откращиваются от дуализма, т.е. как раз от того, что составляло самую сильную сторону учения Заратустры.

Исследователи, которые всякими способами подтягивают Заратустру к монизму, часто просто испытывают какой-то суеверный страх перед дуализмом. Откровенно его выразил Р.дю Брейль: «Следует допустить божественное происхождение Агра Манью до того, как он выбрал зло по своей свободной воле. Без этого остается неразрешимая тайна вечности Злого начала, которое происходит и получает жизнь неизвестно откуда. Бог больше не абсолютен и не всемогущий творец всей жизни. Мы впадаем в бездонный формальный дуализм, который ни классический гностицизм, ни манихейство не могли разрешить иначе, как провозгласив одинаковую вечность Бога и Князя тьмы». [P.du Breuil, цит.соч., стр.97.] А ПОЧЕМУ БЫ НЕТ? Только потому, что страшно? А убаюкивать себя мыслью, что Добро победит и так, механически, только потому, что мы дали ему фору в своем сознании, не опасно ли? Не приведет ли это к обратному результату, потому, что мы все валим на Бога, а сами ему помогаем не очень-то, скорее мешаем своим бесконечным попрошайничеством? Бог нуждается в нас не меньше, чем мы в нем – уместится ли такое у христианина?

Р.Зенер правильно считает маздеизм религией свободы воли *par excellence*. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.41.] Правильно ли он распространяет этот принцип и на выбор, сделанный Злым Духом, сказать трудно из-за неполноты источников, возможно, над Зенером довлеет образ христианского Люцифера, но действительную свободу воли проявляют фраварти, предсуществующие вечные души праведников, которые во время совещания с Ормаздом добровольно соглашаются воплотиться на земле, чтобы бороться со злом. [Там же, стр.76, 261.]

Да, Добро победит. В это верил и Заратустра. В Гатах сказано (Ясна 45): «Властителю лжи не удастся второй раз погубить мир». Но борьба будет нелегкой. И, выходит, он один раз уже победил? Когда же и каким образом? Как учат зороастрийцы, Бог завершил творение в день Хордад месяца Фарвардин. Это первый месяц зороастрийского календаря, начинающийся 21 марта, т.е. речь идет о 26 марта. Вершиной творения было создание первого человека – Гайомарта. Но тут в созданный Богом мир вторгся Ариман. Он захватил планеты, которые с тех пор остаются его сферой влияния [Дж.Мессина считает, что планеты были объявлены творениями Аримана в пику Вавилону, где они обожествлялись, потому что Вавилон во времена Сасанидов изображался центром врагов Заратустры (G.Messina, цит.соч., стр.56,61.)], убил Гайомарта и думал, что одержал окончательную победу. Но противовес Ариману составили созвездия Зодиака, авангард которых – звезда Сириус (Тиштрия, в позднейшем произношении – Тир. День Тир месяца Фарвардин приходится на 2 апреля).

Захватывающие дух глубины открываются в том объяснении сотворения мира, которое дают ортодоксальные дуалисты – зороастрийцы. Если еврейско-христианский бог сидел-сидел и вдруг ни с того, ни с сего, по собственной прихоти надумал сотворить мир, то по учению зороастрийцев он сотворил его не ради собственного удовольствия, а чтобы воздвигнуть барьер между самим собой и Противником, который, как он знал, «хочет атаковать его». [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.192.] Творение, таким образом, является обдуманной реакцией Бога против готовящейся атаки. Как объясняет зороастрийский богословский труд «Денкарт», составленный уже в эпоху арабского завоевания, создавая конечные творения для борьбы с Ариманом, Бог придал им бесконечное измерение – бессмертие.

Так понимает зороастриец смысл сотворения мира, таков для него смысл его жизни. [Там же, стр.222.] Материальный мир, являющийся собственным телом Ормазда (позднейшая форма от Ахура Мазда), обретет бессмертие, когда борьба будет закончена побе-

дой. [Там же, стр.226.] Дьявол, вторгшийся в тело Ормазда, оказывается в нем пленником. [Там же, стр.259.] (Вот кто, оказывается, скулит: тело – тюрьма). Реакция Ормазда на вторжение Аримана в материальное творение кажется замедленной, однако на самом деле она тщательно спланирована. Ормазд планирует одолеть Аримана не лобовой атакой, а поймать его в материальный мир, как зверя в ловушку. [Там же, стр.265.] Ариман же, пытаясь вырваться, распространяет абсурдные иллюзии о природе Ормазда и его творения, надеясь разделить их и разбить поодиночке. [Там же, стр.292.] Вот, оказывается, где истоки противопоставления материального и духовного мира, столь характерного для христианства и масонства!

Отсутствие этого противопоставления в своем учении подчеркивают и современные парсы. «Согласно учению Заратустры, говорят они, мы живем в обоих мирах, физическом и духовном, даже когда мы живем в этом физическом теле, и духовный мир – не иной мир, куда попадают только оставив физическое тело». [К.М.Talati, цит.соч., стр.60.] По Р.Зенеру, «нельзя сказать о зороастризме, что это религия от мира сего или не от мира сего: она от обоих миров». [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.278.]

Признание божественности этого мира, за исключением тех его частей, которые поражены «аримановской инфекцией», придает зороастрийской проповеди такую оригинальную черту, как оптимизм, который «противоположен метафизическому пессимизму буддизма, брахманизма, гностицизма, манихейства, равно как и христианства с его учением и первородном грехе и страхом перед адом». [J.Varenne. Zoroastre. стр. 74-75.] Ж.Варенн называет маздеизм «жизнелюбивой религией» [J.Varenne. Zarathoustra et la tradition mazdeenne. стр.86.], и это очень верно, равно как и ее противопоставление таким жизненна-вистническим религиям, как христианство, ранний буддизм и манихейство. «Зороастризм на всех этапах его развития был религией, которая с энтузиазмом и благодарностью принимает и благословляет все добрые создания в этом мире, равно как и в будущем». [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.45.] Заратустра – пророк жизни, и жизни все более изобильной. [Там же, стр.61.]

Телесные наслаждения ни в коей мере не рассматриваются в маздеизме, как несовместимые со спасением души. «Тело – наше оружие для борьбы с врагом и глупо не содержать его в надлежащем виде; это ваш конь, который понесет вас в битву, а ни один человек в своем уме не поедет на войну на полуголодной кляче». [Там же, стр.276.] Поэтому маздеисты резко осуждают аскетизм и уход от мира, который для них равнозначен измене Богу. [Там же, стр.283.] И не случайно, как сообщает Геродот (I,133), день рождения был у древних персов самым замечательным праздником.

Поскольку маздеизм осуждает уход от мира и умерщвление плоти, в нем, естественно, нет такого уродливого института, как монашество. Безбрачие считается грехом, а бесплодие женщины – Божьей карой. [J.Varenne. Zarathoustra et la tradition mazdeenne. стр.83.] «Зороастризму была чужда пессимистическая идея «скверны в человеке», отрицания участия человека в конечной победе добра над злом». [В.Г.Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, стр.76.] Грехопадение маздеисты понимают диаметрально противоположно христианам: Бог создал первых людей, чтобы они плодились и размножались, а они в течение 50 лет не имели сношений друг с другом. Первородный грех же состоял не в непослушании, а скорее в ошибочном суждении: люди приняли Дьявола за творца мира, а по канонам маздеизма ошибочно думать, будто тот, кто разрушает, тот и творит, и наоборот. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.267-268.]

В свете общих маздеистских установок об отношениях двух миров (восходящих в конечном счете к Гатам – «Даруй мне блага в обоих мирах, телесном и духовном» – Ясна 29, 2) следует рассматривать и вопрос о том, как они понимали воскресение. Пожалуй, пра-

вильней всего мыслит Р.Зенер: чисто духовное состояние с зороастрийской точки зрения должно считаться неполноценным: пока душа снова не соединится с телом, не может быть и речи о настоящем человеческом бессмертии. [Там же, стр.269.] Зато у П. дю Брейля, при всем его восхищении зороастризмом, говорит отрывка христианства с его приоритетом «духовности», когда он настаивает на духовном характере воскресения в зороастризме, а идею воскресения во плоти называет «нелепой». [P. du Breuil, цит.соч., стр.159.] Современные парсы под влиянием христианства тоже запели о духовном воскресении [К.М.Talati, цит.соч., стр.80.], и в этом – недопустимая уступка с их стороны, второе предательство собственной религии (первое, как сказано выше, касалось дуализма).

Средневековый маздеизм стоял на более правильных позициях, и в книге «Бундахишн» сказано даже, что после воскресения «мужчина и женщина будут взаимно желать друг друга и соединяться, только не будут рожать детей». [M.Mole. Le probleme zoroastrien et la tradition mazdeenne. Paris. 1963. стр.89.]

Еврей И.Шефтеловиц написал целую книгу, силясь доказать мнимую независимость иудейской религии от маздеизма. Доказывает он это путем передержек, подтасовок и прямой лжи. В частности, он утверждает, будто в Гатах вообще нет учения о воскресении, оно якобы появляется только в поздней Авесте. [J.Scheftelowitz. Die altpersische Religion und das Judentum. GieBen. 1920. стр. 194, 196.] Шефтеловиц жульничает тем же методом, что и его собрат Дармстетер: тот пытался «омолодить» все Гаты, номер не прошел, теперь этот пытается сделать то же с отдельными кусками. На самом деле не где-нибудь, а именно в Гатах (Ясна 34) сказано: «Если верно, что существует иной мир, о Мазда, Арта и Воху-Мана, то дайте мне знак, чтобы я мог обитать полностью (можно перевести также «всем своим существом») в этом мире». «Дай, о Мазда, желанное вознаграждение воплощенной жизни». «Ты можешь, Господи, мощью своей явить по своей воле мир воскресения».

Воскресение из мертвых – составная часть целого комплекса зороастрийских эсхатологических представлений, от которого ведут свое начало все краденые еврейско-христианские апокалипсисы. Конец нашего мира и начало царствия небесного предсказывает Ясна 43:

«Ахура Мазда, ты был первым при рождении мира, и при последнем круговращении мира ты придешь, благодетельный дух Мазда, с воинством небесным и Духом Святым и с теми, кого будет обучать Совершенный Учитель» (имеется в виду Мессия – в Авесте «Саошьянт», позже Сошанс. Эта идея тоже украдена евреями у иранцев). Шефтеловиц, разумеется, отрицает наличие в Гатах и этой идеи [Там же, стр.197.], но сам не говорит, что она во всяком случае старше идеи воскресения и содержится в Яснах 26 и 59 (не входящих в Гаты). На самом деле, обе идеи присутствуют уже в Гатах, нет только самого термина «Саошьянт», он появляется позже, притом употребляется во множественном числе, как в Ясне 12-13, зороастрийском символе веры. Мыслится целый ряд праведных учителей, называемых этим термином, последними из которых в конце времен предание называет трех потомков Заратустры: двое из них обновляют веру, а последний окончательно утверждает ее во всем мире. Это и есть спаситель человечества – главный Саошьянт.

Другой спорный вопрос – вечность кары для грешников. Современный парсизм утверждает, что «идея наказания вечным осуждением или вечным адом неприменима к учению Заратустры». [К.М.Talati, цит.соч., стр.81.] На этой же точке зрения стоят П.дю Брейль и Ж.Варенн. [P. du Breuil, цит.соч., стр.141. J.Varenne. Zoroastre. стр.76.] И вдруг откуда-то выскакивает опять Шефтеловиц и начинает доказывать, что в зороастризме ад первоначально был вечным, и лишь позже, под благотворным влиянием еврейского учения о милосердном боге идея прощения Богом всех проникла в маздеизм. [J.Scheftelowitz, цит.соч., стр.184, 213.] Ну, с Шефтеловица взятки гладки, но странно, что его поддерживает такой

глубокий знаток маздеизма, как Р.Зенер, тоже утверждающий, будто прощение осужденных в конце времен – идея позднего маздеизма, а у самого Заратустры адские муки вечны. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.57.] Кто же рассудит спорящих? Конечно, лучше всего сам Заратустра. А Ясна 48 говорит ясно: «В конце Ты поймешь каждого мужчину и каждую женщину». «Больше не будет смерти ни для демонов, ни для людей». Даже демонов – и тех Бог прощает! Возразят: не будет смерти, но не будет ли мук? Но смерть существует только для грешников (Ясна 29). Дарование жизни – это уже дарование прощения.

Пусть же Шефтеловиц и его христианские прихвостни не пудрят нам мозги своими сказками о «милосердии» еврейского бога! Мы отлично знаем его жестокий, мстительный, злобный, прямо-таки демонический характер. Лучше всех его описал (да кому же это сделать как не великому писателю) Лев Толстой: «Бог какой-то странный, дикий, получеловек-получудовище, по прихоти сотворил мир, какой ему хотелось, и человека такого, какого ему хотелось, и все приговаривал, что хорошо... Но вышло все очень нехорошо. Человек попал под проклятие и все потомство его». [Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений, т.23, стр.294.]

Этот бог дал евреям (и христианам) «священное писание» – Пятикнижие (Тору), в котором все время звучит: убить, убить и убить жен, детей и скотов. [Там же, стр.101.] Зато арийский Бог действительно милосерден, но проявляет он свое милосердие лишь после окончательной победы: преждевременное милосердие может оказаться лишь на руку врагу и выйти боком своим. В лозунге Заратустры: «Кто добр к злодеям, тот сам злодей» (Ясна, 46,6) заключалось тонкое понимание истинной сущности будущего Иисуса. Пока идет война, нечего впустую тратить слова, пытаясь переубедить служителей лжи. Одних молитв мало, необходимо действовать. [J.Varenne. Zoroastre. стр.50,54.] «Убеждай их мечом!» (Ясна 31, 18). А прежде, чем оказывать кому-нибудь благодеяние, посмотри, достоин ли этот человек, чтобы ему помогли. Словом, зороастризм – религия воинов, а не слюнтяев. Некоторые советские авторы утверждают также, что это религия богатых [И.С.Брагинский, цит.соч., стр.196.], ссылаясь на Видевдат, но в Гатах о помощи бедным говорится, как о служении Богу (Ясна 34, а в главной молитве маздеистов «Ахуна варья» (Воля Господня) есть слова: «Да придет царствие твое, Ахура, помогающий бедняку!»

Но, призывая сражаться за истину, как положено воину, Заратустра не возводит насилия в культ. Он говорит: «Да будет повержен гнев! Да будет уничтожена жестокость!» (Ясна 48,7). «Да сгинут злодеи, для которых жизнь – злоупотребление силой, и те, кому нравится убивать людей и кто заявляет, что это – самая прекрасная вещь на свете. Мазда осуждает их; и те, кто для потехи убивает животных; и священники, для которых деньги выше справедливости, и те, кто рвется к власти, чтобы грести деньги; и те разрушители мира, для которых стенания – лучшая музыка, и те, кто мешает апостолу слова Твоего учить Добру». (Ясна, 32).

Не в пример христианству, для зороастризма далеко не всякая власть от Бога, Ясна 53 молит о ниспослании доброго царя, который бы покарал насильников, ибо «то царство от тебя, о Мазда, которое улучшает судьбу честных бедняков». И наоборот: «царство, увлекаемое ко злу, погибнет» (Ясна 49). Позже книга Денкарт добавила: «Лучшие из людей – добрый и мудрый царь и религиозный вождь эпохи, худшие – злой тиран и еретик века». Денкарт полемизирует именно с христианами: «Неверные утверждают, будто и злой царь – тоже от Бога. Их мнение ложно. У них получается, будто и в царствии божьем есть зло, будто Бог – плохой правитель, будто творение имеет склонность ко злу и будто в существовании Бога содержится и демоническое». И Денкарт подробно объясняет, что те цари, которые исповедуют ложную религию, убивают невинных и правят по своему произволу. Их ждет ад. [M.Mole, цит.соч., стр.43-46.]

Много повоевал Заратустра не только за людей, но и за животных. Известно, какие огромные масштабы принимали в языческом мире кровавые жертвоприношения. Заратустра категорически выступил против них и на этой почве и разгорелся его конфликт со служителями традиционной религии. Он осудил даже легендарного царя Ииму как первого пожирателя быков. Особенно много внимания уделил этому конфликту в своей книге «Заратустра и преобразование мира» П.дю Брейль. Он тонко чувствует эту проблему и с особенной болью и возмущением пишет о том, что в языческих гимнах Яштах, включенных в Авесту позже, хитрые маги-составители заставляют самого Заратустру приносить в жертву языческим богам быков и коней. [P. du Breuil, цит.соч., стр.190.]

Вот теперь, когда мы немного представляем себе, что такое зороастризм, можно и поговорить о приоритете. Шефтеловиц со своей общееврейской (и общехристианской) точки зрения доказывает, разумеется, оригинальность еврейского религиозного творчества и отрицает какие бы то ни было иранские заимствования, кроме некоторых мелких суеверий. Какими методами он при этом пользуется, мы уже говорили, как рекламирует своего звероподобного бога, тоже знаем. Добавим еще, что в качестве мишени он избирает не зороастризм в узком смысле слова, а маздеизм в широком. Такая мишень более удобна из-за наличия в ней языческих загрязнений. И Шефтеловиц шпыняет иранцев их «телесными представлениями о богах», но ссылается на Ясны 1 и 36 и на Яшт 17, а не на Гаты. [J.Scheftelowitz, цит.соч., стр.7.] Пытается он также доказать, будто евреи имели представление о бессмертии души и до контакта с иранцами [Там же, стр.159.], но умалчивает, о каком именно бессмертии идет речь. Евреи знали шеол, безрадостное обиталище бесплотных духов наподобие описанного в «Одиссее», но не знали бессмертия как награды, которое проповедывал Заратустра и в которое верят теперь христиане, не желая знать, кому они, собственно, обязаны этой верой.

Оригинальность, говорите? О ней лучше всех сказал А.Древс: «Представление об оригинальности иудейского религиозного творчества, получившей свое выражение в Ягве, является одним из тех предрассудков и мифов в истории религии, от которых науке пора раз и навсегда отделаться». [А.Древс. Миф о Христе. М., 1923, т.1, стр.183.] А.Древс настаивал на том, что Ягве получил свой одухотворенный характер под влиянием парсизма [Там же, стр.181.], и что иудейская идеология восприняла у персов идею личного бессмертия [Там же, стр.12.]. Но, несмотря на то, что книги А.Древса издавались у нас в 20-е годы и есть положительный отзыв В.И.Ленина об этом авторе, евреи могут завопить, что Древс – фигура одиозная, он ведь потом стал нацистом. Ладно, оставим Древса, дадим слово замечательному советскому ученому Н.М.Никольскому и тоже услышим от него призыв «покончить все счеты с легендой об извечном еврейском монотеизме» [Н.М.Никольский. Избранные произведения по истории религии. М., 1974, стр.41.] вместе с подробнейшим обоснованием, почему именно это следует сделать. Дадим слово другому советскому историку, Р.Ю.Випперу, и он тоже скажет, что под иранским влиянием «иудейский Ягве принял черты бога света Ахура Мазды; воспринято было представление о суде божьем, о рае и аде, о воскресении мертвых, о переселении душ в небесный светлый мир». [Р.Ю.Виппер. Рим и раннее христианство. М., 1954, стр.17-18.]

Дадим слово итальянскому коммунисту А.Донини и опять услышим: евреев «ошибочно считают по преимуществу монотеистическим народом». «В период вавилонского пленения наиболее развитой формой еврейской религии была пожалуй монолатрия (единопочитание), или культ одного бога, а не признание существования единого бога, т.е. монотеизм». [А.Донини. Люди, идолы и боги, стр.80,112.] Возьмем изданную в США популярную книжку «Как начинались великие религии». Вот что пишет ее автор, Джозеф Гаер: «Изукая зороастризм, евреи не только пришли к очень важному выводу, что в мире есть только

один Бог, но изучили и другие жизненно важные теории, которые изменили их старую религию. Одной из них была вера в жизнь после смерти. Из зороастризма евреи впервые узнали о рае и внесли эту веру в свою религию. Еще более важным верованием, которое евреи заимствовали из зороастризма, был их изменившийся взгляд на пришествие Мессии...

Спаситель зороастрийцев был не национальным героем, который принесет славу и власть персам. Их Саошьянт должен был спасти весь род человеческий от власти Злого Духа». [J.Gaer. *How the Great Religions began*, стр.154.] Дж.Гаер еще мягко выражается «национальный герой». Мессия по представлениям евреев должен принести мировое господство «чертоизбранному народу». Денационализация еврейского учения о спасении произошла лишь под влиянием персидской теологии. [А.Донини, *цит.соч.*, стр.216.] Уже известный нам П.дю Брейль приводит мнения других французских авторов. Клермон-Ганно: «Иудаизм – только эманация маздеизма». Белланже: «Персы не имели ни одной догмы, которую бы иудаизм не присвоил». [P.du Breuil, *цит.соч.*, стр.238.]

П. дю Брейль считает такую точку зрения крайней, но согласен, что «иудаизм унаследовал зороастрийскую эсхатологию и апокалиптику, которые влекли за собой новые верования, столь капитальные, как бессмертие души, воскресение во плоти, посмертное воздаяние за деятельность при жизни». «Преобразование еврейской религии после пленения шло в направлении дематериализации верований и моральной спиритуализации всей религиозной мысли». [Там же, стр.241-242.] «Великие идеи зороастризма, которые мы снова находим в том же или видоизмененном виде, таковы: сверхкосмический монотеизм, делающий уступки дуализму в лице Сатаны – бессмертие души – повышение человека в ранг духовно-зрелого существа, делающего из своей свободной воли орудие преобразования мира – воскресение из мертвых – ангелология и демонология – апокалиптическая эсхатология – духовный мессианизм». [Там же, стр.278.] Самым иранизированным течением в иудаизме П.дю Брейль считает эссеистов [Там же, стр.281.], т.е. именно ту среду, из которой вышли Иоанн Креститель и сам Иисус.

Имея в виду уже мировое влияние зороастризма, Эд Мейер пишет о нем: «В образе Дьявола и властвующего в этом мире зла, во всей демонологии, в вере в Страшный суд над каждой душой и воскресение во плоти, во всей теории спасения его основные представления проникли в религии западного мира в смеси с иудаизмом и оказали решающее влияние на христианство и ислам». [Ed Meyer, *цит.соч.*, т.2, стр.80-81.] Наконец, Р.Зенер признается: «Так и подмывает сказать, что все, что было жизненного в учении Заратустры, перешло в христианство через плененных евреев». [R.C.Zaehner, *цит.соч.*, стр.171.]

Повторю в несколько расширенной формулировке: прежде, чем восхвалять и наследовать еврейскую религию, поищите, у каких арийцев евреи эту религию украли.

К какому же времени относится начало зороастрийского влияния на евреев? Обычно ссылаются на период знаменитого «вавилонского плена», начавшийся в 586 г., когда вавилонский царь Навуходоносор II окончательно разгромил Иудейское царство и его столицу Иерусалим и угнал множество евреев в Вавилон, откуда их выпустил основатель Персидского царства Кир, взявший Вавилон в 538 г. и доныне благословляемый евреями. Однако культ Яхве, как единого бога, был установлен еще в 622 г., когда в иерусалимском храме якобы нашли, а на самом деле только тогда специально составили т.н. Книгу Закона. Этим годом и следует датировать еврейский монотеизм. В древнейшей части Библии, восходящей к IX в. употребляется термин «элохим», т.е. «боги» во множественном числе, в VIII в. в качестве главного бога выдвигается Яхве, а в VII в. он окончательно подминает под себя всех. [В.И.Авдиев. *История древнего Востока*, стр.382, 406.] Но 622 г. – это ведь еще до вавилонского плена? Правильно, но это был не первый плен. За 100 лет до «рождения

иудаизма в собственном смысле слова», как называет события 622 г. П. дю Брейль [P. du Breuil, цит.соч., стр.252.], ассирийский царь Саргон II разгромил Израильское царство и увел в плен 27 тысяч евреев, которых переселил в Мидию и Месопотамию. Тогда и начались контакты евреев с иранским миром. А как уже говорилось, в ассирийских списках богов Ассара Мазас появляется в VII в. до н.э., т.е. именно в том веке, в котором возник иудаизм. Мало того: Ктесий Книдский сообщает легенду, слышанную им при дворе Артаксеркса II, о походе ассирийского царя Нина, основателя Ниневии, на Бактрию. В этом походе якобы участвовала знаменитая Семирамида (Шаммурамат) (конец IX в. до н.э.). У римского историка Помпея Трога это подано так: «Последнюю войну Нин вел с Зороастром, царем бактрийским, который первый, как говорят, изобрел магическое искусство и усердно изучал сущность мира и движение звезд». [Е.Е.Кузьмина. В стране Кавата и Афрасиаба, стр.32,123.] Таким образом, контакты между товарищами по несчастью, пленниками из разных стран, завязались, по всей видимости, уже в недрах Ассирийской мировой деспотии.

В конце VII в. на развалинах Ассирии возникло Мидийское царство. Мидийцы – первый иранский народ, вышедший на арену мировой истории, но от них не дошло никаких упоминаний ни о Заратустре, ни о его Бога. Запомним это обстоятельство. Мидян сменили персы. Основателем персидского царства стал Кир (558-529 г. до н.э.). Сразу же следует обратить внимание на тот факт, что этот царь известен не под иранским, а под эламским именем. «Куруш» на эламском языке означает «пастух». Персидское имя Кира известно в искаженной передаче, как Аградат (может быть, Ахуратат – «дар Ахуры»). [O. von Wesendonk, цит.соч., стр.6.]

Элам был страной древней и высокой культуры, Кир стремился опереться на его традиции с целью поднятия своего престижа и для ускорения ассимиляции персов с эламитам. Эламиты, как теперь выясняется, были родственны по языку дравидам [М.М.Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 34.], теперешнему населению Южной Индии. Те «эфиопы», которые во главе с Мемноном шли на помощь Трое, были именно эламитами [O. von Wesendonk, цит.соч., стр.5.] – не зря персы потом изображали себя перед греками мстителями за Троию. Однако для дравидского мира наряду с высоким уровнем культуры, как мы уже говорили, были характерны жестокие культы, именно поэтому Равана в «Рамаяне» предстает в образе страшного людоеда. Иранскую богиню Анахиту сопоставляют с эламским божеством Наххунте [S.Wikander, цит.соч., стр.64.], и есть основания считать эту генеалогию верной: тогда понятно, от кого персы взяли дурной обычай жертвовать этой богине отрубленные головы врагов.

Создавая свое царство, Кир поддерживал все культы, не выдвигая ни один из них на особое место. Взяв Вавилон, он стал опираться на местное жречество и изображать себя сторонником вавилонской религии. «Мардук, великий владыка, благословил меня, Кира, царя, чтущего его». У Кира мы не находим никаких следов ни маздеизма, ни национально-го сознания – над ним еще целиком довлеет авторитет Вавилона и Элама. Кир погиб в Средней Азии в борьбе с царицей массагетов Томирис. Его сын Камбиз (Камбуджий) по характеру очень напоминает нашего Ивана Грозного, а последовавшие за его смертью события – наше смутное время. Камбиз убил своего брата Бардию, а мидийские маги выдвинули из своей среды самозванца Гаумату, который стал выдавать себя за Бардию, поднял восстание и захватил власть. И здесь самое время сказать о магах, с которыми античная традиция ошибочно связала имя Заратустры.

Геродот называет магов мидийским племенем (1.102). Их положение среди остальных мидийцев часто сравнивают с положением колена Левит среди евреев – возможно, что от магов левиты и заимствовали свою организацию.

Дж.Мессина в своей диссертации «Происхождение магов и зороастрийская религия» (Рим, 1930) с помощью ряда филологических фокусов попытался доказать недоказуемое – будто маги и есть самые натуральные исконные зороастрийцы. У Мессины есть и союзники, но большинство ученых придерживается противоположной точки зрения и имеют на то все основания. Б.Брентьес называет религию магов дозороастрийской [B.Brenties, цит.соч., стр.126.]. С.Викандер квалифицирует магов, как новообращенных зороастрийцев, но затрудняется сказать, в какое время произошло это обращение [S.Wikander, цит.соч., стр.175.], по Р.Зенеру зороастрийская религия первоначально не имела ничего общего с магами [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.15.], четко различает зороастризм и религию магов П.дю Брейль [P.du Breuil, цит.соч., стр.19.].

Какую именно религию представляли маги, нам должно подсказать их мидийское происхождение. Мидийцы, по Геродоту, в прошлом называли себя ариями (VII.62), и П.дю Брейль идет по верному следу, считая их главным богом Митру [Там же, стр.188.] – бога общеарийского языческого пантеона, занимающего видное место и в Ведах. Маги были хранителями арийской языческой традиции и когда обстоятельства вынудили их принять маздеизм, маги не оставили своих старых верований, а начали потихоньку проталкивать их в маздеизм.

Так в Авесту попали Яшты, так произошло загрязнение зороастрийского монотеизма языческими примесями. Но это не единственная грязь, которую приволокли с собой маги, они подцепили и халдейские учения [G.Messina, цит.соч., стр.30.], т.е. вавилонскую астрологию. Эту пеструю смесь и узнал потом Запад, как «учение Зороастра» и стал почитать последнего за «великого мага», за «изобретателя магии». Этим кстати и объясняется могущее вызвать кое у кого подозрения почитание Зороастра масонами, падкими на всякую магию: они чтут выдуманного Зороастра, не имеющего ничего общего с реальным историческим Заратустрой и его учением. Впрочем, есть и версии, отрицающие исконное арийство мидийцев. Предполагают, что мидийский племенной союз сложился не как союз иранских племен, а как объединение каспо-язычных племен, близких эламитами [С.Ш.Чагдуров. Происхождение Гэсэриады, стр.54.].

Что ж, тем хуже для магов и тем больше оснований не согласиться с парсийской традицией и с А.И.Чайковским, объявляющими Заратустру мидийцем, а то новоявленный панмонголист С.Ш.Чагдуров уже строит по-азиатски примитивные рассуждения: мидийцы не арийцы, Заратустра – мидиец, следовательно, зороастризм не был исконно иранской религией. [Там же, стр.61.]

Мидийский самозванец был свергнут Дарием, который восстановил законную власть и выступает перед нами уже как несомненный маздеист: «Бог великий Ахура-мазда, который то небо создал, который эту землю создал, который человека создал, который благоденствие создал для человека, который Дария царем сделал, который Дарию царю даровал царство великое». Геродот пишет, что свержение Гауматы сопровождалось избиением магов, и это событие стало для персов великим праздником (III.79). Приход явного маздеиста Дария и избиение магов – не очень-то это вяжется с версией о магах-зороастрийцах, равно как и с фразой из зороастрийского кредо: «Отрекаюсь от дэвов и магов» (Ясна 12,4).

Характер магов хорошо понял С.Викандер. Он пишет о тех магах эпохи Сасанидов, которые тогда уже прибрали к рукам зороастризм: «Это все те же фанатичные, драчливые и склонные к интриганству люди, которые с большим успехом, чем при Гаумате, рвались играть политическую роль. Они сменили древнеиранские концепции на зороастрийские и столь же цепко ухватились за новую систему... Разумеется, этот зороастризм не был особенно глубоким» [S.Wikander, цит.соч., стр.206.].

Между учеными идет спор, были ли цари первой персидской династии Ахеменидов зороастрийцами. Ж.Варенн прямо утверждает, что нет. [J.Varenne. Zoroastre. стр.56.] С ним согласен и М.М.Дьяконов [М.М.Дьяконов, цит.соч., стр.65.]. У Б.Брентьеса вызывает сомнения тот факт, что ни один ахеменидский документ не называет имени Заратустры, и если бы мы не имели упоминаний в греческих источниках, относящихся к V в до н.э., мы могли бы вообще усомниться в его исторической реальности [B.Brenties, цит.соч., стр.126-127.]. На этот аргумент Р.Зенер остроумно возражает, что в надписях такого рьяного пропагандиста буддизма, как царь Ашока, Будда упоминается всего один раз [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.155.]. Нужно учитывать, что отношение к основателю религии и к самой религии бывает разным. Когда фанатики из мусульманской секты карматов захватили Мекку, они оплевали гробницу пророка Мохаммеда из принципа, чтобы почитали одного Аллаха и больше никого, но отсюда не следует, что карматы не были мусульманами. В споре о религии Ахеменидов нужно учитывать и чисто политический момент. По словам С.А.Токарева «религиозная политика Ахеменидов была ловкой и осторожной: они не трогали тех культов, которые существовали в завоеванных ими семитских и других государствах Передней Азии и Египта; но в иранских странах они ввели строго централизованный культ Агура Мазды и строго запрещали старый культ дэвов» [С.А.Токарев, цит.соч., стр.383.]. Вопрос может стоять лишь так: были ли ахеменидские цари маздеистами в широком смысле слова или зороастрийцами в узком? Ответ будет: смотря какие именно цари. Р.Зенер находит, что в основе надписей Дария лежит образ мыслей первоначального зороастризма [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.157.], и в этом, пожалуй, прав. Начиная с Дария в Иране правят цари-зороастрийцы.

Дарий пришел к власти в 521 г., а в 512 г. он совершил свой знаменитый поход против причерноморских скифов, описанный Геродотом. Таким образом, за полвека до рождения Христа в наших южных странах уже развеялось знамя Ахура Мазды. О фон Везендонк относит к этому периоду и проникновение маздеистских религиозных идей в наши места [O. v. Wesendonk, цит.соч., стр.16.].

При Дарии же начались греко-персидские войны, которые продолжил его сын Ксеркс (Хшайрша) (485-465). Кроме похода на Грецию он знаменит также походом против язычества у себя в царстве. Он оставил надпись: «Волею Ахдра-Мазды я разрушил эти капища девов и повелел, чтобы девам впредь не поклонялись.

Где ранее поклонялись девам, там я почитал Ахура Мазду». Б.Брентьесу тон и содержание этой надписи напоминают страстные проповеди Заратустры. [B.Brenties, цит.соч., стр.143.] М.М.Дьяконов и Р.Зенер считают, что Ксеркс ввел зороастризм как государственный культ [М.М.Дьяконов, цит.соч., стр.98, R.C.Zaehner, цит.соч., стр.160.].

Преемник Ксеркса Артаксеркс (Артахшатра) I (465-425) ввел зороастрийский календарь. Этим царем заканчивается список царей, которых можно назвать зороастрийцами, правивших Персией на протяжении ста лет. Тем временем маги, оправившиеся после удара, нанесенного им Дарием, постепенно набирали силу, выступая уже как рьяные зороастрийцы, а на самом деле потихоньку извращая зороастризм в духе привычных им верований. И в результате этой подспудной деятельности при Артаксерксах II и III снова выплыли на первый план и встали рядом с Ахура Маздой Митра и Анахита, так что следующие цари Ахеменидской династии были уже маздеистами, а не зороастрийцами. И разгром персидской державы Александром Македонским в 330 г. и гибель династии ортодоксальные зороастрийцы считали Божьей карой за отступничество. Однако христианам нечего злорадствовать по этому поводу, в их религию набилось не меньше языческих элементов, вроде культа Богородицы или Георгия Победоносца, героя-змееборца арийских мифов. Кстати, красные ленточки на ногах коня Георгия Победоносца на русских иконах попали

на них из искусства Сасанидского Ирана. Они называются кусти и были непременным атрибутом божеств и героев, признаком избранничества свыше. [Л.А.Лелеков. Искусство древней Руси и Востока. М., 1978, стр.8-9.] Кусти – это название священного шнура, который маздеисты надевают на ребенка, принимая его в общину, и носят всю жизнь.

Долгие войны персов с греками, а позже с римлянами, затрудняют нам понимание древнего Ирана, поскольку мы сплошь и рядом знаем его лишь из враждебных источников. Это все равно, что судить о России по западно-европейским свидетельствам. В.Соловьев вопрошал Россию: «Каким ты хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?» Он, очевидно, думал, что Восток Ксеркса – это деспотия и больше ничего. Точно так же Европа смотрит на Россию. Но России было присуще глубокое религиозное сознание, а Восток Ксеркса опередил Запад в религиозном плане на 800 лет.

Не все, конечно, греческие и римские историки предвзяты. Очень интересное и объективное сообщение о Персии дал, например, Геродот. Его данные часто привлекаются, как аргумент, в споре о «религии Ахеменидов». Но нужно подходить более конкретно. Геродот был современником Артаксеркса I, а в этот период, как мы знаем, усиливается влияние магов.

Первое, что поразило Геродота: «Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у персов не дозволяется: тех, кто поступает противно их установлению, они обзывают глупцами, потому, что не представляют себе богов человекообразными» (I, 131). Таким образом, персы не творили себе кумиров и не погрязали в идолопоклонничестве. И до сих пор индийские парсы совершают богослужение на берегу океана. Его описал захвативший однажды из США в Бомбей Э.Карнеги, потрясенный этим зрелищем:

«Они сошлись для свершения своего религиозного обряда на берег океана, когда солнце уже садилось в море и тонкий серебряный серп только что родившегося месяца слабо мерцал на горизонте. Перед нами были огонь в своей самой величественной форме – в виде заходящего солнца и вода, раскинувшаяся на громадном просторе Индийского океана. Под их ногами лежала земля, и ветерок, доносившийся с моря, был исполнен благоуханий. Поистине нельзя было найти места или времени, которое было бы более способно перенести душу в мир, лежащий за пределами наших чувств, и я не мог не присоединиться к этим людям в поклонении тому, что было так величаво прекрасно. В их богослужении не было никакой музыки, кроме торжественного рокота волн, которые с пеной разбивались о берег залива. Но кто мог бы найти более могучий орган и более величественные песнопения? Какой невыразимо прекрасной показалась мне эта сцена и какими ничтожными и недостойными неведомого представились мне наши соборы... Когда я подумал об этом созерцании Бога природы в его природе... я видел много форм и способов богослужения, из которых иные возбуждают омерзение, другие вызывают грусть, немного возвышают душу звуки органа, но все они были бедны в сравнении с этим зрелищем». [А.Л.Погодин. Религия Зороастра. Сиб., 1903, стр.22.]

Вспомним, о чем мы говорили во 2-ой части: гармония между Богом и природой, между человеком и природой. Первое мы имеем в зороастрийской теории сотворения мира, второе – в богослужении. А.Л.Погодин делает правильное наблюдение, что в зороастрийскую религию «влилась могучим потоком стихия эстетического обожествления мировой красоты и порядка». [Там же, стр. 10.] И.С.Брагинский тоже отмечает: «Восторженное, наивно детское любование природой чувствуется... в многочисленных славословиях природы, рассыпанных в различных местах Авесты». [И.С.Брагинский, цит.соч., стр.34.] Геродоту понравилось в персах, что «в реку они не испускают мочи, не плюют, не моют в ней рук и никому другому не позволяют этого: реки чтут они очень высоко» (I, 138). Что ж, ничего

не скажешь, дело охраны окружающей среды от загрязнения было поставлено на высоком уровне!

А как же обстоит дело со знаменитыми храмами огня? Этот вопрос обстоятельно изучил С.Викандер. Он установил, что древнейшие святилища огня в Иране относятся к эпохе Артаксеркса II и их появление тесно связано с возрожденным культом Анахиты [S.Wikander, цит.соч., стр.86.], т.е. их сооружение – дело рук магов. Геродот знал, что персы почитают огонь за божество и сожигание трупов у них не в обычае (III,16), но он не знал имени Анахиты и почему-то спутал Митру с Афродитой (I,131). Но эта путаница станет понятной, если мы вспомним о двуедином образе огня у иранцев. С огнем связаны и Анахита, и Митра. Не случайно храмы огня у современных персов называются «домами Митры». О погребении не путем сожжения, а принятым доныне у парсов способом, Геродот знает, как об обычае магов (I,140), тогда как Ахеменидских царей сжигали по древнему арийскому обряду. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.162.] Откуда маги взяли свой – покрыто мраком неизвестности, во всяком случае жуткий для нас погребальный обряд парсов мы можем с полным правом считать незороастрийским. Да и название знаменитых «башен молчания» – «дахме» происходит от глагола «дах» – сжигать и ясно указывает на первоначальную форму погребения.

Интересно и сообщение Геродота, что маги «вменяют себе в заслугу уничтожение возможно большего числа муравьев, змей и других пресмыкающихся и летающих животных» (I,140). Этот обычай связан с дуалистическими представлениями персов, восходящими, несомненно, к Заратустре, но неизвестно, доводил ли сам Заратустра свою общую установку до таких мелочей. В первом фаргарде Видевдата Ахура Мазда творит 16 совершенных стран, а Агра Манью в каждую из них подпускает какую-нибудь пакость. Агра Манью и его демоны насылают болезни, голод, смерть и всякое зло. Он создал бесплодные земли и болота, змей, скорпионов и ядовитых насекомых, а также зиму с ее холодом. Не зря в русском языке слова «мороз» и «мерзость» происходят от общего корня – это тоже след иранского влияния. Что же касается магов, то они своим демонстративным уничтожением «творений Аримана», возможно, хотели доказать свою необыкновенную приверженность к зороастризму, изобразить себя большими зороастрийцами, чем сам Заратустра.

В Персии, по Геродоту, «молиться только за себя совершающий жертву не вправе; он молится о благополучии всех персов и царя» (I,133). Что же, значит для персов, как и для русских, интересы всего народа и государства были выше интересов отдельной личности. «Лживость считают они постыднейшим пороком, вторым после него иметь долги» (I,138). «Обучают они детей только трем предметам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости» (I,136). По изучению Заратустры, ложь – главное оружие Аримана, поэтому персы так высоко ценили правду. «Произведшему наибольшее детей царь ежегодно посылает подарки» (I,136). Было, стало быть, и государственное стимулирование рождаемости. «Ни сам царь не предаст никого смерти за одну вину, ни другой кто-либо из персов не наказывает смертью своих слуг, провинившихся однажды» (I,137). Тоже неплохой обычай. Вообще, мораль была на высоте. Геродот с удивлением записал: «Говорят, ни один из них не убил никогда своего отца или матери». Для греков это было в диковинку.

Мы можем узнать себя и в некоторых бытовых штрихах, например, в обычае приветствовать друг друга поцелуем в губы (I,134), и даже в недостатках. «Обычаи чужеземцев персы перенимают охотнее всякого другого народа» (I,135). А мы чем лучше? Или: «Вино персы очень любят... Важнейшие дела обсуждают они во хмелю, причем принятое мнение предлагается снова уже трезвым на следующий день хозяином дома... Если о чем-либо они предварительно совещаются в трезвом виде, то решают его во хмелю» (I,133). Ай-яй-яй, как нехорошо! И как похоже!

От греческого ига Иран освободил новый народ скифского происхождения – парфяне. Судьбы зороастрийского учения в парфянский период темны и неясны. Отдельным парфяньским царям I в. н.э. – Фраату V, Вологезу I – традиция приписывает собирание списков Авесты, сожженных Александром Македонским. Г.А.Кошеленко считает, что парфяне тоже были зороастрийцами, как и персы, но придерживались иного направления внутри зороастризма [Г.А.Кошеленко. Родина парфян, стр.186.], другие отрицают это. В этом вопросе пока не за что ухватиться, чтобы придти к определенному выводу. С точки зрения истории религии парфянский период отмечен одним событием: из Ирана в Римскую империю выполз митраизм.

Митра, который нашел радушный прием у римлян, уже не тот исконный арийский бог, которого мы знаем по Ведам, бог согласия между людьми, от имени которого происходит наше слово «мир». От того Митры осталось одно имя, а обрамление нового Митры так и светится сполохами адского пламени. Как обрадовал нас Плутарх, Митра научил людей приносить жертвы и Ормазду, и Ариману. [S.Hartman. Gayomart, стр.69.] И люди научились: в памятниках римского митраизма в самом деле встречаются надписи: «богу Ариману» [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.125.]. Митра то начинает играть роль посредника между Ормаздом и Ариманом [W.Belardi. Studi mitraici e mazdei. 1977, стр. 113.], то прямо замещает Аримана в роли убийцы Первобыка [S.Hartman, цит.соч., стр.70.] – была в зороастризме такая теория, возводившая жертвоприношения животных к Дьяволу. В митраизме же жертвоприношение быка и крещение бычьей кровью стало главным священнодействием при посвящении в митраистские мистерии. Все наоборот. Впрочем, это наоборот имело в Иране давнюю традицию. Как пишет П. дю Брейль, во времена Заратустры отряды наемников, состоявшие на службе у иранских князей – кави, создавали под знаком Митры общины воинов-Марья. При посвящении в общину они купались в крови, эмблемой своей избирали дракона или волка и сражались полуобнаженными под черным знаменем. [P.du Breuil, цит.соч., стр.43,64.] В Индии богом победоносного воинства был Индра, а Митра, как уже говорилось, богом согласия, иранцы же не знали Индры, и Митра совмещал у них обе функции. Как бога воинов его и полюбили римские солдаты, и армия стала главным рассадником митраизма в Римской империи. [J.Grill. Die persische Mysterienreligion im römischen Reich. стр.34-36.] Ну а зависимость римских императоров от своих солдат хорошо известна и почитателями Митры объявили себя Коммод, Диоклетиан и Юлиан.

В митраизме была и сложная система степеней посвящения с символическими названиями типа «лев», «перс», «солнечный бегун», «отец», очень похожая на те игры, которыми до сих пор забавляется масонство.

Но кроме обрядовой стороны митраизм имел и свою теорию, с зороастризмом ни в коей мере не связанную и даже ему противоположную. Как показал Р.Зенер, римский Митра выступает в роли бога-спасителя от этой жизни, находящейся под враждебным контролем Зодиака и планет, ангелов слепой судьбы. В митраизме силы зла якобы стремятся помешать человеку освободиться от оков материального мира, в то время как в зороастризме силы зла стремятся уничтожить все живые существа в этом мире, потому что этот мир сам по себе является творением сил добра и их средством защиты против зла. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.99,130.] Эта теория уже явно отдает гностицизмом и С.Петреман правильно определяет митраизм, как зерванитский гностицизм. [S.Petrement, цит.соч., стр.327.]

Гностицизм известен как ересь, с которой долго боролось христианство, официально ее осудило, но так до конца и не побороло. Наряду со сложными, как в Каббале, теориями «эманаций божества» для гностицизма характерно отрицание мира сего, который объявлялся творением не Бога, а демиурга или прямо Дьявола, с которым отождествлялся Яхве Ветхого Завета. Последнее вроде бы и неплохо, но беда в том, что гностики вместе с водой

выплескивали и ребенка, т.е. материальный мир. Официальная христианская церковь отстаивала принцип божественного творения материального мира, и в этом она была права, но она упорно обзывала Бога-творца кличкой Ягве и продолжает делать это до сих пор.

Таким образом, христианство и гностицизм были теми противниками, о которых говорится «оба они хуже». Каждая сторона была права лишь наполовину. Это можно воспринимать как симптом того, что настал тот предсказанный зороастрийскими теологами 3000-летний период смещения истины и лжи, за которым последует их окончательное разделение. Гностицизм породил длинный ряд ересей, как зороастрийских, так и христианских – манихейство, павликианство, богомилство, катаризм, и все они отличались тем же, что у гностиков, отношением к материальному миру. Отпрыском гностицизма является и масонство, которое учит сознать иллюзорность физического мира и презирать создаваемые им препятствия. От гностицизма внутри самого себя так и не смогло избавиться христианство. А.Робертсон называет Евангелие от Иоанна гностическим Евангелием [А.Робертсон. Происхождение христианства. М., 1956, стр.234.] и с этой точки зрения и понимает известные слова Иисуса «Ваш отец – Дьявол», за которые, как утопающий за соломинку, цепляются христиане-антисемиты.

Но не зря на почетном месте в масонских ложах всегда возлежала Библия, открытая именно на Евангелии от Иоанна. Не зря именно в этом Евангелии сказано: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало» (6,63).

А.Древс написал даже книгу с характерным названием «Происхождение христианства из гностицизма». Разумеется, неправильно считать гностицизм единственным источником христианства, но в него, вероятно, через ессеев и учеников Иоанна Крестителя, безусловно, влилась сильная струя гностицизма, «великой общевосточной тайной религии», «синтетического образования из религий главнейших народов» [А.Древс. Происхождение христианства из гностицизма. М., 1930, стр.56.]. Установить, из какого именно центра расплодился гностицизм, столь же трудно, как поймать черта за хвост. Им уже были заражены орфики, пифагорейцы, буддисты, но первоисточник зла скрыт от наших взоров где-то на ностратическом уровне.

С митраизмом Л.Н.Гумилев пытается связать и другое дьявольское произведение – тибетскую темную религию бон, создание которой он приписывает эламцу Шенрабу, который бежал на Восток после установления в Персии зороастризма при Ксерксе [Л.Н.Гумилев. Старобурятская живопись. М., 1975, стр.21-23.]. Но Л.Гумилев ошибочно считает Митру богом Шенраба: это арийский, а не эламский бог. Об эламо-дравидском мире, как об источнике темных и жестоких культов мы уже говорили, хотя грешны не только дравиды: такие же культы были у семитов, например, у финикийцев, и у некоторых арийцев (кельты). Корни опять уходят на ностратический уровень.

Мидийские маги отождествили своего Митру и с зороастрийским Саошьянтом. [J.Grill, цит.соч., стр.18.] Каждый год они собирались на вершине Горы Победы, где находилась пещера, окруженная источниками и деревьями, и ждали в течение трех дней появления звезды, которая предвещала рождение Саошьянта, царя мира, Митры. [P.du Breuil, цит.соч., стр.306.] Отсюда знаменитые маги и притопали прямо в Евангелие. Впрочем, это не единственное заимствование из митраизма, попавшее в христианство: отсюда же и рождение Христово 25 декабря (рождество Митры), и причащение хлебом и вином, и колокольный звон. [Там же, стр.360.]

По словам Н.А.Куна, Митра был главным и самым грозным противником Христа в Римской империи. [Н.А.Кун. Предшественники христианства, стр.112.] Но та мешанина, которую представлял собой римский митраизм, реальной альтернативой христианству служить, конечно, не могла.

В 226 г. н.э. в Иране произошел переворот. Парфянский царь Артабан V был свергнут персидским царем Ардаширом из рода Сасанидов. Новая династия выступила как наследница Ахеменидов и повела линию на возврат к тем порядкам, которые существовали до нашествия Александра Македонского. Новые перспективы открылись и перед маздеизмом, который вскоре стал государственной религией. Сохранился грандиозный барельеф, на котором победа Ардашира над парфянским царем изображается, как победа Ахура Мазды над Ахра Манью. Но на первом этапе Сасанидского периода мы, безусловно, имеем дело не с зороастризмом, а с маздеизмом, как при последних Ахеменидах. Отец и дед Ардашира были не только царями, но одновременно выполняли функции жрецов в храме Анахиты в Истахре. [В.Г.Луконин. Культура сасанидского Ирана, стр.30.]

Семейные традиции так быстро не забываются, ну а что из себя представлял культ Анахиты, мы помним. Ардашир и его сын Шапур продолжали приносить ей в жертву головы убитых врагов, а еще столетие спустя тем же занимался верховный маг Атурпат, только он для разнообразия меню подкармливал богиню головами христианских мучеников. Нельзя не согласиться с С.Викандером, который категорически отказывается признавать за зороастрийцев таких «кровожадных головорезов» [S.Wikander, цит.соч., стр.126.], как Ардашир I и Шапур I.

При Шапуре I в Иране еще не было государственной религии. При нем выступил и нашел у него поддержку новый проповедник – Мани.

Мани родился в 216 г. в Вавилонии. Имя его не иранское, а арамейское, часто встречающееся среди вавилонских евреев. [H.Ch.Puech. Le Manicheisme. Paris. 1949, стр. 39.] Его родным языком был семитский арамейский язык, т.е. язык Христа, сохранившийся ныне только у айсоров, специализирующихся на чистке обуви в наших городах. Персидского языка Мани, похоже, вообще не знал, а при аудиенциях у персидских царей изъяснялся с ними через переводчика. Мани был от природы хром, а чьим признаком, по старому поверью, является хромота, все знают. Его отец принадлежал к какой-то явно гностической секте и ввел в нее своего сына. Свое знакомство с миром Мани начал с поездки в Индию, а по возвращении в 243 г. был принят Шапуром I, понравился ему и получил право свободно вести пропаганду своей религии по всей империи.

Мани объявил себя таким же посланником бога, как Заратустра, Будда и Иисус, призванным дать синтез всех религий. Из зороастризма он взял принцип двух начал, которые для него были вечными и непреходящими, причем зло отождествлялось с материей, из буддизма – переселение душ, а из христианства – мессианские претензии. Главной идеей Мани была идея вечности зла, идеалом – высвобождение из оков материи заключенной в человеке искры божьего света, чего можно достичь лишь путем строгого аскетизма. Проповедь Мани была окрашена самыми мрачными пессимистическими тонами: «Боже, несовершенны, греховны мы. Мы – мучители, мы лжецы, ради ненасытного, бесстыдного демона зависти, мыслью, словом и делом... Долго, бесконечно страдать мы будем». [В.Г.Луконин, цит.соч., стр.80.] Все это очень похоже на христианские нытье и самобичевание, но Иран не был предрасположен к таким настроениям. На пути у Мани встал Картир.

Б.Брентъес пишет: «Формирование иранской государственной религии шло параллельно образованию христианской государственной церкви на Западе, оно даже завершилось раньше». [B.Brentjes, цит.соч., стр.242.] И поднял эту религию на государственный уровень человек по имени Картир. Со времен мага Гауматы ни один священнослужитель в Иране не поднимался так высоко, но Картир, в отличие от Гауматы, действовал не обманом и представлял уже совсем иных магов, – магов, которые уже на протяжении нескольких столетий мыслили категориями зороастризма. Картир начал свою деятельность при

Шапуре I и сначала не был значительной фигурой. К 80-м годам III в. в его руках оказалась власть над всеми священнослужителями государственной религии. Он стал религиозным наставником царя и верховным магом всего государства. Этот титул (магупат) ему даровал сын Шапура Хормизд в 274 г. и сохранили его за ним два следующих царя – Варахран (Бахрам) I и II. Картир произвел кодификацию Авесты и начал жестокие преследования еретиков и инаковерующих. Первой его жертвой пал Мани, погибший в тюрьме в 277 г. В память своих деяний Картир оставил такую надпись: «Ахриман и девы получили великий удар и мучение и вера Ахримана и девов отступила из страны и была изгнана. И иудеи, и буддийские жрецы, и брахманы, и назареи, и христиане... были разбиты, а изображения их богов – разрушены». [С.Г.Луконин, цит.соч., стр.17.]

Разгромленное в Иране манихейство оказалось на редкость живучим за его пределами. В 763 г. эту веру приняли тюрки-уйгуры в Синьцзяне. Правда, вскоре они были разгромлены киргизами, но, возможно, именно при их посредстве к монголам проникла вера в единого Бога по имени Хормуста. [Л.Н.Гумилев. Поиски вымышленного царства, стр.282,286.] В Византии манихейство распространилось в форме ереси павликиан, создавших в IX в. независимую республику в Малой Азии. Павликиане объявляли Иегову Ветхого Завета Сатаной, а патриархов и пророков – его темными слугами. [Генри-Чарльз Ли. История инквизиции в Средних веках. Сиб. 1911, стр.59.]

В X в. множество павликиан было переселено во Фракию, и эта ересь в форме богомилства заразила южных славян. Известно, какую силу она имела на протяжении нескольких столетий в Болгарии. В XIV в. она сделалась государственной религией в Боснии. Из славянских земель она проникла в Ломбардию, которая сделалась центром ее распространения по всей Европе уже под новым именем – Катаризма.

Объяснение быстрому распространению и стойкости этого учения, по мнению Г.Ч.Ли, «надо искать в том обаянии, которое производит дуализм – антагонизм вечных начал добра и зла – на умы тех, кто считает существование зла несовместимым с верховным владычеством бесконечно доброго и бесконечно могущественного Бога. Когда же к дуалистическому учению прибавляется учение о переселении душ... то легко прийти к убеждению, что найдено удовлетворительное оправдание людских страданий». [Там же, стр.58.]

В данном случае устами Г.Ч.Ли глаголит сама истина. Единственным положительным вкладом Мани в развитие иранской религиозной мысли было введение в нее учения о переселении душ, без которого объяснение мира, как говорилось выше, остается неполным. Я полагаю, что введение этой идеи в маздеизм вполне правомерно, не искажает смысл учения и не вносит в него какой-то чужеродный элемент. Она вполне может быть развита из самого маздеизма, из теории о воплощениях фраварти – если эти воплощения добровольны и имеют целью борьбу со злом, то вполне логично мыслить их не однократными, а периодическими, подобно аватарам Вишну, и столь же логично предположить существование своего рода анти-фраварти во враждебном лагере. Только их воплощения не добровольны и подчиняются закону кармы. В 1209-1216 гг. катаризму в Западной Европе был нанесен смертельный удар крестовым походом против альбигойцев в Южной Франции. Но Г.Ч.Ли прав, что «преследование не могло быть единственным фактором исчезновения катаризма. Нужно искать причину этого в мрачном пессимизме самого учения. Мани лишил древний маздеизм жизненности, приписав началу зла полную власть над всем видимым миром». [Там же, стр.515.]

Однако судьба самого Картира сходна с судьбой нашего патриарха Никона. Он пытался создать в Иране теократию, поставить духовную власть выше светской, но светская власть не позволила ему это сделать. В IV в. пост магупата был упразднен, имя Картира вычерк-

нуто из истории, а кодификатором Авесты официальная легенда стала называть придуманное лицо – некоего Тусара. [В.Г.Луконин, цит.соч., стр.100.]

Царей, при которых выдвигался Картир, строгий С.Викандер уже согласен считать за настоящих зороастрийцев. [S.Wikander, цит.соч., стр.126.] После них приходит Нарсе, который опять симпатизирует манихеям, а Шапур II жестоко преследует христиан и поклоняется Анахите. Однако в последние века Сасанидской империи культ Анахиты сильно отошел на задний план. [Там же, стр.54.] По мнению Р.Зенера, зороастрийская ортодоксия сасанидского периода все-таки ближе к духу Заратустры, чем слабо замаскированный политеизм Яштов. Во 2-й Персидской империи Митре и Анахите сильно подрезали крылья и им никогда уже больше не позволяли узурпировать положение, почти равное с Ахура Маздой. [R.C.Zaehner, цит.соч., стр.168.]

Не удалось занять твердых позиций в маздеизме и зерванизме – философии времени. Лишь при Ездигерде II (439-457) усилиями его визиря Михр Нарсе зерванизм выдвинулся на ведущее место, но позже был отброшен.

Отношения с христианством складывались неровно. Первые кровавые преследования христиан были при Шапуре II в 339 г. В 410 г. Ездигерд I официально признал христиан персидской церковью, но наверное потому, что был женат на еврейке. [P.du Breuil, цит.соч., стр.375-376.] Христианство вообще, как ему и положено, пользовалось наибольшей популярностью среди семитического населения Месопотамии. [Р.Фрай. Наследие Ирана, стр.307.] Для самих евреев с установлением Сасанидской династии ситуация вообще-то изменилась к худшему [O.Klima. Manis Zeit und Leben. Prag. 1962, стр.141.], но они еще продолжали высказывать. После правления своего ставленника Ездигерда I они наблели до того, что однажды убили в Исфагане двух маздеистских священников. Это заставило царя Пероза (459-84) дать евреям по мозгам. Надо отдать должное маздеистскому духовенству: в отличие от христианских ослов, оно очень хорошо понимало, откуда взялась еврейская религия. В книге Денкарт сказано: «После того, как девы были изгнаны из Ирана, они принесли свою ложь семитам, к змею Дахаку, разрушителю созданий. Он принял ее на вооружение и с ее помощью развратил род людской, наполнил мир слезами, создал Тору, писание иудаизма, и построил Иерусалим, где велел ее стеречь. От Дахака ее получил сначала Авраам, вождь евреев, а от Авраама – Моисей. Евреи почитают их за пророков и создателей их лжеучения. Дух Зла побудил Моисея распространить еврейское учение. Потом эта ложь девов, которую Дахак выбрал на проклятье всем творениям, основание лжерелигии, столп иудаизма, появится в мире во второй и в третий раз и будет блистать в разные эпохи стараниями еретиков, в то время как маздеистская религия и Иран будут в упадке». [M.Mole, цит.соч., стр.53.]

Все так и идет, как по-писаному. В начале VII в. Иран был на вершине могущества. Персидские войска стояли у стен Константинополя (по данным одной грузинской хроники, в роли союзников персов на этом фронте выступали руссы, которые требовали от византийцев «оставить ложную веру во Христа») [С.Лесной, цит.соч., стр.95.], взяли Иерусалим, причем погибло 50 тысяч христиан и был, как уверяют христиане похищен Святой Крест (хотя на самом деле там его давно уже не было), захватили Египет и дошли аж до Нигера, а в середине того же века Сасанидская империя больше уже не существовала – она пала под ударами арабского халифата. Если и считать это событие Божьей карой, то разве что за глобальную политику не по силам. Как пишет Л.Н.Гумилев: «Иран ослабел настолько, что уже в 636 г. потерпел полный разгром в битве при Кадеше от арабов, которых до тех пор не считал за серьезного противника. И действительно, победа халифа Омара объяснима не столько фанатизмом новообращенных мусульман, сколько тем, что луч-

шие персидские войска легли в боях с византийцами и тюркюто-хазарами». [Л.Н.Гумилев. Открытие Хазарин. М., 1966, стр.106.]

Но и в завоеванном Иране маздеизм не сразу уступил свои позиции исламу, да и первые мусульманские правители проявляли разумную веротерпимость. В прикаспийских областях маздеизм преобладал до второй половины IX в., а еще в X в. маздеисты составляли большинство сельского населения Фарса. Но по мере того, как ислам становился все более фанатичным и нетерпимым, ситуация менялась, и в XI в. мусульмане уже составляли подавляющее большинство. [И.П.Петрушевский. Ислам в Иране, стр.36-37.] Приверженцы старой веры не захотели жить под исламским владычеством, эмигрировали в Индию, где живут и процветают до сих пор.

Скажите, умершая религия? Или, точнее, реликтовая религия, выражаясь языком биологов? А я скажу: обокраденная религия.

Разве может умереть религия, первой открывшая людям Единого Бога? И что еще более важно, она первой открыла и раскусила Дьявола, величайшая хитрость которого, как говорил Ш.Бодлер, состоит в том, чтобы заставить верить в то, что он не существует. И на эту религию он уж, конечно, постарается обрушить самые страшные свои удары. И все же она жива, и в этом – залог грядущей победы над Злом.

Не эпилог

Итак, перед нашими глазами прошли длинной вереницей языческие боги и прошли три развитые арийские религии. Только эти три религии и могут бросить вызов христианству, но как бы сложился поединок?

Предположим, выехал бы на бой индуизм, вооруженный своей трех с половиной тысячелетней традицией, богатейшей литературой, сложными умозрениями. И полетят в него христианские стрелы и попадут они в кастовую систему, в политеизм Вед, в абстрактность и безликость индийского Бога, в сомнительное происхождение и поведение его воплощений. И индуизм отступит, потому что раны будут нанесены в самые чувствительные места.

Если же на бой выедет буддизм, с ним расправиться будет еще легче. Мрачный пессимизм основателя этой религии – неподходящее настроение для боя, к тому же могут сказать, что это вообще не религия, а атеизм, и буддизм попросту будет лишен права на поединок.

И тогда настанет очередь зороастризма. Если в него бросят копьё, то копьё это, самое большее, сорвет с него маздеистский плащ, которым и дорожить-то не очень стоит. А вот нанести ему серьезную рану не удастся. Он менее всех уязвим. Единственное, к чему могут прицепиться, это к тому, что слишком мало маздеистов на белом свете. Но разве счеты – инструмент истины? И разве сами христиане не считают, что две тысячи лет назад весь мир блуждал в потемках, и только один ничтожный, гаденький народец обладал светом? Так, может быть, и теперь одна небольшая религиозная община, подобно святому Граалю кельтских легенд, сохраняет свет арийской истины во мраке современного мира, в котором торжествует семитский дух?

Но историей движет закон кармы, т.е. закон справедливости. Когда-то семиты были побеждены и миром правили арийцы, но семиты сумели добиться реванша и духовно подчинили себе арийцев, поймав их на удочку Христа. Сегодня наша очередь на реванш. Но первое, что нам нужно сделать для этого – сорваться с крючка.

Тот, кто пришел 2000 лет назад, объявил себя Спасителем, но никого не спас. Несчастья мира не прекратились, а наоборот, умножились. Религиозный фанатизм, нетерпимость и уничтожение инаковерующих – вот «священные дары», принесенные христианством тем народам, которые имели несчастье заразиться этой идеологической чумой.

Настоящий Спаситель, предсказанный в зороастрийском священном писании, еще не пришел. Христиане ждут второго пришествия своего кумира, но не дождутся. Второго пришествия не будет. Будет первое. «Воздадим же славу будущему победоносному Спасителю, который сделает мир совершенным, без старости и смерти; при котором мертвые воскреснут, а живые обретут бессмертие» (Яшт XIX).

Москва. 27 марта – 28 апреля 1981 г. по календарю, ведущему свой счет от рождества самого знаменитого еврея в мире. По иранскому календарю Ездигерда III 7 фервердина – 8 ордибехешта 1349 г.

Приложение

Отрывок из работы «Загадка мегалитов», Киров, январь-февраль 1983 г.

Мне нужно будет вернуться к первой главе моей работы «Заратустра говорил не так», поскольку ее мало кто читал: кое-что повторить, кое-что дополнить, кое-что изменить. Напомню, что уже само появление на земле «человека разумного» вызывает бурные споры: где, когда и как? Большинство ученых не считает т.н. классических западно-европейских неандертальцев непосредственными предшественниками современного человека, а относит их к побочной, тупиковой ветви. Нашими же прямыми предками объявляли т.н. высокоразвитых неандертальцев, якобы стоявших на промежуточной ступени между примитивными неандертальцами и современными людьми. Жили эти высокоразвитые типы конечно же в Палестине: множество ученых, включая наших А.Монгайта и Я.Рогинского, отстаивали эту версию – кто ради библейской традиции, кто к вящей славе еврейского народа. При этом ссылались на находки в пещере Схул, но впоследствии обнаружилось самое натуральное жульничество: после новой реконструкции согласно более совершенной методике черепа из пещеры Схул стали «ближе к типичным палеоантропам». [Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т.92. М., 1966, стр.191.] Настоящие переходные типы найдены в Восточной Европе – в Крыму и в Югославии. [Г.П.Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение homo sapiens. Л., 1968, стр.6, 125-126.]

Неандертальцев не относят к «человеку разумному», однако какие-то религиозные представления у них уже существовали. Так, например, встречаются неандертальские захоронения черепов без каких-либо других частей скелета, причем череп бывает окружен выкладкой из камней. Значение таких отдельных захоронений черепов для Монгайта «загадочно». Обращает на себя внимание также преднамеренная ориентация по линии восток-запад. В пещере Драхенлох (Швейцарские Альпы) в ящик из известковых плит уложены в определенном порядке медвежьих черепов и кости конечностей. [А.Л.Монгайт. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, стр.125.] На стоянке Регурду во Франции найден скелет медведя в яме, перекрытой плитой весом 400 кг. [Г.П.Григорьев, цит.соч.,

стр.147-148.] Одно из мустьерских погребений в Дордони накрыто плитой, на поверхности которой, обращенной к покойнику, имеются выемки явно искусственного происхождения. [J.-Ch.Spahn. Les megalithes de la Suisse. Basel. 1950. p.10.]

Мы не зря начали так издавека, с неандертальцев. Знакомые все обряды: отдельно захороненные черепа, массивные плиты, выемки на этих плитах... Все это мы встречали в мегалитической культуре. Вспоминаются также обычаи галлов, описанные римскими авторами: эстетизация смерти, ритуальные расчленения трупов, поклонение мертвым головам. [Г.С.Кнабе. Корнелий Тацит. М., 1981, стр.85.] Если неандертальцы и не оставили физических наследников (в чем, впрочем, можно и усомниться), то духовная преемственность прослеживается довольно четко, если только относить к духовной сфере такую вещь, как ритуальный каннибализм.

Период, в котором жили неандертальцы, именуется в археологии мустьерским. За ним следует ориньяк, который всячески кроют и перекраивают: Брейль разделил его на три стадии – Шательперрон, собственно ориньяк и граветт, а Д.Пейрони объединил первую и третью в т.н. перигорскую культуру. Сложно, но разобраться необходимо: именно в ориньяке появляется человек современного типа, и сразу же возникает вопрос – откуда? Д.Пейрони, Д.Гаррод и идущий у них на поводу А.Г.Кифишин выводят ориньякцев все из той же Передней Азии (бурные аплодисменты в стане евреев и христиан), другие – из Восточной Европы, но наиболее убедительна, пожалуй, точка зрения Г.П.Григорьева, согласно которой «ориньяковидные культуры Восточной Европы оказываются очень различными, для них трудно отыскать хотя бы один общий признак. Невозможно выводить их из одного источника, т.к. они разнообразны по типологии, технике расщепления кремня и изготовления орудий». Памятники, расположенные на территории СССР, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии и относимые обычно к ориньяку, составляют различные культуры. Григорьев считает «твердо установленным происхождение ориньяка Франции от местного варианта мустье – варианта Кина – и поэтому исключает возможность прихода ориньякцев во Францию с Дуная». [Г.П.Григорьев, цит.соч., стр.68, 114-115.] Еще более фантастичен вариант с приходом ориньякцев из Передней Азии. Станный аргумент выдвигает А.Г.Кифишин, будто бы ориньякцы бежали от наступившего там похолодания. Станный потому, что ориньяк распространился в Западной Европе в наиболее холодный период вюрмского оледенения. [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.134.] Интересна в этом отношении статья А.А.Сейбутиса «Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии» (Природа, 1980 г., №11). Анализируя лексику индоевропейских языков, автор установил, что в этих языках много соответствий имеют представители тундровой фауны, а обитатели лиственных лесов чаще всего совсем лишены подобных соответствий. Кроме того, в большинстве индоевропейских языков снег называется общими словами, а жидкие осадки – разнородными. Значит, делает вывод Сейбутис, прародина индоевропейцев находилась в тундровой зоне: к ней тяготеют и названия времен года в этих языках. Согласно его теории, в самое суровое время последнего оледенения (вюрмского по западной номенклатуре, валдайского – по нашей) предки племен индоевропейского праэтноса были вынуждены кочевать по перигляционной Европе. Существование ностратического надэтноса А.Сейбутис относит к предшествующему межледниковью, а под воздействием валдайского оледенения одна часть надэтноса отошла, по его мнению, на Южный Урал (финноугры), другая – на острова Средиземного моря, в Африку и Переднюю Азию (семитохамиты), а индоевропейский праэтнос остался в пещерах гор Центральной Европы.

Лихо, но сомнительно. Лингвисты датируют отделение индоевропейских языков от ностратической общности гораздо более поздним временем. Сейбутис правильно обратил

внимание именно на период оледенения, но неправильно осмыслил происходившие тогда этногенетические процессы.

Ориньяк – термин археологический, индоевропейцы – лингвистический (индоевропейский расовый тип существует только в воображении профанов), антропология же имеет свои наименования. Ориньякской культуре соответствует т.н. кроманьонский расовый тип, но он, как и сама эта культура, тоже разбивается на подтипы. Из него выделяется брьонн-пржедмостский тип, сохраняющий некоторые неандертальские черты (покатый лоб, развитое надбровье). Именно с этим типом Монгайт связывает культуру граветт, истоки которой он ищет в русских верхнепалеолитических памятниках. [Там же, стр.128,136.] Если же исходить из классификации Пейрони (шательперрон + граветт = перигор), то можно представить себе такую схему. Культура шательперрон появляется в интерстадиале Вюрм I/II – 40-35 тысяч лет назад. [Там же, стр.129.] Ее носители – кроманьонцы брьоннского типа, первый европейский вариант человека разумного, поэтому неудивительно, что он еще отягощен некоторыми неандертальскими чертами. Чистому ориньяку (32-20 тыс. лет назад) в Западной Европе (Испания, Франция, Бельгия) соответствует чистый кроманьонский тип. Исходный брьоннский тип занимает в это время огромные пространства Восточной Европы и Сибири (культура граветт, 20-26 тыс. лет назад). Этот исходный тип просуществовал довольно долго, вплоть до древнеямной культуры [Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951, стр.436.] IV-III тыс. до н.э. в наших причерноморских степях, сегодня уже несомненно признаваемой за арийскую. Но не следует путать этот протоевропейский тип с «нордическим» типом в понимании германских расистов и не следует думать, будто белокурые и голубоглазые кроманьонцы эпохи верхнего палеолита – это некие «протоарийцы». Индоевропейцы тогда еще не выделились из ностратической общности, представители одного исходного расового типа позже оказались среди разных языковых семей и никого не должны удивлять белокурые и голубоглазые ливийцы в Африке и тюрко-монголы в Азии. И никому не советую строить разные домыслы по этому поводу. За расовую мифологию однажды уже было заплачено очень дорогой ценой.

Нельзя говорить ни о каких индоевропейцах, семитах или тюрко-монголах в верхнем палеолите. Тогда этих языков еще не было, существовали лишь ностратические диалекты, а что они собой представляли, можно в какой-то степени судить по такому реликту глубокой древности, как баскский язык, который любители распихивать все по полочкам никак не могут никуда приткнуть. И не смогут: невозможно соотносить с языковыми семьями образование, возникшее гораздо раньше их. Так же неоднозначно обстоит дело и с расовыми типами. Расы палеолита это еще не совсем те расы, какие мы знаем сегодня, кроманьонский тип сохранился лишь в единичных экземплярах. Мы уже говорили о том, что брьонн-пржедмостский тип, который энтузиасты могут считать «протоарийским», сохранял еще ряд неандертальских черт, сохранял следы происхождения от существ более низкой стадии развития. Но кроме разновидностей кроманьонской расы палеолитическую Европу населяли и другие типы, тоже не совсем вписывающиеся в современную расовую классификацию, в частности, т.н. тип Гримальди. Этот тип мы встречаем в верхнем палеолите в таких довольно неожиданных и весьма удаленных друг от друга местах, как южная Франция и Воронежская область. По ряду признаков – прогнатизм, широкий нос, пропорции конечностей – он сближается с негроидами, но о степени этой близости идет спор. Одни считают возможным включение этого типа в негроидный расовый ствол [Ископаемые гоминиды и происхождение человека, стр.245.], для других перечисленные признаки не являются достаточно специфичными, а тип Гримальди соответственно классифицируется как вариант тех же кроманьонцев, только с негроидными чертами, для третьих же гримальдийцы – общая стадия развития негроидной и европеоидной рас (точка зрения

Г.Ф.Дебеца) [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.127.]. Последний взгляд представляет особый интерес. Раньше наши антропологи из боязни впасть в расизм шарахались от теории полицентризма, когда речь шла о происхождении современных рас, но позже стали подходить к делу спокойней и научней, и В.П.Алексеев уже допускает возможность раздельного происхождения монголоидной расы с одной стороны, европеоидной и негроидной с другой. Исходным для двух последних рас мог быть какой-то промежуточный вариант, вроде современных австралоидов или древних гримальдийцев. Австралоиды, кстати, ближе всего по типу к неандертальцам [М.Ф.Нестурх. Человек и его предки. М., 1934, стр.198.], т.е. вполне могут быть реликтом древней переходной расы – прародительницы двух больших современных рас.

Археологические культуры, пришедшие на смену ориньяку и граветту, солютре (18-17 тыс. лет до н.э.) и мадлен (16-10 тыс. лет до н.э.), не изменили этническую картину Европы. Правда, уже в эти эпохи начался процесс брахикефализации (и неандертальцы, и кроманьонцы были долихокефалами, т.е. длинноголовыми), но этот процесс вовсе не обязательно связывать со сменой населения. Брахикефализация вызывается какими-то причинами как внешнего, так и внутреннего характера, механизм действия которых до сих пор до конца не раскрыт и не познан. Одна из возможных причин – влияние горных местностей на еще не устоявшиеся расовые типы, которые отличаются повышенной приспособляемостью и могут развиваться в различных направлениях в зависимости от того, в какую среду попадут, но этой причиной вопрос не исчерпывается.

Более интересные и для климатологов и для этнографов времена начинаются с отступлением ледника и переходом к новой эпохе – эпохе мезолита. То, что переживала тогда Европа, можно с полным правом назвать великим доисторическим переселением народов. Для мезолита характерна т.н. микролитическая техника, открытие которой Монгайт называет одним из гениальных изобретений человечества [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.179.]. Тогда же были изобретены лук и стрелы и приручена собака. Микролитический культурный комплекс начал свое победное шествие по материкам Старого Света. Пионером микролитической техники специалисты довольно согласно называют т.н. капсийскую культуру Северной Африки (местность, давшая ей название, находится в Тунисе и называется теперь Габес). На её влияние указывает тот же Монгайт [Там же.]. Согласно концепции Г.Чайлда, в эпоху мезолита на территорию Европы, заселенную автохтонными «лесными» племенами, разновременными волнами переселились из Северной Африки, прародительницы капсийских племен, носители микролитической кремневой индустрии [У истоков древних культур (Эпоха мезолита). М.-Л., 1966, стр.96.]. Впечатляющее зрелище экспансии капсийцев – карты в книге В.Даниленко «Энеолит Украины» [В.Н.Даниленко. Энеолит Украины. Киев, 1974, рис.70 и 71 на стр.144 и 145.].

В Западной Европе в эпоху мезолита соперничают две культуры – азиль и тарденуаз. Азильская культура развилась на основе местной поздне-палеолитической культуры [Происхождение человека..., стр.422.], ее носители – потомки франко-кантабрийских мадленских племен [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.176.], которые крепко уцепились за свои родные места (северную Испанию и южную Францию) и не дали капсийскому наводнению себя смыть. Район их обитания позволяет довольно точно идентифицировать их этнически. Это, несомненно, предки басков, которые именно тогда оторвались от ностратической общности, в результате чего язык их законсервировался на стадии, достигнутой в момент отрыва, и сегодня остается для нас бесценным реликтом ностратического периода. Часть азильцев в конце VII тысячелетия была оттеснена с территории Франции в южную Германию, где оставленные ими отдельные захоронения черепов [Там же, стр.177-178.] свидетельствуют о том, что неандертальские традиции продолжали свято сохраняться, если только у кого

язык повернется говорить о святости подобных традиций. Другая палеоевропейская культура, свицерская, переместилась под натиском пришельцев на Русскую равнину [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.144.].

Западная Европа оказалась во власти тарденуазской культуры (провинциально-капсийской, по выражению В.Даниленко) [Там же.], захватившей Испанию, Францию, Британию, Германию, Чехословакию и Польшу, дошедшей до Литвы и Днепра. На востоке Европы микролитические племена через южно-русские степи дошли до Среднего Поволжья и Прикамья, а позднее и бассейнов Вычегды и Печоры [У истоков древних культур, стр.96,205.]. В Средней Азии капсийским импульсам обязана своим возникновением кельтеминарская культура, а пределом сферы их действия была Индия. [Там же, стр.96.]

Об антропологическом типе капсийских племен можно говорить с достаточной уверенностью, как это делает тот же Даниленко, по словам которого, «в самом конце палеолита в присредиземноморские, причерноморские и приазовские части южной Европы проникают значительные массы средиземноморского (а отчасти и негроидного) капсийского населения» [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.143.]. Г.Ф.Дебец, Т.А.Трофимова, Н.Н.Чебоксаров тоже связывают экспансию тарденуазской культуры до Литвы и Днепра, с одной стороны, и вдоль атлантического побережья Западной Европы, с другой, с распространением на юге Франции, на Пиренейском полуострове, в Италии, в Северной Африке и на восток вплоть до Индии грацильных долихокефальных черепов, причисляемых обычно к средиземноморской расе, причем и эти авторы отмечают негроидные черты, часто встречающиеся у средиземноморцев вплоть до III-II тысячелетия до н.э. [Происхождение человека..., стр.424,432.] Именно со встречей в период потепления средиземноморских обитателей пещер и северных охотников на дуге северо-западного Атлантического побережья от Бискайского залива до Балтики десять тысяч лет назад Ф.Хитчинг связывает «туманное начало мегалитического комплекса». [F.Hitching. Earth Magic. London. 1976. p.168.] В самой северной Африке капсийская культура не была единственной, ее основной зоной являлись Тунис и алжирский департамент Константина (отметим про себя, что именно на этот район приходится и основное сосредоточение мегалитов в Северной Африке), а в Алжире и Марроко сохранилась другая культура, т.н. иберо-мавританская, более примитивная, восходящая к местному палеолиту [У истоков древних культур, стр.175-176.]. А.Алиман носителями капсийской культуры называет племена средиземноморского типа, иногда с негроидными признаками, а иберо-мавританской – местный мектинский вариант кроманьонцев. Капсийская культура в Африке распространилась на Киренаику и достигла Кении [Там же, стр.175.]. Негроидный деготь, который несли на себе капсийцы, оказался очень липким, – хотя и в ослабленном виде негроидные признаки прослеживаются аж до нашего Волго-Камья. [Там же, стр.205.]

Спрашивается, откуда сие? Да совсем не издалека, вовсе незачем путешествовать в Африку. Достаточно вспомнить о гримальдийском типе в южной Франции и у нас в Костенках Воронежской области. Именно у гримальдийцев микролитическая техника существовала уже в ориньяке, а в солютрейское время ее продолжала совершенствоваться салпетриерская культура в той же юго-восточной Франции. [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.136-137.] На польской мегалитической стоянке Хвалибоговица найдены орудия гримальдийского типа [У истоков древних культур, стр.21.], а П.Ефименко в книге «Первобытное общество» (Киев, 1953) проводит прямую параллель между Костенками и капсийской культурой.

Средиземноморский антропологический тип, по теории Чекановского, возник как гибридный, в результате смешения гримальдийцев с кроманьонцев, но в действительности, пожалуй, главную роль играло вовсе не смешение. Гримальдийский тип имел гибкую ор-

ганизацию и мог потенциально развиваться в сторону усиления как европеоидных, так и негроидных признаков в зависимости от того, в какие условия попадет. В Европе он со временем дал средиземноморский тип – т.н. негроидная примесь мезолитического и неолитического периодов была всего лишь сохранением исходных негроидных признаков, со временем исчезнувших, а в Африке столь же закономерно исчезли европеоидные признаки и остался чисто негроидный тип.

А вот на каком языке, точнее, на каком диалекте разговаривали потомки гримальдийцев, разносчики капсийской культуры, – вопрос гораздо более сложный. Согласно концепции Даниленко, «главным для решения вопроса об этнокультурной принадлежности ностратического единства является присутствие в нем в качестве важных, возможно, близких к прототипу составных частей формировавшихся хамитской, семитской и кавказской (картвельской) диалектических групп... Ядро ностратического массива X-XII тыс. лет назад могло иметь в качестве своего эпицентра лишь юго-восточное Средиземноморье, где обитали капсийские мезолитические племена с особым тарденуазским обликом культуры. Распространение провинциально-капсийской культуры на юго-западную Европу, в области Кавказа, Приуралья и даже Индии было равнозначно ностратизации местного населения и распаду ностратического диалектического единства» [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.131.]. Лишь в материалах капсийского ареала мезолитической эпохи, считает Даниленко, может найти обоснование родство басков, хамито-семитов и протокартелов [Там же, стр.157.]. Концепция Даниленко уязвима с двух сторон. Во-первых, ничем не подтверждается, что эпицентр распространения капсийской культуры находился именно в юго-восточном Средиземноморье, ничем, кроме все той же библейской традиции, на мельницу которой льет воду Даниленко. Носители этой культуры, гримальдийцы, еще в палеолите жили от французской Ривьеры до Дона, и попытка вывести их непременно из Палестины такая же натяжка, как в случае с человеком разумным, монополия на появление которого была, как мы уже видели, отдана Палестине необоснованно. Во-вторых, Даниленко неверно видит ностратическую общность именно в ареале капсийской культуры – эта общность возникла раньше, еще в палеолите, когда кроманьонцы расселились на огромных территориях, включая Восточную Сибирь и Северную Африку. Если руководствоваться словарем ностратических языков, который составил В.М.Иллич-Свитыч, то обнаружится, что наибольшее число соответствий приходится на долю трех языковых семей: индоевропейской, семито-хамитской и алтайской, а это значит, что представители этих трех семей дольше всего сохраняли связи между собой. Их общий ареал включает Восточную Сибирь – это прямое указание на кроманьонцев, а не на капсийцев.

(Позднейшее примечание. Советский лингвист Н.Д.Андреев, автор книги «Раннеиндоевропейский праязык» (Л., 1986), вообще не признавал ностратической теории. Он доказывал, что существовала бореальная общность, в которую входили индоевропейцы, уральцы и алтайцы. По-видимому, правы обе стороны, просто речь идет об общностях разных периодов, бореальной палеолитической и ностратической мезолитической.)

Чаще всего в ряду ностратических соответствий отсутствуют картвелы, следующее место за ними занимают дравиды, затем уральцы. Это можно понимать как указание на очередность откола названных языковых семей от ностратической общности. Первыми откололись картвелы, и не случайно именно их давно уже пытаются сблизать с басками. Причиной откола могли служить расовые различия – гримальдийцы отделились от кроманьонцев. Средиземноморский тип, происшедший от гримальдийцев, представлен как раз среди картвелов и дравидов – их предков и следует видеть в капсийцах. Что же касается уральцев, т.е. угро-финнов, то им принадлежала уже упоминавшаяся кельтеминарская культура в Средней Азии, имевшая капсийское происхождение, – поэтому не случайно угро-

финские языки, как это ни странно на первый взгляд, ближе всего к дравидским [М.С.Андронов. Дравидские языки. М., 1965, стр.99-100.], а многочисленные урало-алтайские схождения – явление вторичного порядка.

Даниленко порою вводит читателя в заблуждение, говоря, например, о родстве басков с хамитами [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.133.] или о хамитских компонентах в додинастическом Египте [Там же, стр.136.]. Всегда нужно уточнять, о каких именно «хамитах» идет речь, потому что языкознание сегодня отказалось от этого общего термина и делит семито-хамитскую семью на пять ветвей: семитскую, берберо-ливийскую, египетскую, кушитскую и чадскую [И.М.Дьяконов. Семитохамитские языки. М., 1965, стр.7.]. Когда же Даниленко пытается вносить такие уточнения, он попадает пальцем в небо. Так, он связывает басков с хамито-берберской этноглогтогонической средой [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.147.], в то время как эта связь как раз и не подтверждается [Ю.Н.Завадовский. Берберский язык. М., 1967, стр.8.]: баски оказываются ближе к кушитской ветви «хамитов» [J.Karst. Essai sur l'origine basques, iberes et peuples apparentes. Strasbourg. 1954.], а берберо-ливийцы, которые ближе всего к семитам [И.М.Дьяконов, цит.соч., стр.51.], жили первоначально на берегах Нила и подчинили себе Сахару лишь во II тыс. до н.э. [Ю.Н.Завадовский, цит.соч., стр.66.] Все это надо знать, чтобы более четко представлять себе, какие именно этносы сталкивались в доисторической Европе. Это поможет нам решить и нашу основную задачу – найти народ, создавший мегалитическую цивилизацию.

В конце VII тыс. до н.э., как пишет Даниленко, «в обстановке продолжающейся капсидской инфильтрации» на крайнем юго-западе Европы возник ареал земледельческого неолита, т.н. «импрессо» (штампованной) керамики, который быстро расширился за счет балкано-дунайского пограничья [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.146.]. Его-то Даниленко и связывает с «хамито-берберской этно-глогтогонической средой». Этот ареал охватывал средиземноморское побережье Испании, Южную Францию, ряд местностей Италии, Корсику, Сицилию, Мальту, южную Анатолию, Сирию и северную Африку, но Монгайт считает неподтвердившейся гипотезу о появлении этой керамики впервые в Северной Африке и Испании и выводит ее из Сирии [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.324-325.]. Восточные пришельцы, по его словам, вели активную колонизационную политику на Западе и пользовались при этом каботажными судами. [Там же, стр.293,296.]

Мы уже где-то очень близко от наших строителей мегалитов. Перед нами морская цивилизация, которая прокладывала пути финикийцам, пришедшим, как и положено семитам, на готовое: мы знаем, что до них на территории Сирии и Ливана существовали важный торговый центр древности Библ и государство Угарит. Мы знаем, что предшественниками семитов в этих областях были хурриты, родственные по языку урартам; и тех и других сближают с народами иберийско-кавказской языковой семьи [Г.А.Меликишвили. Урартский язык. М., 1964, стр.10-14. В.Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. «Вопросы языкознания». 1954. № 4.]. Однако сквозь кавказские языковые пласты проявляется древнейший дравидский языковый субстрат, причем черты, объясняемые на материале дравидских языков, прослеживаются параллельно с древнейшим распространением протосредиземноморской расы [Б.А.Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. 1941, стр.126.]. И хурриты, возможно, сами не были пионерами на морских путях: им предшествовали дравиды.

В.Грозный в статье «Доисторические судьбы Передней Азии» (ВДИ, 1940 г., № 3-4) относит семитов в антропологическом отношении к восточным средиземноморцам: этот тип, представленный и среди индоевропейцев, в чистом виде сохраняли аккадо-вавилоняне, а в наше время сохраняют арабы, тогда как евреи, ассирийцы и арамейцы смешались с субарейцами и хурритами, характерными признаками которых были брахи-

кефалия и нос известной формы: так возник современный еврейский тип. Появление этого типа, обычно именуемого антропологами арменоидным или ассириодным, по мнению Б.А.Куфтина, следствие явлений более биологического порядка, независимое от языковых образований, а именно результат постепенной регенерации ряда признаков древнего автотонного типа, измененных и усиленных метисацией, внутри уже ранее образовавшихся языково-племенных групп, как хуррито-субарейской, так и протохеттской и даже семитской (Ассирия) [В этом процессе ряд характерных признаков, в частности, форма носа, получили оформление, завися от вторичной долихокранной среды. Б.А.Куфтин, цит.соч., стр.127.]. Таким образом, антропологический тип евреев, ассирийцев и армян развился в результате естественной эволюции средиземноморского типа еще во времена господства хурритов в странах Леванта. Однако, зная ближневосточный «прикол» Монгайта, мы можем и не поверить в его версию о происхождении культуры импрессо-керамики именно из Сирии. Движение средиземноморцев через страны Азии шло с Запада на Восток через Сирию и Ирак в Индию. Почему бы и через Средиземноморский бассейн они не могли двигаться в том же направлении? Тогда прав будет Даниленко, а не Монгайт. Исходный пункт – Испания. Ошибся Даниленко лишь в этнической идентификации. В цивилизации импрессо-керамики мы впервые встречаем жуткий обряд, который роднит ее с мегалитической цивилизацией, а именно трепанацию черепа. Особенно много черепов со следами трепанации находят в южной Франции, откуда эта практика пришла на Пиренейский полуостров. Эта операция, по словам Монгайта, производилась кремневым ножом и немногие из пациентов ее пережили [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.326.]. Ниэль сообщает, что в департаменте Лозер находят черепа детей с круглыми дырами, относящиеся к мегалитической цивилизации, и высказывает предположение, что целью трепанации было искусственное создание сумасшедших [F.Niel. La civilisation des megalithes. Paris. 1970. p.277.].

В Центральной Европе имел место контакт культуры импрессо-керамики с культурой т.н. ленточной керамики [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.136.] – авангардом индоевропейцев, которые уже выделились к тому времени, как особая языковая семья, из протоевропейской кроманьонской общности. Даниленко видит в носителях линейно-ленточной керамики конкретно предков иллирийцев, кельтов и италиков [Там же, стр.149.]. В своем продвижении на Запад племена линейно-ленточной керамики поглощали местные племена с более примитивной культурой, жившие на стадии мезолита в горах между Дунаем и Рейном, в Тюрингии, и Польше. Результатом этого смешения была т.н. культура накольчатой керамики и ее вариант – культура Рёссен в Германии и Чехословакии в середине IV – начале III тыс. до н.э. [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.234.] Факт смешения подтверждается и антропологическим материалом: в могильниках линейно-ленточной керамики массивные и узконосые кроманьонские черепа соседствуют с очень грацильными, долихокефальными, с сильно выраженными негроидными чертами. [Происхождение человека..., стр.432.] Дунайский центр, один из двух европейских центров усиления негроидных признаков (вторым являлась Сардиния), образовался не в мезолитическое время, а именно в эпоху развития ленточной керамики. [Там же, стр.425.] Это интересный факт: его можно попробовать объяснить происходившими тогда в Европе этническими сдвигами. Мезолитические гримальдийские племена испытывали двойной нажим: с востока двигались индоевропейцы, с юго-запада – новая волна импрессо-капсийцев, эти две волны сбивали гримальдийцев в центр Европы, где и образовалось их скопление в виде «дунайского центра».

Надо будет еще раз вернуться к вопросу о языковой принадлежности гримальдийцев. Мы предположили, что среди них были предки картвелов и дравидов, но, возможно, не только они. Если принимать за исходный ориентир в вопросе о распаде ностратической общности басков, то следует помнить, что их сближают не только с картвелами: Ж.Карст

указывает на параллели между басками и кушитскими языками, а нам нужно нащупать не только чистых средиземноморцев, но и найти негроидную примесь. Кушитские народы по типу принадлежат к эфиопской расе, занимающей промежуточное положение между европеоидами и негроидами, а поэтому представляют для нас интерес.

Иллич-Свитыч в своем ностратическом словаре дает семито-хамитские соответствия в 231 случае, но лишь в 72 из них приводит конкретный материал по остальным четырем ветвям этой языковой семьи, кроме семитской. Вопрос: не счел нужным приводить больше или не нашел? Автор теперь уже не сможет нам ответить, но если не нашел, то мы сочтем правомерным поставить некоторых членов этой семьи на уровень картвелов по степени близости к ностратической первооснове, прежде всего – чадскую и кушитскую ветви. Можно попробовать проследить дальнейшую роль негроидного, предположительно чадско-кушитского субстрата, в судьбах европейских народов. Дунайский центр, благодаря своей негроидной основе, дал очень стойкий вариант средиземноморского типа, который потом не смогли стереть ни время, ни территориальные перемещения, ни смешение с другими народами. Этот тип Т.Трофимова называет силезским (Сов.этнография, 1948, № 2). Из области унетицкой культуры он был занесен в Польшу венетами, а затем в России их потомками – вятичами, у которых он сохранился. Речь идет все о том же долихокефальном, узколицем темно пигментированном средиземноморском типе. [Происхождение человека..., стр.460-461.] В свое время я проследил в работе о венетах генезис этой народности только до периода унетицкой культуры, но умышленно не стал тогда копать глубже. Как известно, Дж.Баттисти считал этот народ неиндоевропейским: индоевропейский слой только наложился, по его мнению, на иной первоначальный субстрат, предположительно, – крито-эгейский [З.Майяни. Этруски начинают говорить. М., 1966, стр.314-315.]. Теперь, на мой взгляд, можно с большей уверенностью говорить об этом субстрате: речь идет о мезолитических племенах средиземноморского типа с сильной негроидной примесью, диалекты которых, возможно, были близки к чадским и кушитским языкам. Племенное имя венетов до сих пор никем удовлетворительно не объяснено. Ф.П.Филин предполагает, что оно уходит своими корнями в такую глубокую древность, что мы никогда не узнаем его значения. Не исключена возможность, что оно не индоевропейского, а субстратного происхождения. Но вот что любопытно: среди чадских племен народов Африки до сих пор существует один, называющий себя мандара или вандала. Чередование «м/в» в разных диалектах не должно смущать. Точно такое же чередование характерно для кельтских языков. В чадских языках менде – человек, мен – люди, совсем как в английском, в кушитском ман, мен обозначает женщину в противоположность германскому слову, обозначающему мужчину. Так или иначе, чередование «м/в» может превратить «мен» в «вен» и направить нас на интересный след.

Шарниром круговращения народов в доисторической Европе была Испания. И поэтому именно в ней легче всего подстеречь строителей мегалитов на их весьма замысловатых путях и потом уже больше не упускать их из вида. В ней же можно уяснить себе и отношения между строителями мегалитов и другими народами, что необходимо для решения проблемы этнической идентификации.

Особый интерес в этом отношении представляет неолитическая Альмерийская культура в Южной Испании (IV-III тыс. до н.э.). Монгайт считает, что наиболее древние мегалиты в Западной Европе появились именно в области этой культуры, а также в Португалии [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.263.]. По его словам, была распространена точка зрения, что неолитическая культура Испании возникла на основе североафриканской капсийской культуры, однако, хотя эта гипотеза до сих пор целиком не отвергнута, капсийская культура в чистом виде не достигла Испании [Там же, стр.302.]. Более детальную картину нам

дает А.В.Мишулин: согласно его трактовке, альмерийскую культуру Испании создал народ африканского происхождения, от которого ведут начало иберы, а в Африке – нумидийцы, мавританцы, берберы и туареги [А.В.Мишулин. Античная Испания. М., 1952, стр.159.]. Археология, продолжает он, установила на Иберийском полуострове под иберийским и кельтским слоями две группы племен, твердо сохраняющих свою этническую физиономию: капсийцев и пиренейцев... Подобный же вариант имеется и во Франции. Народы юга Франции – это смесь пиренейцев и капсийцев. Признаки альмерийской культуры характерны, по мнению Мишулина, именно для иберийской археологии. «Культура Альмерии проникла до самой Португалии, хотя там продолжала процветать знаменитая туземная мегалитическая культура, давшая памятники, не имевшие себе равных в других областях Испании», в то время как в Андалузии «новая волна капсийцев, вторгшись в эту область, уничтожила местную мегалитическую культуру». [Там же, стр.150, 152-153.] В последнем случае Мишулин допустил оговорку, которая может запутать дело: новая волна иберов, а не капсийцев. Он ведь четко отличает иберов от капсийцев, носителями культуры Альмерии считает иберов, а народ мегалитов, оттесняемый альмерийцами, т.е. иберами, может быть только остатком капсийского населения, консервативную же пиренейскую культуру можно без малейшего сомнения связать с басками. Мишулин видел в альмерийских иберах родичей берберов, но это верно лишь частично: мы уже говорили о сравнительно позднем появлении ливийско-берберских племен в Северной Африке, культура же Альмерии относится к более раннему периоду. Даниленко устанавливает преемственность между альмерийцами и культурой «импрессио-керамики» [В.Н.Даниленко, цит.соч., стр.148.]. Преемственность эта прослеживается и в ритуальной трепанации черепов [А.Л.Монгайт, цит.соч., стр.303.]. Но альмерийцы были брахикефалами [А.В.Мишулин, цит.соч., стр.160.], что для берберов нетипично: брахикефалический тип сохранился среди них, как реликтовый, лишь в том же Тунисе. Значит, культуру Альмерии правильной связывать не с берберами и не со средиземноморцами вообще. Мы уже говорили о том, что берберо-ливийцы не были автохтонами Магриба. В ливийском языке, наряду с берберскими элементами, прослеживается какой-то неизвестный субстрат. Кому он мог принадлежать?

Рассадник брахикефалов в Средиземноморье – Передняя Азия. На морские пути, освобожденные дравидами, могли выдвинуться их преемники в Сирии – хурриты, причем идти тем же путем, что и позже финикийцы – сначала захватить Северную Африку, а потом Испанию. Культура Альмерии, согласно Мишулину, принадлежала иберам. Историков давно уже занимает вопрос, что общего между Иберией-Испанией и Иберией-Грузией. Возможно, что переносчиками этнонима были именно хурриты, наведшие морской мост между этими странами.

Берберы следовали за хурритами по суше, финикийцы – по морю. Но и сами хурриты, как мы уже видели на материале Передней Азии, тоже лишь позднейшая надстройка на еще более древнем субстрате – средиземноморском, предположительно дравидском. Дравиды? В Западной Европе? А почему бы нет? Это теперь мы знаем дравидов только в южной Индии. А когда и откуда они туда попали? Вопрос до сих пор неясен. Во всяком случае, чем древней времена, тем дальше на запад от Индии мы застаем дравидов. Например, родственными по языку дравидам были древние эламиты [М.М.Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр.34.], а это уже приводит нас в юго-западный Иран. Б.А.Куфтин выявил древнейший дравидский языковый субстрат в хурритском языке и тем самым уже вывел нас на берега Средиземного моря. Идем дальше. Когда были измерены черепа, найденные в Бадари (додинастический Египет, VI тыс. до н.э.) совершенно неожиданно обнаружилось, что они имеют сходство лишь с черепами дравидов и веддов. Ученые

вместо того, чтобы заинтересоваться этим фактом, реагировали на него, как анекдотический дурак на жирафу: «Не может быть!», «Случайное совпадение». На том они (ученые, конечно, а не дравиды) и остановились, хотя антропологический материал подтверждается лингвистическим: древнеегипетский язык имел много общих элементов с дравидскими языками [Х.А.Кинк. Египет до Фараонов. М., 1964, стр.113-114.]. Идем дальше. В.Бунак в своей работе [Краниологические типы западноевропейского неолита. Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, XIII, 1951.] пишет о «дольменном типе», что аналогов ему в палеолите Западной Европы не установлено, зато сходные формы обнаруживаются в Египте и Нубии, еще более ясно в Ираке (Эль-Обейд, Киш). Предшественниками шумеров в Двуречье были протоэламиты – черепа очень раннего времени из Месопотамии принадлежат к тому же типу, что и черепа из Мохенджо-Даро в Индии [Э.Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр.35-36.], где они почти неотличимы от английских. Возможно, заключает В.Бунак, это ветвь обширной группы, другие части которой – протодравиды Индии и Ирана и протоэфиопы Восточной Африки. Круг, таким образом, замыкается, тот самый круг, который отмечен сооружениями мегалитических построек. Неохваченной осталась, как будто, одна Корея, но и до нее дойдет черед. Хюльбер считал корейский язык родственным дравидским и выводил корейцев из Южной Индии [См. предисловие Б.Пашкова к книге Г.Рамстедта «Грамматика корейского языка», М., 1951, стр.6.]. И здесь та же связь. И австралоидные айны, древнейшие обитатели Японии, тоже хорошо укладываются в общую картину. Подозрения в адрес австралоидов, как мы уже говорили, прямых потомков неандертальцев, высказываются уже давно. Л.Шапошникова прямо пишет, что мегалитическая культура юга Индии «в первую очередь была связана с австралоидным населением. Племя курумба, например, до сих пор сооружает дольмены и отмечает погребения кольцом камней» [Л.В.Шапошникова. Австралоиды живут в Индии. М., 1976, стр.290. Примечание. Правда, современные антропологи не считают «австралоидов» Индии просто разновидностью австралийцев, а видят в них самостоятельную расовую группу, столь же своеобразную, как и основные расовые ветви человечества (Г.Л.Хить, Н.А.Долинова. Расовая дифференциация человечества. М., 1990, стр. 28.]. Еще сто лет назад ставило менгиры племя кхаси [F.Niel, цит.соч., стр.323.]. Оно живет в Ассаме и входит в языковую группу мон-кхмер [В.Д.Бабакаев. Ассамский язык. М., 1961, стр.8.], но на их языке «мен», как и в кельтских языках, «камень» [F.Hitching, цит.соч., стр.6.]. На этом фоне в каком-то новом свете предстают и людоедские обряды японской военщины во вторую мировую войну (большой процент самураев – айнского происхождения), и злодеяния «красных кхмеров» во главе с Пол Потом.

Мегалитическая цивилизация, как мы видели по испанской схеме, была не иберийской – иберийская культура Альмерии, наоборот, вытеснила ее с юга Испании. Она не могла принадлежать и баскам – при изоляционизме этого народа трудно представить себе его всесветным путешественником. Значит, в Испании должен был существовать третий этнический компонент, в расовом отношении, судя по всему, потомок гримальдийцев, по языку предположительно протодравидский.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!